

СМЕНА

№ 23 ДЕКАБРЬ 1983.

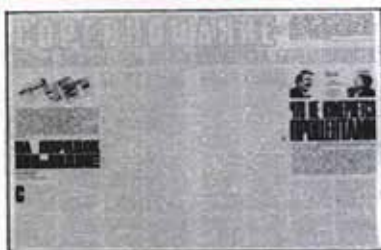

*«...И РАДЫ МЫ
ПРОКАЗАМ МАТУШКИ ЗИМЫ».*

А. С. Пушкин

ПЕРЕДОВОЙ ПОИСК МОЛОДЫХ — ПР

НОВАЯ РУБРИКА Дисциплина труда

Речь сегодня о том, что продиктовано жизнью, подсказано временем. А значит—должно быть обязательно услышано, всесторонне осмыслено, до конца понято.

Речь сегодня о **дисциплине труда**. В решениях июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС подчеркивается, что укрепление дисциплины, организованности, порядка во всех сферах—важнейшее условие нашего движения вперед.

О сути социалистической дисциплины Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Ю. В. Андропов сказал, что она заключается в полной отдаче делу каждого труженика на каждом рабочем месте.

Такую отдачу трудно себе представить без творческого отношения к делу, без инициативы, без твердой гражданской позиции, нравственной цельности. Значит, работа по укреплению дисциплины труда—это работа прежде всего воспитательная. Потому столь важно умело и настойчиво вести ее среди молодежи. Потому нет сегодня у комсомола задачи ответственной.

Отношение к дисциплине труда—мерило зрелости. Рабочей, человеческой, гражданской. На этом настаивают и авторы многочисленных писем в редакцию. И поэтому с нынешнего номера в «Смене» **новая рубрика**—«Дисциплина труда». Разговор будет о важнейших проблемах трудовой деятельности целых предприятий и коллективов и о том, как трудится каждый из нас. Как всегда, мы будем вести этот разговор с вашей помощью, дорогие читатели. И потому ждем ваших писем, острых, заинтересованных, деловых, конкретных. Ведь укрепление дисциплины труда—дело, в котором нет посторонних, оно касается каждого из нас.

Иван КОСТЮКОВ,
председатель ЦК профсоюза рабочих
металлургической промышленности

Вопросы, поднятые сталеварами Златоустовского металлургического завода Олегом Арсентьевым и Вячеславом Неволлиным в диалоге «Что не измеряется процентами» («Смена» № 2), вызывают большой интерес.

Желание аналитически рассмотреть насущные проблемы, стремление заглянуть в завтрашний день, потребность думать, каким будет твой вклад в этот будущий день нашего общества, свойственные людям, которые всерьез и основательно строят свою жизнь, отдают все силы любимому делу.

Именно к таким людям принадлежат златоустовские сталевары Олег Арсентьев и Вячеслав Неволлин.

Одна из важнейших тем, затронутых в диалоге, — «С чего начинается настоящий рабочий?».

Когда Олег Арсентьев говорит, что всегда затрудняется ответить на этот вопрос, думается, его не надо понимать слишком прямо. В своей практической жизни он нашел ответ без затруднений—когда поручили, взял в руки метелку и подметал рабочее место. Подметал добросовестно. Так же на совесть делал все, что поручали потом, не делил работу на «чистую» и «грязную». Он видел дальше метлы. И стал настоящим рабочим. Я тоже убежден: настоящий рабочий начинается с добросовестной работы. Какой бы она ни была, на каком бы участке человек ни работал.

Особо хотелось бы остановиться на проблемах организации социалистического соревнования. В этой форме участия рабочих в управлении производством как раз и проявляется одно из важнейших направлений развития нашего общества. Оно закономерно нашло свое отражение в Законе о трудовых коллективах, где подчеркивается, что высокая организованность, инициатива и активность—непременные условия роста производительности общественного труда, всестороннего развития личности. Уже само обсуждение проекта Закона стало школой управления: рабочие приняли его заинтересованно, по-

деловому, внесли много ценных предложений, касающихся производственной и социальной жизни предприятий. Отныне Законом определены полномочия трудовых коллективов в организации социалистического соревнования, в распространении и внедрении передового опыта.

Сам процесс соревнования, стремление быть лучше, быть впереди, добиться больших результатов—это внутренняя потребность каждого думающего человека. Это мощный стимул, ускоряющий наше движение вперед. Но проблема в

делах. Но такую позицию должно подкреплять эффективно организованное соревнование. Каковы в этом плане наши перспективы?

Коллегия Министерства черной металлургии СССР и президиум ЦК профсоюза одной из основных задач считают широкое внедрение опыта замечательного сталевара Григория Яковлевича Горбаня, который много лет работает на заводе «Азовсталь». Он предан нелегкой профессии всем своим существом, всеми помыслами. Горбань пока единственный среди металлургов дважды

плавят высококачественный металл, этот почин приобретает исключительно актуальное значение.

Сталевары Златоуста неоднократно были в числе передовиков соревнования. Но наша задача сегодня—подчинить соревнование в каждой подотрасли, на каждом металлургическом предприятии главной цели. На отдельных передовых предприятиях мы уже подсчитываем экономический эффект не у себя, а у потребителей нашей продукции. Или, иначе говоря, подытоживаем, что дали народному хозяйству в конечном итоге.

НЕ СТИЖИЯ-ОРГАНИЗОВА

том, что можно соревноваться стихийно, а можно—и нужно!—организованно. И чем лучше будет организация, тем значительней окажется итог. Эта мысль сквозной нитью проходит через весь диалог Вячеслава Неволлина и Олега Арсентьева.

Сегодня у сталеваров около восьмидесяти процентов рабочего времени занимает умственный, инженерный труд и только двадцать процентов связаны с физическими нагрузками, с управлением механизмами. Поэтому так важно, чтобы каждый из трех с половиной миллионов металлургов ясно представил, насколько от его личных усилий и квалификации, образования и дисциплины, от его понимания происходящего зависит ритмичность металлургического производства. Лишь только нарушается ритм в металлургии (как это было в прошлом году), сразу нарушается и ритм в смежных отраслях народного хозяйства. Невыполнение заданий и социалистических обязательств—а это прямо связано с плохой организацией соревнования—приводит к немалым потерям по всей технологической цепочке смежников.

Хочу вернуться к высказываниям Олега Арсентьева. «Я всерьез считал,—говорит он,—что порядок на пролете начинается с элементарной чистоты. И подметал на совесть». Еще раз подчеркни: основа нравственной позиции настоящего рабочего—делать все на совесть. Это главное в конкретных

Герой Социалистического Труда. Почему именно он? В Григории Яковлевиче сфокусировано все лучшее, что есть у наших рабочих,—и отношение к труду, и отношение к товарищам, к своему месту в жизни коллектива. Уже почти 30 лет проработал он на заводе, воспитал многих достойных преемников и сейчас передает свой опыт молодым. Среднегодовые простои его печи в 1,7 раза ниже отраслевых, ее проектная мощность перекрыта на 20 процентов. Если бы опыт его бригады можно было сразу, в один день, распространить по всем мартеновским цехам страны, мы дополнительно, без капитальных вложений, получили бы еще один сталеплавильный цех мощностью 2 миллиона тонн высококачественной стали в год.

Инициатива бригады Горбаня заключается в том, чтобы выплавлять сталь только по заказам, чтобы из этой стали делать прокат со Знаком качества. Это как раз то, что нужно нашим потребителям. Дать продукцию не просто высококачественную, а ту, которая требуется.

Сегодня у Григория Яковлевича немало последователей. Рабочие Магнитогорского металлургического комбината и Челябинского металлургического завода развили и дополнили его инициативу, предложив выпускать плавки по заказам с минимальными затратами. Златоустовские сталеплавильщики решили выплавлять максимум сверхплавной стали на сэкономленных ресурсах. А если учесть, что в Златоусте

Эффект соревнования зависит не только от его организации на предприятии. Не менее важно широкое сотрудничество со смежниками. Труд у нас коллективный: подручный непосредственно помогает сталевару; доменщик дает ему чугун; заводской транспортник обеспечивает вагонами и так далее. А есть еще смежники вне отрасли: строители, машиностроители, энергетики, железнодорожники, шахтеры, от которых во многом зависит ритм металлургического конвейера. Если на заводе каждый сталевар должен уметь строить отношения со своим кругом смежников, то в более широком плане металлургии должны наладить свои взаимоотношения с работниками смежных отраслей народного хозяйства.

Соревнование смежников по принципу «Рабочей эстафеты»—ценнейшая форма коллективного взаимодействия. Работать в первую очередь на общество, а потом уже на самого себя. В этом принципе заключена движущая сила, которая рождает инициаторов, наставников, которая создает лучшие примеры активной жизненной позиции рабочего человека.

Один из путей повышения эффективности труда в отрасли—развитие бригадных форм организации труда. В диалоге сталеваров говорится, что на некоторых заводах предусматривалось стимулирование только передовых коллективов, занявших призовые места в соревновании. Сейчас разработаны и

ОПЫТ ОБЪЕМЫ И

Природе социалистического общества свойственна дисциплина сознательная, результатом которой является хорошая, добросовестная работа.

Ю. В. АНДРОПОВ,
Генеральный секретарь ЦК КПСС,
Председатель Президиума Верховного Совета СССР

РЕШЕНИЯ

Сумма, как видите, астрономическая. Но упадет она не с неба. Для этого нужно будет работать так, чтобы было откуда взять эти 45 миллиардов. Без опыта передовиков работать так невозможно. Их опыт — наш главный резерв. Он лежит в основе той направленной работы, которая ведется в отрасли по совершенствованию общественных отношений в коллективах, повышению активности и инициативы трудящихся.

И опубликованный в «Смене» диалог сталеваров из Златоуста нужно воспринимать как обмен опытом. Необходимо отметить, что у нас еще много недостатков, связанных с внедрением, мы не можем быть удовлетворены положением дел. Сейчас разрабатывается такая система, которая организовала бы и стимулировала естественное стремление рабочих, администрации, партийных, профсоюзных и комсомольских комитетов к более ускоренному и широкому внедрению передового опыта.

В этой системе, в общем механизме социалистического соревнования металлургов особое место должны найти проблемы качества металлопродукции, эффективности ее использования в народном хозяйстве, что означает долговечность машин, экономию металла. Нам, металлургам, понятно, какие огромные усилия и материальные затраты необходимо приложить, чтобы забраться в недра земли, извлечь оттуда частицы металла, очистить от примесей, переплавить, получить изделие, которое станет служить человеку. И потому вызывает наше глубочайшее возмущение бездушное, безответственное отношение к этому богатству — металлу.

Мне хотелось бы закончить разговор тем, что мы уже вышли в развитии социалистического соревнования за пределы своей страны. ЦК профсоюза осуществляет широкие связи со своими коллегами за рубежом. В странах социалистического содружества рождаются все новые и новые формы обмена передовым опытом, опытом соревнования, опытом достижения высших конечных результатов во всех сферах деятельности металлургов, на всех металлургических переделах.

После выступлений «Смены»

«МЕТАЛЛА КРЕПЧЕ — ПОРОШОК»

Минчермет СССР рассмотрел статью «Металла крепче — порошок», опубликованную в седьмом номере журнала «Смена» за 1983 год.

В 1981—1982 годах на предприятиях Минчермета СССР введены новые мощности по производству железных и легированных порошков. В настоящее время на Сулинском металлургическом заводе ведется строительство крупнейшего в стране комплекса по производству железных и низколегированных порошков. С пуском этого комплекса потребность народного хозяйства в железных и низколегированных порошках будет полностью удовлетворяться.

В этих условиях необходимы активные меры машиностроительных министерств по созданию современного прессового, смесительного, печного оборудования для переработки железного порошка. Необходима также большая активность строительных министерств в сооружении новых производств железных порошков и изделий из них.

Вопросы развития порошковой металлургии находятся под постоянным контролем руководства Минчермета СССР.

Н. ТУЛИН,
заместитель министра черной металлургии СССР

Владимир СЕРГЕЕВ,

мастер, секретарь комсомольской организации
четвертого котельно-сварочного цеха объединения «Салаватнефтемаш»

ЗА ГЛУХОЙ СТЕНОЙ?..

Кто-то сказал: единственное, что любое предприятие может получить совершенно бесплатно, причем в неограниченном количестве, — это передовой опыт...

Весной прошлого года к нам приезжала делегация работников производственного объединения нефтеперерабатывающего машиностроения из Бугульмы, с которым мы соревнуемся. Это была деловая встреча. Рабочие и специалисты родственного предприятия ходили по цехам с вполне конкретной целью: найти полезный для себя опыт. И они нашли немало интересного, нужного. Станочники отметили автоматизацию на токарных участках, специалисты — новинки в технике и технологии.

Уезжая, бугульминцы пригласили побывать у них. И мне, молодому мастеру, и многим рабочим, инженерам полезно было бы посмотреть, как работают наши коллеги. Какие приемы труда используют, как совершенствуют технологию, организацию работ. Но ответный визит так и не состоялся. По очень «серьезной» причине: несмотря на все просьбы комитета комсомола, администрация объединения не нашла возможности выделить автобус для поездки в Бугульму. (Между прочим, когда подвели итоги

соревнования за 1982 год, оказалось, что бугульминцы оставили нас позади. Возможно, в чем-то благодаря именно тому опыту, который почерпнули в Салавате...)

Но, быть может, нам просто нечему учиться у других, мы и сами все умеем? Если бы так...

На аллее по пути к нашему цеху укреплен плакат: «Наш девиз — работать без отставших». К сожалению, за последние годы этот девиз стал просто плакатом, на который стараешься не смотреть. Взять хотя бы итоги второго года пятилетки: план не выполнен по всем показателям. Плохо с качеством выпускаемой аппаратуры — на 14 тысяч рублей возросли убытки от брака, на 40 тысяч — объем зарекламованной продукции. Обидно и больно за свое предприятие. Поневоле задумываешься: в чем же дело?

Знаю, что нас подводит поставщик — например, уже 16(!) лет оренбургский завод «Гидропресс» никак не может изготовить крайне нужные нам два пресса. Министерство химического и нефтяного машиностроения слабо заботится о техническом перевооружении своего предприятия: 12 процентов наших станков имеют стаж работы по двадцать и более лет.

Значит, положение безвыходное, самим ничего предпринять нельзя?

Возьмем хотя бы проблему оборудования.

При внедрении новой техники происходит немало парадоксов. С одной стороны, нет очень нужной нам техники. С другой — несколько лет в грязи и пыли стоит дорогостоящий импортный трубогибный станок, начиненный электроникой и автоматикой. Но он нам практически не нужен. Ну, за год от силы десяток труб согнем — и все. Больше не надо. И заказов со стороны мы не берем — так что новая техника приносит одни убытки. В этом-то кого винить, кроме самих себя?

А в одном цехе с бездействующей электроникой процветает ручной труд.

Нашим рабочим приходится резать много толстых листов металла (весом до тонны) на гильотинных ножницах. Для этого лист поднимается краном и укладывается на стол перед гильотиной. А потом, чтобы подать лист к ножу под нужным углом, резчик ворочает его

действуют такие условия, чтобы каждая бригада, превысившая нормативы, была поощрена.

Олег Арсентьев правильно считает, что нельзя смысл соревнования сводить к одной лишь «рублевке». Это совершенно верно, потому что сам по себе бригадный принцип организации труда ведет еще к созданию организованного коллектива единомышленников.

Социалистическое соревнование, кроме своего практического содержания, имеет, бесспорно, глубокий философский смысл. Потому что здесь чело-

ННОСТЬ

век опережает время, он заглядывает вперед, находит дополнительные возможности и резервы. Он ищет. Соревнование — активная, естественная форма самовыражения человека.

Сегодня в отрасли немало людей, ежедневно подтверждающих свое право называться лидером, передовиком. Это очень трудно, очень непросто — умножать накопленный опыт. Но какую огромную пользу приносит это самому человеку и всему нашему обществу!

Каждый год большая группа металлургов удостоивается Государственной премии за успехи во Всесоюзном социалистическом соревновании, за разработку и внедрение передовых методов труда. С прошлого года мы начали присваивать премии советских профсоюзов имени Макара Мазая. Таков закономерный процесс: человек — Родине, Родина — человеку.

Сегодня Минчермет СССР, Минцветмет СССР и ЦК профсоюза прорабатывают концепции развития черной и цветной металлургии до 2000 года. Речь идет как об экономическом, так и о социальном развитии коллективов. В нынешней пятилетке, например, социальная часть развития черной и цветной металлургии оценивается почти в 45 миллиардов рублей. В ней заложены: заработная плата, различные системы льгот, затраты на охрану окружающей среды и механизацию тяжелых ручных работ, спецодежду и государственное социальное страхование.

на столе с помощью лома и мускульной силы. Таких гильотин в цехе несколько, и ни одна не оборудована, как того требует культура производства. К ним и подойти-то страшно.

По соседству, буквально за забором, есть маленький опытно-исследовательский завод, где эта проблема решена. Там, видимо, по индивидуальному проекту установили прекрасный стол, оборудованный специальной планшайбой, гидравлической подачей. Повороты металлического листа производятся простым нажатием кнопки.

Могу привести и другие примеры подобных контрастов. Из металла у нас вырезают множество различных деталей — уголки, заглушки, укрепляющие кольца и т. д. После резки на кромках образуется шлак, который отбивают молотком и зубилом. Иногда рабочий полчаса вырезает деталь, а потом полсмены вручную удаляет шлак.

У соседей и эта операция механизирована. Рабочий кладет вырезанные детали на транспортер, они попадают в небольшой станок и выходят уже чистыми.

На этом заводе были наши товарищи — начальник участка, начальник цеха. Очень заинтересовались этими новостями. Потом начальник цеха обратился к специалистам заводоуправления: сходите туда, попросите чертежи устройств, и мы их сделаем. Ведь на нашем заводе есть неплохая база по изготовлению нестандартного оборудования. Ему ответили в таком духе: тебе надо — ты и иди...

Мы, конечно, перейдем опыт соседнего завода. Но непонятно, почему это надо делать в самостоятельном порядке, а не централизованно. На нашем головном заводе — четыре котельно-сварочных цеха. Так почему бы не сделать сразу для всех?

Наверно, ясно: уж если мы не можем как следует использовать столь близко лежащий опыт, то трудно говорить о поездках в Бугульму или другие города. Я на заводе сравнительно недавно, но цеховые работники с 10—15-летним стажем говорят, что тоже ни разу не были ни на одном родственном предприятии. Как мастер, я должен быть проводником всего нового, передового. Но где самому почерпнуть это новое, передовое?

Скажем, нам предъявляют немало претензий по качеству негабаритного оборудования. Насколько я знаю, проблеме качества удачно решают в объединении «Волгограднефтемаш». Большую работу в этом направлении ведет завод в Дзержинске. Но конкретного опыта мы не знаем, варимся в собственном соку.

Правда, считается, что мы по опыту передовых предприятий внедрили комплексную систему управления качеством продукции. Но следы ее в цехах найти трудно. Во всяком случае, когда одному из лучших, опытных бригадиров задали вопрос относительно КСУКП, он ответил: «А что это такое?» Потом вспомнил, что, кажется, когда-то в цехе висел плакат на эту тему... Словом, система есть и внедряется, но в основном на бумагах, в отчетах. Кому нужно такое внедрение передового опыта?

Мы много говорим о качестве и о системах управления им, хотя иной раз начинать надо с элементарного порядка на рабочем месте. В цехе много сварочных работ, и мы с ними все время мучаемся. Из листового металла рабочие сваривают обечайки — большие, до четырех метров в диаметре, цилиндры. Думаю, здесь любая система управления качеством «споткнулась» бы о непогоду. Когда идет дождь, два пролета заливает так, что в ботинках не проберешься. А в воде лежат листы металла... Естественно, начинается

коррозия. Конечно, перед сваркой листы очищают от ржавчины, но не всегда удается удалить ее из мест стыков. В результате нередко ОТК возвращает обечайки на переделку. Сколько зря времени тратится, средств, материалов!

И ведь много лет уже говорится о дырявой крыше, починка ее ежегодно даже записывается в коллективный договор — а все равно протекает. Латают ее постоянно, но безрезультатно. Только диву даешься: сложную аппаратуру делать можем, крышу починить — нет...

Чтобы поднять эффективность и качество труда, решено было внедрить опыт Калужского турбинного завода по бригадной организации труда. Во всех цехах, как писала многотиражная газета, создали комиссии по организации и совершенствованию бригадного метода, создали цеховые и заводской советы бригадиров.

Как же передовой опыт внедрялся в жизнь? Поучителен пример бригады Егора Сучкова. Он первым организовал (это было еще до моего прихода в цех) комплексную комсомольско-молодежную бригаду, в которую вошли котельщики, сварщики, газорезчики — всего двадцать человек. Избрал совет бригады, начали применять коэффициент трудового участия. Эффективность работы заметно повысилась. Но спустя два года бригада распалась. Почему?

Сучков объяснял, что за эти два года он не видел никакой помощи, со своими проблемами бился в одиночку. А проблемы были. Это касается распределения заработка по КТУ (некоторые «старрики» были недовольны, что молодежь зарабатывает столько же). Это касается сложности в нормировании труда. Но за все время ни один инженер, работник отдела труда и зарплаты, отдела НОТ, даже нормировщик так и не заинтересовались, как живет молодая комплексная бригада. Кстати, и ее создание и распад никто не заметил. Включая, к нашему стыду, комитет ВЛКСМ...

Сучков — человек упорный. Неудачи его не сломали. Он снова решил присоединить к нынешней бригаде котельщиков еще и сварщиков. Ведь они тесно связаны между собой по технологии — Сучков собирает штуцера, патрубки, а сварщики их сваривают.

Но все заводы разные. У каждого своя специфика. Как применить калужский опыт именно в наших условиях? Нужно ли его копировать или творчески перерабатывать? Рабочие задают специалистам множество вопросов, касающихся бригадного метода, но ответов чаще всего не получают.

Тем временем в цехе существуют, можно сказать, фиктивные бригады вальцовщиков, сварщиков, газорезчиков. Считается, что они объединены в бригаду, но фактически каждый рабочий имеет индивидуальное задание и за общий результат не отвечает. Как появились и зачем нужны эти бригады, каков их смысл в теперешнем виде? Рабочие предлагали создать настоящие комплексные бригады. Обсудив это предложение, специалисты завода разработали такой вариант организации и оплаты труда, при котором заработок членов комплексных бригад заводом ... уменьшался. Разумеется, рабочие отвергли такой вариант. И больше над этой проблемой никто не думал. Никакие комиссии по организации и совершенствованию бригадных форм.

...Я рассказал, как незаинтересованно или формально мы относились к чужому опыту. Но есть же и у нас на заводе передовые рабочие, бригады, участки! Напомню, что товарищи из Бугульмы нашли немало ценного опыта для себя. Ну, а сами как его распространяем? Трудно ответить на этот вопрос.

Убежден, что большие возможности скрыты в организации соревнования. Формально в соревновании на заводе участвовали все комсомольско-молодежные коллективы. Но никакого обмена опытом, гласности, сравнимости результатов не было. Мы просто пода-

вали в комитет комсомола сводки с показателями, зачастую взятыми «с потолка», и в конце года узнавали, кто победил (при этом бригада-победительница не поощрялась ни морально, ни материально). И все. Большинство комсомольцев даже не знали, сколько бригад участвует в соревновании, никогда не встречались со своими соперниками. Единственное, в чем мы преуспевали, — это в оформлении доски показателей с «липовыми» процентами.

О сравнимости результатов нечего и говорить. Да и что сравнивать, если в цифры квартальных сводок никто не вникал. Заняла бригада первое место, а за счет чего — неизвестно. А раз нет изучения, распространения и повторения передового опыта — нет и настоящего соревнования.

Есть такая хорошая форма передачи опыта, как конкурсы мастерства. Но и ее забыли. Лишь однажды за год провели конкурс токарей, соревновались ребята двух цехов. А по основным специальностям — сварщиков, котельщиков — конкурсов вообще не было. Хотя хороших сварщиков на заводе не хватает, мы, признаюсь, мало заботились о повышении их квалификации.

...Не могу не задумываться: почему производственная и комсомольская работа дошла до такого состояния, почему мы сумели будто глухой стеной отгородиться от всего нового, передового? Не могу не спрашивать и самого себя: а что ты сам сделал — как инженер, как комсорг?

Хорошо помню первые дни, месяцы работы на заводе. Реальная производственная жизнь отличалась от прежних, институтских представлений, многое в ней мне не понравилось. Что конкретно — думаю, понятно. Стал предлагать что-то новое в организации труда, технологии изготовления продукции. Но мне отвечали: это не пойдет, это не так... Конечно, я еще много не знал, не умел и сейчас сам понимаю наивность некоторых моих первых предложений. Но с каждым отказом, честно говоря, дух творчества остывал. И вот теперь я, как инженер, знаю гораздо больше, а энтузиазма, желания в корне все изменить стало меньше.

Винить нужно в первую очередь самого себя. Но теперь я понимаю, как не хватало мне опытного руководителя, наставника, который направлял бы мою работу в нужное русло, помогал осуществить предложения — ведь не все же они были наивными, — передавал свои практические навыки. То есть нужна целенаправленная работа с молодыми специалистами, нужно, чтобы руководители предприятий больше интересовались их жизнью, настроением, использовали их знания и способности на серьезные дела, а не только на решение сиюминутных производственных вопросов.

Рассказывают, что на многих заводах поступающим молодым специалистам сразу поручают конкретное дело — дают определенное творческое задание. Руководитель специалиста контролирует и направляет ход работы. Через год молодой инженер должен отчитаться о выполнении задания.

С нас тоже потребовали отчет после года работы. Но отчет о чем? Никакой творческой работы нам — мне и моим сверстникам — никто не поручал, не предлагал. Я писать отчет отказался, а кто-то, знаю, списывал друг у друга. Какое уж тут творчество...

Все взаимосвязано. За ежедневной текучкой, когда едва успеваешь решить бесчисленные мелкие вопросы, не остается и минуты времени на комсомольскую работу. Отсюда и застой в соревновании.

Новому секретарю комитета ВЛКСМ Олегу Скорнякову досталось тяжелое, запущенное «наследство». Трудно говорить об этом, но хочу, чтобы меня правильно поняли: движет мною не желание все и вся покритиковать, а беспристрастность о завтрашнем дне завода. Ведь каким будет это завтра — зависит от нас.

Владимир АНИСИМОВ

Было это в Липецке, на тракторном заводе. В одном из цехов инженеры агитировали группу станочников объединиться в бригаду. Рабочие в принципе не возражали, но высказали ряд просьб. Диалог происходил примерно такой:

— Наши станки разбросаны по всему участку. Надо выстроить их в одну линию — тогда мы сможем подменять друг друга, — предложили рабочие.

— Дельная мысль, — одобрили инженеры. — Обязательно сделаем.

— Неплохо бы подъемник поставить и ящики для деталей.

— Непременно.

— И плановый ремонт по графику делать.

— О чем разговор?

Проголосовали единогласно — быть бригаде!

Прошло два года. Ничего из обещанного не было реализовано. Зачем тогда агитировали и обещали? Существует десяток объективных причин, по которым то или иное дело выполнить не удалось. К тому же слова есть слова — их, как говорят, к делу не подожьешь. Поди докажи теперь, кто, кому, когда и что обещал.

На заводе мне показывали инструкцию, где подробно расписано, какие службы участвуют в организации бригад. Тут и отдел труда и зарплаты, планово-экономический, производственный, технический отделы, бухгалтерия, цехком, отдел НОТ... Серьезные все службы.

А ремонт по графику сделать — проблема.

И еще одно. За все, что происходит в бригаде — случись тут прогул, простой, брак и т. п., — отвечает лично бригадир. За то, насколько эффективно работает

ШКОЛА ПЕРЕДОВОГО ОПЫТА НА ИВАНОВСКОМ КАМВОЛЬНОМ КОМБИНАТЕ. ЗДЕСЬ ОТТАЧИВАЕТСЯ МАСТЕРСТВО, ЗДЕСЬ ДОСТОЯНИЕМ МНОГИХ СТАНОВИТСЯ НАЙДЕННОЕ И ОПРОБОВАННОЕ ЛУЧШИМИ.

Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

помощник мастера, работал не хуже других. А стали мы бригадой, смотрим: товарищам помогать не любит, с дисциплиной слабовато. Вот и начали открыто, в глаза высказывать, что нам нравится, а что нет—ведь бригада коллективно отвечает за общий план, поэтому от любого много зависит...

Так почему Комов стал убежденным сторонником бригад? Аргументов у него было достаточно. Это и атмосфера дисциплины, созданная благодаря общим интересам, взаимовыручка и взаимозаменяемость, бригадное самоуправление. Это и стабильный, не зависящий от самочувствия ткачихи заработок...

Меня интересовало другое. Не сразу, не вдруг у Комова стало все получаться. Я знал, что у бригады были нелегкие времена. В нее сразу влился очень слабый комплект—три малоопытные ткачихи. Начался перерасход сырья... Проблемы морального порядка: хромала дисциплина, а применять в полной мере коэффициент трудового участия совет бригады не решался—не привык к такому. Но Комов не остался, подобно липецкому бригадиру, один на один с трудностями.

Мне показали обыкновенную ученическую тетрадку. На первой странице читаю: «Договор содружества между бригадой Комова В. Н. и мастером смены Ивакиной Т. С.».

Татьяна Ивакина—молодой специалист и куратор (или консультант, шеф) бригады.

Держу в руках эту тетрадку и думаю: может быть, истинная цена некоторых проблем преувеличивается? Немало специалистов объясняли мне, почему нельзя «привязать» инженера к бригаде, упирая при этом на разные источники материального стимулирования. И вообще, говорили, данный вопрос надо решать в министерстве, Госкомтруде, Госплане.

А по каждому ли поводу необходимо обращаться обязательно в высокие инстанции? Вероятно, взаимосвязи «инженер—бригада», и правда, требуются еще соответствующие нормативные документы, инструкции. Но пока их нет—значит, самим ничего сделать невозможно?

Оказывается, можно, и эта тетрадка—тому доказательство. Договор связывает конкретного инженера и конкретную бригаду: в нем записаны их взаимные обязательства. Можно, выясняется, решить и проблему материального стимулирования инженерно-технических работников. На комбинате просто внесли дополнение к условиям соревнования ИТР. Выполнение общего плана цехом, фабрикой само собой. А то, как выполняется комплексный план инженерного обеспечения бригады, учитывается отдельно и влияет на размер премии. Записанные в договоре обязательства Татьяны Ивакиной—это, в общем, то, что и обязан делать инженер. Однако принципиальное значение орехово-зубовского эксперимента в том и состоит, что обязанности инженера четко направлены на конкретную бригаду, на ее нужды, а не на производство вообще, в целом. За каждый пункт обязательств Ивакина отвечает непосредственно перед рабочими.

Все свои затруднения Комов решал вместе с инженером-куратором. С тем слабым комплектом, о котором было сказано, поступили так: общими силами отладили станки, некоторые узлы модернизировали, по-иному закрепили оборудование за помощниками мастеров, провели учебу ткачих в школе передового опыта.

По новому положению инженер—непременный участник совета бригады.

бригада, какую отдачу дает новая форма труда, кроме того же бригадира, персонально не отвечает никто. Я имею в виду именно каждую конкретную бригаду, а не участок или цех в целом. Когда план в целом выполнен, инженер получает положенные похвалы и премии, а то, что с созданием бригады в организации труда рабочих, по существу, ничего не изменилось, не улучшилось,—это на оценку инженерной работы будто и не влияет.

Я спрашивал многих бригадиров на разных заводах и стройках: какие основные трудности в их работе? Почти все отмечали слабость инженерной под-

видимо, о большой сложности проблемы, взяли... и решили ее.

Сначала, наверное, надо сказать о том, какая нужда заставляла ломать то, что складывалось десятилетиями.

Две-три работницы поочередно ткали полотно или пряли пряжу, а помощник мастера следил за машинами, ремонтировал и налаживал их. Был ли вообще смысл соединять рабочих в бригады по десять—пятнадцать человек? Станки и машины те же, работа та же, зарплата идет по-прежнему с выработки индивидуальных метров ткани, килограммов пряжи... Или становится «модной» бригадная форма труда и текстильщи-

эффективность **одного** рабочего места? Действительно, передовик—пример, маяк. К сожалению, они нередко так и оставались в одиночестве...

Потом я разговаривал с молодым передовиком—помощником мастера Владимиром Комовым. Он был откровенен:

— Мне лично все эти новшества были ни к чему. Работал я с двумя опытными ткачихами, горя не знал. Техника новая, отлаженная. По соседству помастера с ног сбивались—у кого станки барахлят, кому новичков поставили. Только это, простите, была не моя забота. Но вот какой нюанс. Заболела, скажем, ткачи-

ВЗЯЛИ—И СДЕЛАЛИ

О том, как инженеры и рабочие Ореховского хлопчатобумажного комбината сообща решают важную проблему

держки. «У нас словно совсем разные интересы,—говорили они.—Вот если бы «привязать» инженера к бригаде...»

Идея не новая. Высказывают ее рабочие разных отраслей, ставится такой вопрос перед ведомствами, а сдвиги пока не очень заметны...

И ведь инженерная поддержка нужна не только бригаде. Возможно, еще в большей степени связь с бригадой нужна самому инженеру, независимо от его должности. Бригада предлагает специалисту возможность заняться живым, конкретным, небумажным делом, часто подсказывает, как можно творчески употребить инженерные знания, энергию. И, разумеется, предлагает свою помощь.

Но ответа не находит. Потому что должностные инструкции не предусматривают такого, чтобы инженер был еще и как бы помощником бригадира.

И вот узнаю новость: на Ореховском хлопчатобумажном комбинате, не зная,

спешат доказать, что и они шагают в ногу со временем?

Андрей Степанов, секретарь комитета комсомола комбината, выслушав все это, так ответил:

— Может быть, прежняя система и была хороша, только при ней мы перестали обеспечивать выполнение плана.

Секретарь парткома первой ткацкой фабрики Ольга Дмитриевна Карцева добавила:

— А почему? Мы постоянно говорим о повышении эффективности производства, но забываем подчас самое простое—все начинается с эффективности рабочего места. И раньше мы вроде от этого шли, но как? По традиции создавали участки высокой производительности труда. А потом задумались: какая реальная польза? Да, две-три ткачихи и помощник мастера работают очень хорошо, но они в цехе сами по себе, общими интересами с другими не связаны. Поэтому и опыт их передается молодежи долго и трудно. Многие ли решает

ха—я без зарплаты. Заменить ткачиху некем, а получаю я с метров ткани. Правда, не в одном рубле суть—это в конце концов дело наживное. Согласился на бригаду только потому, что силком не заставляли. Сказали нам: попробуйте, а не понравится—вернемся к старой системе.

Бригадиром избрали... Комова. В цехе ему верят: он может и поспорить, но уж если пришел к решению, сказал «да»—это надежно. Теперь в его комсомольско-молодежной бригаде восемь ткачих, отрывщица, четыре помощника мастера.

— И что же изменилось?—допытаюсь у него.

— Ну, во-первых, теперь единый наряд на всех. Во-вторых, коэффициент трудового участия, его у нас совет бригады устанавливает. Это верно, что зарплата осталась индивидуальной, но все виды премиальных—только по КТУ. Мы как-то по-новому увидели, кто есть кто. Скажем, работал у нас опытный

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 23 (1357) ДЕКАБРЬ 1983

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
первый снег.

Фото
Владимира
ВОЛКОВА

- 1** **НОВАЯ РУБРИКА: ДИСЦИПЛИНА ТРУДА.**
«ПЕРЕДОВОЙ ОПЫТ:
ПОИСК МОЛОДЫХ—ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ».
- 5** **КОНКУРС ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ**
«ЗЕМЛЯ МОЯ—СУДЬБА МОЯ». «НАПЕРЕКОР ВЕТРАМ».
- 6** Павел ЕМЕЛИН. «СВОЙ ЧЕЛОВЕК В УСТЬ-ИЛИМСКЕ».
- 8** Рассказ Лилии БЕЛЯЕВОЙ
«ТРЕТИЙ В ДОМАШНЕЙ ВОЙНЕ».
- 12** **РАССКАЗЫ О СОВРЕМЕННОЙ АРМИИ.**
«ОГНЕННЫЙ ДИВИЗИОН».
Фоторепортаж Яна ВЛАДИНА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 14** **ЧИТАТЕЛЬ — «СМЕНА» — ЧИТАТЕЛЬ.**
«...А КТО-ТО НАХОДИТ».
- 15** А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».
- 16** **ОТЕЧЕСТВО.**
Теймураз МАМАЛАДЗЕ.
«ГОРЦЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ В ГОРЫ».
- 20** **ФИЗКУЛЬТ-УРА!**
Александр МОРОЗОВСКИЙ. «ЗИМНЕЙ ТРОПОЙ».
- 22** **КЛУБ «МУЗЫКА С ТОБОЙ».**
- 24** **МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.**
«ФОКУСНИК. И НЕ ТОЛЬКО...».
- 25** **ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.**
- 26** **НРАВСТВЕННАЯ НОРМА.**
Георгий ЯКОВЛЕВ. «ДЕВУШКА ИЗ ГОСТИНИЦЫ».
- 28** **ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».**
Вольфганг КИНАСТ. «ЗАМКНУТЫЙ КРУГ».
- 31** **ЭКСЛИБРИС «СМЕНИ».**

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: Б. Л. ДАНОШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК,
А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель
главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный
секретарь), И. Н. ОРДЖОНИКИДЗЕ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ,
Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ,
В. П. СЕРИКОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник),
Б. А. ФАИН (заместитель главного редактора), В. В. ЧИКИН,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор А. В. Исаева.

Издательство «Правда». «Смена». 1983 г.

СМЕНА

Дисциплина
труда

По-человечески можно понять, когда рабочему—члену совета—бывает неловко предложить, допустим, наказать своего же товарища. Обязанность кураторов в таких случаях тактично подсказать совету решение. Причем это не какое-то давление сверху: инженер имеет в совете лишь право совещательного голоса. А что это дает самому инженеру? Ну, уже то, что он видит жизнь бригады изнутри, а не со стороны, участвует во всех ее делах.

Спросят: много ли тут нового? На любом предприятии в начале года составляется план оргтехмероприятий, где расписано все, что должны сделать инженеры.

— Раньше мы в основном в своем кругу советовались и решали, что будем делать в следующем году,—пояснили инженеры.—Теперь идем от рабочих. На бригадном собрании предлагаем цифры: вот такой будет план, давайте вместе думать, что может помешать его выполнить, какая и в чем нужна помощь инженеров. Все, что решим, занесем в договор.

Договор дисциплинирует и поднимает меру ответственности инженера. Держать отчет о своей работе на бригадном собрании не совсем то же, что отчитываться при закрытых дверях у начальника цеха.

Кроме того, разве предусмотреть абсолютно все на год вперед? Возникла внеплановая, нигде не записанная проблема—к кому обращаться? Ореховская система как раз и предусматривает такие непредвиденные ситуации.

Прядильщица Валентина Царькова рассказывала:

— Как раньше было: пойдешь вдруг ровница похуже—начинаю бегать по кабинетам. Приду к замначальника цеха—он меня к начальнику отсылает, тот—дальше, к главному инженеру. Главный говорит, чтоб к замдиректора фабрики обратилась. Я-то не всегда могу точно знать, кто что решает. Сейчас, что бы ни случилось, иду к инженеру техотдела Татьяне Карташовой. Уж она-то, наш куратор, ни к кому меня не отошлет, сама меры примет. Недавно первая прядильная фабрика стала вдруг плохую ровницу подавать—я к Карташовой. Она вызвала мастера и рабочих с той фабрики, вместе разобрались, что стряслось. Оказалось, на сортировке неполадки были. Поменяли сортировку—вновь пошла ровница нормальная.

Так с самого начала система бережет немало рабочего времени и нервов бригадирам.

Орехово-завский эксперимент поднимает на качественно иной уровень взаимоотношения инженеров и рабочих. Если хотите—демократизирует их, раздвигает рамки обычных служебных и должностных инструкций. Ведь за бригадой может быть закреплен как рядовой инженер или техник, так и начальник цеха, отдела, руководитель фабрики.

Член совета молодых специалистов комбината Вячеслав Климов—стар и млад зовет его просто Николаичем—начальник прядильного цеха и шеф бригады Тамары Макаровой.

— Потребовали от меня: поставь нам облегченные рычаги. Интересная деталь—бригада отлично знает, что этих рычагов у нас нет. Но знает и то, что нынче я так просто от них не отделаюсь. Пришлось доставать.

— У вас все же, как у начальника цеха, больше возможностей...

— Дело не в должности. Зоя Никитична Ерофеева работает в лаборатории. Подшефная бригада пожаловалась ей: плохо идет техпроцесс, большая сорность, обрывность пряжи. Строго гово-

ря, эти проблемы не относятся к основным служебным обязанностям Ерофеевой. Но она провела детальный анализ процесса, состояния оборудования, докопалась до сути, дала идею и подсказала способ модернизации. Обрывность уменьшилась, а предложения Ерофеевой мы распространили по всему цеху.

В этот момент дверь кабинета распахнулась, влетела девушка в черном халатике.

— Николаич! Это чистилки намотали грязь, я за брак отвечать не буду!—И черный халатик, мелькнув, исчез за дверью.

— Среда, сумасшедший день,—устало сказал Климов.

По средам на комбинате санитарный день. Усиленно чистят оборудование, машины, выискивают обрывки пряжи, ровницы, выметают отходы—или, на языке текстильщиков, угары. По цехам ходят придирчивые комиссии—в них профсоюзные и комсомольские работники, инженеры. Здесь чистота не ради прихоти, не только для эстетики. Чистота—среди главных условий качества продукции. На белой тончайшей пряже любая соринка заметна, ткачи такую продукцию не примут.

У Климова, как и у других инженеров, лежит в кармане «Книжка оценки качества труда ИТР». Комиссия разберет, кто виноват в данном случае, и если найдет, что есть и его, Климова, вина, придется предъявить книжку и получить «минус», со всеми вытекающими отсюда моральными и материальными последствиями.

— Из какой,—спрашиваю,—бригады приходила девушка?

— В том и дело, что пока еще не все у нас в бригадах. Поэтому и приходится самому многим мелочами заниматься. Будь эта девушка в бригаде—разве пришла бы сюда? Вполне могла решить все со своим бригадиром или инженером-куратором. А к каждой работнице, сами понимаете, персонального шефа не приставишь.

— Значит, бригадная система освобождает вас от многих забот и управлять цехом становится легче?

— С одной стороны, да. Инженер, администратор избавлены от многих мелких текущих вопросов. Меня сейчас мало волнует, как бригада регулирует свою работу. Ей дан план—она сама организует труд. Мне как-то табельщица сообщает, что одна прядильщица не вышла. Я иду к бригадиру выяснить, что случилось, а по дороге замечаю: все машины работают. Оказалось, совет бригады решил отпустить прядильщицу—причина в самом деле была уважительная. А ее машины распределил между членами бригады.

— Известно, какой бич—отпуска с разрешения администрации...

— С этим вопросом члены бригад ко мне больше не ходят. Знают—я все равно не смогу отпустить их без разрешения бригадира. Раньше мог. Но пропущенный день работнице не оплачивался, а оборудование ее обычно простаивало. Если отпускает совет бригады, машины не стоят ни в каком случае. Это—главное условие. И еще «побочный» эффект. Раньше мы, инженеры, сидели и думали: как развивать многостаночничество? А теперь—масса предложений рабочих. Раз-другой подменили товарища и поняли, что можно постоянно разуплотняться, ничего страшного нет.

— А в чем управлять стало труднее?

— У меня с бригадами договор. Они получают плановое задание и обязуются его выполнить. Я же должен создать условия, обеспечить сырьем, полуфабрикатами. А в бригадах растет производительность труда, и обеспечивать их становится все труднее. Но здесь я снова опираюсь на помощь рабочих. Взять хотя бы недавний случай. Я сижу без ровницы, а фабрика, которая нам ее поставляет,—без рабочих рук. Не помню уже, кто предложил первый, только часть работниц мы на-

правили к смежникам, помогли им, а заодно и себе. Обошлось без проектов.

Климов почувствовал: конкретное инженерное шефство рождает и обратную связь. То есть бригады не просто требуют что-то от инженера, но, как правило, предлагают и свой вариант решения.

— На днях обходили с механиком цех, ломали голову, как лучше с четвертого и пятого этажей подавать на наш, третий, катушки и шули. Как ни крути, без лифта не обойдешься. Значит, там нагружать тару, здесь разгружать... Подошли к нам помастера Галина Трегубенко и прядильщица Нина Панина. Говорят: а зачем нужен лифт? Пробежите дыру в потолок, установите трубопровод, а у комплекта поставьте бункер. В общем, свое прежнее решение мне пришлось менять. Инженер многое обязан предусмотреть, но все-таки прядильщица порой лучше знает, что ей мешает работать эффективно. Когда у меня затруднения — иду в бригаду. Вот лежит ровница. Ее можно отправить в брак, списать в угары. А работники предлагают: «Надо на трех машинах скорость повысить, а на двух — понизить. Мы специально человека выделим, будем на этих двух машинах ровницу дорабатывать».

А теперь надо сказать и еще об одной — ее условно можно назвать инженерно-педагогической — грани орехово-зубовского эксперимента.

Казалось, принимаются все мыслимые меры, а дисциплина среди молодежи не улучшается.

Не так давно в комсомольско-молодежную бригаду прядильщиц Лидии Федоровны Зилотиной направили четырех выпускниц, которых еще в училище собирались отчислять. Полумесячные пропуски занятий — повод серьезный.

Начали работать — легче не стало. Сколько раз мастеру приходилось отпирать в цех за ручки! В разгар смены хватятся Зилотина — опять машины бросили. Впрочем, где искать — известно. Все четверо в курилке с сигаретами в зубах. Отругает, пригрозит: «Вот поставлю вам ноль — будете знать». Ноль — это такой коэффициент трудового участия.

— И ставили, Лидия Федоровна?
— Нет, не могла. Так, припугну только, а ноль ставить жалко...

Самое обидное для нее — руки-то у многих девчат золотые. А распорядиться ими толком не могут.

Решили за трудными подростками закреплять инженерно-технических работников — кураторов бригад.

Здесь можно было бы и поспорить: не слишком ли много получается нянек у новичка? Воспитатель в общежитии, наставник, бригадир и комсомольская организация в цехе. Теперь еще одного опекуна добавили...

Главную нарушительницу прикрепили к шефу бригады Зилотиной — нормировщице Клавдии Ивановне Макаровой.

— Девочка — редкостный талант, — рассказывала Макарова. — В училище получила профессию съемщицы, а здесь, в цехе, всего за месяц выучилась и на прядильщицу. Работает уже на восьми машинах. А по части дисциплины помучились мы с ней... Но, знаете, бывает хуже. Вот незадолго до этого училище выпустило группу работниц, которая во всех отношениях считалась сильной. Помню, какой хороший выпускной вечер мы устроили, какие хорошие слова говорили, какие благодарности и обещания слушали. А на другой день вся группа тайком уехала... А эти, трудные, они остались. Значит, думала я, есть у них в душе чувство ответственности, обязательности. Или взяли наших нынешних молодых передовиков — тоже когда-то немало хлопот доставляли. Так и с этими — верю, что толк будет.

Работа с новичками отдельным пунктом входит в комплексный план инженерного обеспечения бригады. За них шеф бригады отчитывается перед

советом наставников, на партийных и комсомольских собраниях. Не берусь оценить, что это уже дало в масштабах комбината, мало времени прошло с начала эксперимента. Но то, что трудные у Макаровой стали серьезней, дисциплинированной — факт.

Довелось мне читать протокол совещания Совета директоров комбината. В решении Совета записано, что договоры сотрудничества заключаются в ряде случаев формально, а то и вовсе отсутствуют; директора фабрик мало пользуются новшествами в положении о премировании ИТР. Бросилась в глаза фраза: из 384 бригад планы инженерного обеспечения имеют только 334. Больше восьмидесяти процентов — это называется только! Между прочим, на многих предприятиях всего лишь такой процентный охват бригадной формой труда считается очень высоким, а о каких-то особых планах инженерного обеспечения вообще не слышать.

Ореховские текстильщики хорошо понимают: создание бригад не самоцель, а средство совершенствования хозяйственного механизма. Настоящая отдача, эффективность бригад невозможна без полноценной, разносторонней поддержки. Отсюда беспокорство и неудовлетворенность, которые не исчезнут, пока хоть один договор формален, хоть одна бригада не имеет комплексного плана инженерного обеспечения. Потому на комбинате не форсируют искусственно «процент охвата», заботясь больше о качестве, чем о количестве бригад.

...Комитет комсомола провел анализ: что изменилось в новых комсомольско-молодежных бригадах за сравнительно небольшое время? Стоит привести некоторые цифры.

Количество молодых рабочих, освоивших смежные специальности, выросло в три раза.

Производительность труда увеличилась на 4,9 процента.

Простом оборудования сократились на 2,7 процента.

Не выполняющих нормы выработки стало меньше вдвое.

Цифры эти не оказались неожиданным подарком комитету — он нашел свое точное место в орбите эксперимента. Комсомольцы не стали пугаться того, что создание крупных бригад приведет к сокращению числа комсомольско-молодежных коллективов, — наоборот, их увлекла возможность объединить молодежь в сильные, работоспособные бригады.

Организация таких бригад идет не хаотично, по воле случая, а по специально разработанному сетевому графику. В каком цехе, на какой фабрике и когда будут освобождаться рабочие места — это комсомольцы выясняют на год вперед и соответственно заранее планируют, куда направить очередной выпуск ПТУ. У Андрея Степанова я видел такой график с ясной перспективой на год.

Расстановка молодых текстильщиков, закрепление молодых специалистов, подготовка бригадиров комсомольско-молодежных бригад — работы хватает...

А тем временем появляются новые идеи, новые предложения.

Вячеслав Климов размышляет вслух: — Ну, хорошо — внутри бригады мы все отладим. А дальше что? Ведь на одном комплексе работают три бригады-сменщицы. И между ними трения пока остаются: они возникают при пересменке, передаче друг другу оборудования. Завести бы единый наряд на все три смены! Руководить ими может расширенный совет из представителей разных смен. Нам, правда, пока не рекомендовали такую большую бригаду создавать. Согласен, надо сначала одно дело до конца довести, потом за другое браться. Но, думаю, мы к этой идее еще вернемся.

Хорошо, когда люди пытаются заглянуть в будущее.

Конкурс одного стихотворения

«Земля моя — судьба моя»

НАПЕРЕКОР ВЕТРАМ

Геннадий АНУФРИЕВ,
журналист, Минск

Родство

Есть сила хрупкого листа,
Что не уступит силе ветра.
Предметы близкого родства
Есть у земли и человека.
Земля, как память, все хранит —
Железо и живые корни.
А память, как земля, растит
Судьбой посеянные зерна.
Земля, как совесть, не простит
Ни лжи, ни черствости, ни лени.
И по земле о нас судить
И помнить будут поколенья.

Юрий ДЕГТЯРЕВ,
экономист, Москва

Контуженный
хронической ангиной,
Бежав из плена бабушки своей,
На чердаке, заросшем паутиной,
Сидит начштаба —
Витька Соловей.
Мы обстановку понимаем слабо,
Мы отступили к булочной вчера,
И деревянный маузер начштаба
Скользит по карте

«вражьего» двора.
Чадит коптилка
медленно и едко...
И Витька,
бинт поправивши слегка,
Сейчас опять
пошлет меня в разведку
И привести прикажет «языка».
Даст Витька орден
медсестре Анюте,
И мы пройдем по крыше —
риск так риск!

И будет небо
полюхать в салюте.
И плакать дворник...
Наши
взяли Минск!

Людмила ЧИКИРИНА,

юрист, г. Нефтекумск
Ставропольского края

Любимая пора

Вот ослабела рыжая метель.
Вдруг гаснет день.
Приходит ранний вечер.
И тут же ночь
По двору бисер мечет.
За полосой
Так редкого тепла —
Дождь-косохлест,
Занудливый и долгий,
Смывает сурик.
Вымокла листва.
Разбухли тропки.
Развезло дороги.
Рисую дождь:
Размыты на листе...
И в окнах тоже
Серебрятся струи.
Зимой я много снега нарисую.
И будет празднично везде.

Анатолий ТУЧИН,
инженер, Москва

Земные ремесла

Раннее утро.
Тяжелый туман
росами травы
на займище клонит.
Говор медлительный
односельчан
в сырости рыхлой
блуждает и тонет.

Медленным шагом
идут косари,
на разнотравье следы оставляя,
и в предрассветные блики зари
шумно взлетает грачиная стая.

В шелесте дальнем
спешащих колес
гулко за лесом
прошла электричка,
и по оврагу стекает на плес
сонных еще рыбаков перекличка.
Лодочный где-то мотор барахлит,
чуть заведется
и гложет, чихая,
а по тропинке старушка спешит,
зябко сутулясь в своем малахе.

Но потянул от реки ветерок,
вздогнули стебли
травы-чистотела,
вспыхнул

над сумрачным лесом восток,
и мелодично
коса зазвенела.

Лодочный сразу завелся мотор,
стукнули гулко
тяжелые весла...
Солнечный шар
словно руки простер,
благословляя земные ремесла.

Владимир ЕЛИСЕЕВ,
педагог, Москва

...И снова поле,
Снова ветер,
Лихой,
с дыханьем камыша.
И снова верю
В нежность встречи
С землей родимой,
где вчера

Стоял не раз
Мальчишкой хрупким,
Стоял,
доверчив и упрямым,
И подставлял
Лицо колючим,
Осенним

скаредным дождям.
И было
Поле под ногами,
И мы —
разутые, гурьбой,
Наперекор
Ветрам встречали
Отцов с войны,
с передовой...

...С молодежью надо работать и работать постоянно, учитывая ее особенности, новые условия, в которых она живет. Давайте поставим вопрос так: каждый ветеран партии, каждый ветеран труда должен быть наставником молодежи.

Из выступления Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. АНДРОПОВА на встрече в ЦК КПСС с ветеранами партии

Павел ЕМЕЛИН

Удивительно, сколько лиц, событий вмещает одна человеческая жизнь. Потому-то, наверно, так волнует и обогащает встреча с человеком, в чьей судьбе отражается целая эпоха. Слушаешь его и мысленно вступаешь в круг интереснейших людей, приобретаешь к неиссякаемым духовным истокам. Ближе, понятнее делается то, о чем до сих пор знал лишь по учебнику истории.

Но только ли о прошлом думаешь при этом? ...Недавно я познакомился с Марией Николаевной Ангарской. Дочь известного революционера, одного из соратников В. И. Ленина, литератор, она, несмотря на свой далеко не молодой возраст, живет кипучей, полнокровной жизнью, и пережитое ею за долгие годы остается не только воспоминанием, но и органично, активно вплетается в дела, заботы, тревоги сегодняшнего дня.

Мария Николаевна — почетный строитель Усть-Илимской ГЭС. Честь, которой удостоены не многие из пишущих. Эта среднего роста женщина, с гордо откинутой головой, с молодым задором в глазах, накрепко связана с Сибирью.

Это чувствуется сразу, как только попадаешь в ее уютную московскую квартиру, полную книг и фотографий. На стене — сибирский пейзаж, на журнальном столике среди газет — несколько последних номеров «Усть-Илимской правды».

Созвучие ее фамилии с именем сибирской реки не случайно. С Ангарой Мария Николаевна породнилась давно, так сказать, по отцовской линии. Ее отец, Николай Семенович Клестов, с 1908 по 1912 год отбывал ссылку в маленьком поселке на берегу могучей реки. Тогда он и взял себе партийный и литературный псевдоним, который для дочери стал фамилией.

Портреты отца на самом почетном месте. Вспоминаю в один, сделанный в 30-е годы, когда Николай Семенович был торгпредом СССР в Греции, председателем «Международной книги». Волосы на косо пробран, внимательный взгляд карих глаз из-под стеклышек очков, постриженные усы, русая бородка клинышком. Типичный облик революционера-интеллигента.

— А этот снимок мне особенно дорог. — Мария Николаевна указывает на групповую фотокарточку. — Его я разыскала в архиве Октябрьской революции. Здесь отец вместе с товарищами сфотографирован прямо во дворе царской тюрьмы. Отца арестовали в 1905 году за организацию вооруженного восстания рабочих в Харькове. Приговорили к ссылке в Туруханский край. Но из Омской пересыльной тюрьмы ему удалось бежать...

Два года, которые провел Н. С. Клестов на свободе, были насыщены плодотворной партийной работой. Поселившись по чужому паспорту в Москве, Николай Семенович поступил на службу в книжный магазин «Весна», располагавшийся на Арбате. Тут он организует конспиративные ячейки московских большевиков, налаживает печатание политических брошюр и первого большевистского издания трех томов «Капитала» К. Маркса.

Жить на одном месте под чужой фамилией было опасно. Клестов переехал в Петербург, стал сотрудником издательства «Зерно», которым руководил большевик М. С. Кедров. Тут Клестов задумывает выпустить собрание сочинений Ленина, ведь до этого работы Владимира Ильича печатались разрозненно, в основном на страницах зарубежной прессы.

Летом 1907 года Николай Семенович едет к Ленину в Финляндию для переговоров о легальном издании этого собрания сочинений. Владимир Ильич радушно встретил Клестова, был рад такому предложению и передал Николаю Семеновичу свои статьи. Было решено издать их в трех томах под общим заголовком «За 12 лет».

К концу того же года вышел первый том сочинений Вл. Ильина — этим псевдонимом подписывался тогда Ленин. Но во время перевозки сборника из типогра-

фии в издательство почти весь трехтысячный тираж был конфискован полицией. (Как потом выяснилось, типографский маклер издательства был провокатором.) Клестову все же удалось спасти несколько сот экземпляров, которые разошлись нелегально.

Вскоре у него произвели обыск, полиция забрала ленинские статьи и корректуру, выправленную рукой Владимира Ильича. А через короткое время Николая Семеновича арестовали и в этапном порядке сослали в Сибирь, на берега Ангары.

— Отец часто вспоминал про далекие сибирские края, — говорит Мария Николаевна. — Мечтал об их преобразовании. Слушая его, я просила еще и еще рассказать «сказку» — так я называла эти рассказы — про Ангару. Отец улыбался. «Вырастешь, сама побываешь в этой сказке, только к тому времени она станет былью».

Конечно, в те годы ни отец, ни дочь не предполага-

СВОИ ЧЕЛОВЕК В УС

Верной помощницей и доброй советчицей для многих молодых устьилимцев стала М. Н. Ангарская, дочь большевика-ленинца

ли, что почти через полвека, осенью 1965 года, журналистская профессия приведет Марию Николаевну на тот же берег Ангары.

Командировка

В Братске ей сказали, что дороги на Усть-Илим пока нет. «Антошка» полетит туда не скоро. Что делать? Не возвращаться же в редакцию ни с чем? А кроме редакционного задания, было страстное желание своими глазами увидеть места, где жил отец.

— Завтра в Усть-Илим пойдет баржа с оборудованием, — сказали ей в управлении порта. — Попробуйте...

— Что-о? — протянул плотный, «обветренный, как скалы», капитан. — Вас на судно? — Оглядел ее с ног до головы. — Нет, дамочка, извиняйте.

Мария Николаевна умоляла, требовала, потрясала командировочным удостоверением, но бывалый речник оставался непреклонен.

— Я хорошо готовлю, — пустила она в ход свой последний довод. — Такой борщ вам сварю...

Капитан с интересом посмотрел на московскую корреспондентку, и лед в его глазах стал постепенно таять.

— Коком, значит, зачислить? — улыбнулся он. — Это другое дело.

Вниз по течению, минуя опасные пороги, баржа шла трое суток. Наконец судно причалило к Толстому мысу, высоченному, поросшему вековыми соснами.

«Отсюда, наверно, любовался речными даями отец», — думала Мария Николаевна. У нее было такое ощущение, что она уже бывала здесь раньше — так ярко, так зримо рассказывал Николай Семенович о здешних красотах.

Только тайга тогда была другой — глухой, сонной. Теперь же отовсюду слышался гул моторов, тархтели бульдозеры, мимо мчались большегрузные «МАЗы».

Мария Николаевна знала: здесь, в створе Толстого мыса, встанет крупнейшая ГЭС, которая вдохнет новые силы в индустрию Сибири.

Строители жили в палатках, рядом с палаточным городком возвышалось несколько деревянных домиков. В одном из них размещался штаб стройки.

Приезжую встретила милостивая голубоглазая девушка с тугой косой вокруг головы, в ватнике и брюках, заправленных в сапоги.

— Тамара Вехова, председатель постройкома, — представилась она.

Тамара рассказала о жизни строителей. пожаловалась: нет еще больницы, школы, не хватает парт, учебников.

— С книгами туго, — сказала девушка. — Какие взяли с собой, все перечитали, а библиотеки нет.

Вечером в общежитии, за чаем, корреспондентка встретила со своими героинями — девчатами из дорожно-строительной бригады. И опять услышала: «Книжек бы побольше, а то читаем по очереди».

— В их словах прозвучало такое огорчение, — вспоминает Ангарская, — что, повинувшись первому движению души, я пообещала помочь. Предложила: «Давайте соревноваться. Вы постройте дорогу, а я по ней привезу вам книги». Девчонки согласились.

Ангарская — человек слова. Там, в общежитии, она меньше всего думала о будущей публикации. Ее занимала одна мысль: чем она, дочь революционера, известного издателя, сама журналистка, способна помочь этим девушкам, всей стройке.

будет ваш вклад в создание нового сибирского города».

— Известные писатели откликнулись сразу.— Мария Николаевна улыбается.— А вот другим приходилось напоминать. А то и самой ходить по домам...

У некоторых, как это часто бывает, в данный момент не было лишнего экземпляра. Тогда Ангарская сама разыскивала книгу по книжным лавкам и возвращалась за автографом. Времени и сил, понятно, затратила много.

— Главное для меня было выполнить обещание,— говорит Мария Николаевна.

Ангарская радовалась каждой новой книге с автографом. Понемногу ее комната на улице Горького приобретала вид книгохранилища. Подаренные книги исчислялись уже сотнями экземпляров.

Свои книги для библиотеки Усть-Илимска передали Константин Федин, Александр Твардовский, Сергей Михалков, Константин Симонов, Ираклий Андроников, Сергей Наровчатов. Михаил Шолохов прислал в дар строителям роман «Поднятая целина».

«Дорогим устьилимцам, осуществляющим одно из самых заветных мечтаний В.И. Ленина, на добрую память»,— написал на своей книге Борис Полевой.

«Далекому и очень близкому нам Усть-Илимю. Илья Эренбург».

«Молодым строителям Усть-Илима от старого комсомольца с пожеланием вечной дружбы всех поколений»,— написал на сборнике стихов поэт Александр Безыменский, делегат I съезда РКСМ.

Через год Мария Николаевна отправилась в новую поездку в Усть-Илимск. Теперь—по командировке ЦК ВЛКСМ. Вместе с книгами на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку она везла напутствия ветеранов партии и комсомола молодым строителям ГЭС.

Праздники и будни

— Я хочу, чтобы ты тоже участвовала в жизни устьилимцев, помогала в их делах. Конечно, это непросто, встретятся трудности. Но какие бы они ни были, не сворачивай с избранного пути сама и постарайся убедить в этом молодежь. Ты человек активный, характер у тебя отцовский, уверена, что справишься.

Эти слова Стасовой, сказанные незадолго до отъезда, Мария Николаевна восприняла как наказ, как руководство к действию.

В первый же вечер, едва только из Братска добрались до Усть-Илимска, строители встретили Ангарскую как дорогого, близкого им по духу человека.

В столовой, которая по вечерам превращалась в клуб, состоялось торжественное собрание. По совети говоря, неплохо было бы Марии Николаевне сначала передохнуть с дороги, но секретарь обкома комсомола, «заводной парень», уговорил ее сразу же пойти на встречу с устьилимцами.

Сам он сказал звонкую речь и, как говорится, шалку в охапку. «Вы с нами?»— спросил Ангарскую. «Нет, я остаюсь с ребятами»,— ответила Мария Николаевна.

До поздней ночи пели, плясали, говорили о романтике. В гостиницу Марию Николаевну провожали почти все, кто был в клубе. Утром, вооружившись ручкой и блокнотом, она принялась за свою обычную, журналистскую работу—сбирала материал для очерка. Она была одной из первых, кто писал о людях и проблемах Усть-Илимска.

Постепенно Ангарская впрягалась во все дела стройки. Мелочей для нее не существовало. Крутили старые киноленты—ездил в Иркутск, просила прислать новые фильмы. С переборами работала баня—и тут добывалась порядки. Ездил в Братск, на завод железобетонных конструкций, требовала ускорить доставку в Усть-Илимск панелей для строительства молодежного клуба «Гренада».

Активности, упорства Ангарской не занимать. Недавно устьилимцы в шутку называли эту перешагнувшую тогда пятидесятилетний рубеж женщину «наш комсорг». Так оно, по сути, и было. Мария Николаевна стала авторитетным лидером усть-илимской комсомольки. Сколько встреч, бесед провела она здесь, в Усть-Илимске,—в трудовых коллективах, в школах! Не боясь патетики, вкладывая в слова весь жар души, рассказывала молодым о революции, о большевиках, о Ленине, которого ей посчастливилось видеть в детстве.

...В одну из первых годовщин Октябрьской революции Н.С.Клестов-Ангарский взял дочь на трибуну Красной площади. Ленин, проходя мимо, заметил

девочку. Подсоровавшись с Николаем Семеновичем, ласково поглядывая косички девочки, сказал ей всего несколько слов:

— Учись хорошенько. Будь, как папа, честной, борись за правду, за справедливость.

Ленинские слова стали жизненным кредо Ангарской. Честность, целеустремленность, умение не павать перед трудностями—эти качества она хочет видеть и у молодежи.

Устьилимцам, многие из которых начинали трудовую жизнь вдали от родительского дома, просто повезло, что рядом оказался такой душевно богатый, мужественный и добрый человек, как Ангарская. С ней молодым было хорошо и интересно. Ведь она лично знала многих выдающихся людей нашей эпохи—партийных и государственных деятелей, ученых, писателей. Ее «крестным отцом» в литературе был Александр Фадеев. Он же как-то сказал ей: «Вы, Маша, талантливы друг». Вот этот талант души Марии Николаевны в полной мере раскрылся в Усть-Илимске.

С ней советовались о самом сокровенном. Девочки доверяли ей свои сердечные тайны, а парни, народ более солидный, заводили разговор о «глобальных» проблемах. Скольких ребят, кого подкосили трудности, неустроенность быта, совсем собравшихся было уезжать из Усть-Илимска, она убедила остаться! Доказывала, что, уехав отсюда, человек потеряет многое, а главное—чувство причастности к грандиозным преобразованиям, о которых мечтали лучшие люди России.

За советом к Ангарской обращаются не только молодые люди. Не так давно в ее московскую квартиру заглянул известный в Усть-Илимске человек, опытный экскаваторщик, кавалер высоких правительственных наград. «Я ненадолго, проездом,—смущаясь, сказал он.—Хочу потолковать с вами насчет дочки. Не желает оставаться в Усть-Илимске. Может, вы на нее как-то повлияете?»

Вот и сейчас, пока мы беседуем с Марией Николаевной, раза два звонили из Усть-Илимска друзья, спрашивали о здоровье, спрашивали, когда ждать ее в Сибири.

Чем все-таки убеждает молодых Ангарская? Ведь и раньше ребята слышали правильные слова, но они

как бы проскальзывали мимо, не западали в душу. А тут... Перед ними человек, чье слово не расходится с делом. Не сглаживая острых углов, Мария Николаевна стремится как бы приподнять своих слушателей над неурядицами быта, раскрывает нравственную, общественно-политическую сущность их будничной работы. И делает это не в «утешение», не ради «пропаганды»—все это идет от глубокого внутреннего убеждения, от сердца самой Ангарской. Обращаясь к высокому помыслу каждого, кто ее слушает, она говорит так, что молодые строители воочию ощущают светлый, чистый мир идеалов, с которыми жили, боролись и умирали революционеры-большевики, полнее чувствуют свою причастность к большим делам.

...Когда обострилась давняя боль и в ногах, Мария Николаевна попала в больницу. Телеграммой ей прислали прямо в палату. Друзья-сибиряки откликнулись: «Дорогая Мария Николаевна, мы верим, что Вы скоро поправитесь, и заверяем, что Усть-Илимская ГЭС, в которой есть частичка Вашего труда, будет работать на коммунизм».

Эти слова стали для нее лучшим лекарством.

Книги и люди

Надо ли говорить, что всякий раз, когда Мария Николаевна приезжает в Усть-Илимск, первым делом она идет в библиотеку, носящую имя ее отца. Вот и после операции, едва освободившись от костылей, Ангарская появилась в дорогах ее сердцу стенах.

— Вхожу,—голос Марии Николаевны дрожит, и она сама будто меняется в лице,—и ничего не узнаю. Портрет Ангарского не висит на привычном месте, искажена его биография, отдельные книги с автографами утеряны. Да и все оформление библиотеки на очень низком уровне.

Командировка кончилась, пора возвращаться в Москву, но Ангарская телеграфирует в редакцию: «Задание выполнено. Вынуждена задержаться за свой счет».

Она «задержалась» в городе на четыре зимних месяца, когда морозы достигали порой 50 градусов. Превозмогая боли в ноге, опираясь на папку, Мария Николаевна ходила по гористому заснеженному Усть-

Илимску от одного учреждения к другому. «Выбивала» деньги на стройматериалы, на оформление библиотеки. Настояла, чтобы этим делом занялись архитектор и художник. Не раз сама побывала в цехе, где изготовлялись книжные шкафы, стеллажи и другое библиотечное оборудование.

А сколько огорчений пришлось вытерпеть от директора библиотеки, столкнувшись с ее рассеянностью, безразличием, а то и совершенно недопустимой грубостью.

— Не знаю, как бы я все это вынесла, если бы не мои молодые друзья...—Глаза Марии Николаевны вновь светлеют.

Токарь Женя Солоницын и электрик Володя Угрюмов, ее первые помощники, приходили в библиотеку после работы, в выходные дни и—за работу. Делали все с увлечением, творчески.

Не очень-то надеясь на директора, Ангарская попросила школьников составить каталог на книги с автографами и вообще—взять шефство над библиотекой. Ребята отнеслись к просьбе Марии Николаевны со всей ответственностью.

Директор Иркутской областной библиотеки Р.И.Шолохова сообщила в письме Ангарской: «Наша сотрудница была в Усть-Илимске и осталась очень довольна изменениями в оформлении библиотеки, которые Вы сделали. Иркутяне и устьилимцы благодарны Вам за большой бескорыстный труд, за беспримерный подарок...»

Теперь коллективы многих редакций создают библиотеки на ударных комсомольских стройках. А пионером этого дела была Ангарская.

— Я рада, что мой почин подхвачен,—говорит Мария Николаевна.—Но до сих пор еще очень много дел. Ведь библиотека в Усть-Илимске и поныне ютится на первом этаже жилого дома. Трудно хранить книги в такой тесноте. Давно пора перебраться в просторное, современное здание.

— Да, судьба щедро одарила меня дружбой с замечательными людьми,—продолжает Ангарская. Замолкает на минутку, а потом, улыбаясь, добавляет:—И все же самое большое влияние на меня оказал отец.

Она берет с полки уникальное издание—сборник «Времена года в русской поэзии». Здесь стихи Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета с великолепными рисунками Левитана, Корovina, А.Васнецова... Смотрю: составитель—Н.С.Клестов. Год издания—1919-й.

Неужели?! Ведь прошло всего лишь два года с той поры, как Николай Семенович с оружием в руках во главе красногвардейцев Хамовнического района дрался с юнкерами на московских улицах. И вот эта книга поэзии... Поистине только человек кристальной чистоты, беззаветно влюбленный в искусство, мог одновременно участвовать в революционных боях и издавать классику.

В старом детском альбоме, который Мария Николаевна бережно хранит, есть строчки, написанные отцом в честь ее дня рождения. Они, конечно, не претендуют на поэтическое мастерство—отец все-таки был публицистом,—но мысль автора выражена ясно.

*Любовь, добро и красота—простейшие слова.
Прими без долгих и бесплодных размывлений.
Пускай в душе твоей они цветут всегда—
Источник радости в тяжелый час сомнений.
Так труден жизни путь, дорога тяжела,
Но не давай цветам души твоей завянуть.
Служи добру, не бойся зла—
Цветы поблекшие в борьбе опять воспрянут.*

Эти строчки Мария Николаевна не раз читала своим усть-илимским друзьям в надежде, что они помогут молодым строителям понять внутренний мир старого большевика, участника трех революций, издателя, чьими стараниями увидели свет многие произведения, ставшие классикой советской литературы. Ведь в издательстве «Недра», которым руководил Н.С.Ангарский, печатались Серафимович, Тренев, Федин, Всеволод Иванов, Булгаков.

Может показаться странным, что, живя в такой литературной среде, Мария Николаевна, когда пришло время выбирать профессию, поступила на химический факультет. Но вспомним середину 30-х годов. Главным лозунгом дня был «Техника решает все!». А Ангарская не только дочь своего отца, но и дочь своего времени, активная комсомолка. Она хотела работать там, где нужна стране. Лишь позже, следуя совету Фадеева, начала сотрудничать в прессе.

С ее неуемным характером, с жадной деятельностью, с таким зарядом творческой энергии Мария Николаевна просто не могла не писать. Публицистика соответствует ее общественному темпераменту, накалу ее души.

А душа у Марии Николаевны прекрасная. Восемнадцать лет живет она заботами и радостями далекого, сибирского города, в котором у нее сотни друзей. И, наверно, усть-илимские ветры вновь позовут ее в дорогу, на любимую Ангару.

Мать надрылась. Она уже с осени, когда у них с отцом пошли нелады, надрывается, а не разговаривает.

— Ты пойдешь, наконец, в «Молочный»? Ты сдашь бутылки?! Я кому говорю. Ты меня слышишь?!

— Слышу. Пойду.

— Ты уже десять раз говорил, что пойдешь, а сам, как последний остопоп, ни с места?!

— Сказал, пойду, значит, пойду. Только кино досмотрю.

— Ты уже досматривал! То концерт, то мультяшки, то футбол! Лентяй и нахал, тунеядец! Проклятый телевизор! Если бы не белье... Мне стирать надо! Стирать, стирать, стирать!

Повернулась невпопад, боком — о руль велосипеда, и тут же посыпалось, как из рога изобилия:

— Ни сердца, ни совести! Велосипедов понаставил! И без того места нет! Кеды разбросал! Опять новые! Опять на три дня! Ни с чем не считается! Весь в отца, в зююста! Да что это за жизнь! Не доходит? Неужели до тебя ничего не доходит?!

Он плюнул на фильм, хотя жуть как хотелось досмотреть, куда они денутся с трупом и как раненый милиционер выберется из подвала, натянул куртку, по-быстрому зашнуровал кеды, новехонькие, вкусно пахнущие крепкой дитой резиной, сказал примирительно:

— Дошло-доехало. Видишь, пошел я!

И уже хотел было посочувствовать: все-таки женщина, и отец ей действительно нервы мотает, и вон она за бок держится — болит, небось, не так же... И рука у нее забинтована — случайно обварилась кипятком. Но ведь не сказала почеловечески. Прицепилась и понесла:

— Одолжение мне делаешь? А? Все, все мне одолжение делают! Если бы не борщ, не нужно мне ваше одолжение! Не нужна мне ваша сметана! Ничего мне не нужно, пропади все пропадом!

Не стерпел, хлопнул дверью так, что замок зазвенел и плохо пригнанное стекло в окне на лестничной площадке дзинькнуло.

Мать, естественно, не спустилась, открыла дверь, прошипела:

— Ты строил, что ломать взялся?! Ты взял крышку для сметаны? Не потеряй! Бутылки не разбей! Сметану не пролей, как в прошлый раз. У всех дети как дети, а у этого каша в голове, руки кривые... За что мне? За что?!

Он не стал дожидаться лифта, понесся по лестницам, отлично зная, как она там сейчас кипит-бурлит про себя: «Он же с бутылками! Он же разобьет их все! Никакого чувства ответственности! Идиот! Настоящий идиот! Весь в отца!»

Вполне возможно. Она разоряется, а они с отцом большей частью не реагируют. Уж если совсем донечет... Большой частью отец отделяется тем, что пустит на полную мощь репортаж с футбола или хоккея. Или скажет насмешливо: «Истеричка, самая обыкновенная истеричка. Погляди на себя в зеркало: во что превратилась. Слушай, слушай сплетниц! Они тебя научат лашу кочергой хлебать!» И отвернется, и положит нога на ногу, и набулькает пива в рот прямо из бутылки. А у матери губы ненакрашенные так и пляшут, и никак ей не поймают пугливой петлю у горла на плохо отглаженной, скособоленной кофте. «Я дура? По-твоему, у меня своих глаз нет?! — кричит она отцу в затылок. — А кто из командировки в чемодане нейлоновые колготки привез? Со спущенной петлей? Кто? Чьи? Кто звонит нам то и дело, а я подойду — молчат? Та самая звонит! Та самая! — подскакивает к телевизору, вырубает и требует: — Хватит! Выбирай! А не сиди здесь квартирантом! Не могу я так, не могу!»

Вот такая карусель. Когда мать произносит всякие такие слова, которыми раньше никогда не пользовалась, постеснялась бы, ему, Юрке, стыдно за нее и как-то противно.

Но и отец тоже хорош. Чего там — забарахлил, это ясно. И крутится и придуривается. Лучше б встал со своего любимого кресла и сразу все сказал. По-честному. Что-то определенное. Или — или. Лично он, Юрка, если бы у него когда-нибудь что-нибудь такое наввертелось в жизни, предпочел бы прямо, в лоб, потому что...

Не успел додумать. У поворота к «Молочной» нос к носу — Зюзя.

— Погоняем, Дятел? Потом побалдеем? Оч хор? Все наши будут и Кика. Помнишь Кикку? Колеса увел с чужого мотоцикла. Годок отсидел — здоровый стал, во! Рассказывает, ничего там, жить можно... Придешь?

У Зюзи глаза шальные и настырные, вылезавшие из орбит, как желтая паста из тюбика. А на шее — цепка с сувенирным топориком. Зюзя в одиночку не жилец. Его маманя с утра дотемна кует его благополучие в киоске «Соки — воды» и уже наковала «Жигули» и всякого вельветово-бархатного тряпья. Но ей мало, она вошла во вкус. А Зюзя страдает. Ему скучно. Ему охота быть для кого-то страшно нужным и интересным. И он липнет ко всем, сбивает компанию, прельщает даровыми сигаретами и бутылками, накованными его трудолюбивой маманей. Когда родители дальновидно предупреждают: «Не водись с уличными! Научат и пить и курить!» — они имеют в виду такого вот Зюзю. И прежде он, Юрка, не клевал за Зюзины приманки. Один раз попробовал ихних удовольствий в кустах на бревне — стошнило. В самом прямом смысле. После сигареты и стакана портвейна. А теперь — ничего. Зюзя не кажется таким уж конечным придурком. Нормальный пацан. Книг не читает? В технике ни бум-бум? Зато на гитаре умеет и песни под Высоцкого выхрипывает. Не дома же сидеть, слушать, как лают родители. Пошли они!

Но хоть он, Юрка, так вот ладненько аргументировал, а тоска подсысывала. От собственного столь очевидного несовершенства. Смешно сказать, как Зюзя подкатился к нему в первый раз, каким детским ходиком завербовал «балдеть» на бревне: «Тебе семь, что ль? А я-то думал — мужик, четырнадцать давно».

И сейчас самое бы время кинуть Зюзе: «А пошел ты...» И запереться в своей комнате, почитать либо с приемником повозиться, пора ведь дособрать и опробовать, выставка вот-вот, сроки подпирают. А там что, на бревне? Зюзя с вышученными глазами, пьяненький, брызжет слюной: «Не стесняйся, ребята! Все свои! Пока молодые — гуляем!» Девчонки, прижимающиеся к тебе и к соседу безо всякого стыда. И страх, вечный страх, что вдруг возникнет Маринка и увидит...

Но он не может Зюзе отказать. Не может, и все. Во всяком случае, сегодня. Но вот в следующий раз...

Он жарко верит в следующий раз, и это его тотчас поднимает в собственных глазах. Но пока, не в силах больше выдерживать настырного, липучего взгляда, вякает покорно:

— Оч хор! Будь спок. Буду.

И лихо бьет ногой в подвернувшуюся пустую коробку из-под сигарет, убеждая себя: «А что? А что? Если б дома тишина... Как раньше... Если бы я им был нужен, как раньше. Отец вообще перестал интересоваться. Так только, изредка, для формы: «Все в футбол гоняешь? Гоняй, гоняй, полезно». Если б Маринка...»

Ох, как давно и тщетно он надеялся, что однажды Маринка не только разрешит проводить ее до дома, не только спросит похода, небрежно: «А правда, что ты с Зюкиным нашел общий язык?» А вдруг предложит: «Сядь, Юрка, мне надо с тобой поговорить. Слышишь? Ты совсем не такой, как все остальные мальчишки, и я знаю, что с Зюкиным тебе делать нечего. Они могут затянуть тебя. Это же всему району известное «бревно». С него попадали и за решетку. Ты же знаешь. Дай слово, что никогда-никогда не будешь ходить к «бревну». Дай мне слово». И он даст ей слово. И, конечно, сдержит. Еще б! А так... кому это надо?

И еще он хотел, чтобы Маринка, когда он будет уходить, вдруг страшно пожалела бы и позвала: «Юр! Постой! Куда же ты!» И так до десяти раз.

Мать с отцом рассказывали, что, когда встретились и полюбили друг друга, никак не могли расстаться. Только разойдутся, то она, то он: «Постой! Ну куда же ты!»

Но Маринка ничего этого не умеет. Не понимает. Ходит, как красавица народная, задрав голову. Только и сказала: «У тебя рост ничего себе. Мне с тобой не стыдно идти». Ну то есть они оба акселераты. Она тоже длинная. Длинная, то есть тоненькая и прямая-прямая, как адмиралтейская игла. Она тогда вроде комплимент сказала, во всяком случае, ей понравилось, что он на голову ее выше, а то в ее восьмом все мальчишки ей по плечо. Но он и тогда покраснел и растерялся. И если бы она сейчас откуда-нибудь появилась со своими синими холодными глазами...

Жуткое дело! Он покраснел. И опять вместо лица — сплошная растерянность и глупость. А ведь ее нет. И не может быть. Три дня назад она уехала с отцом и матерью в деревню к деду и бабке — сено косить для коровы Зорьки, белить, и красить, и рыбачить с отцом. Она, если подумать, очень интересная личность. Даже очень незаурядная. У нее разряд по баскетболу. Она умеет работать и рубанком и на всех школьных станках. У них в доме так заведено. У них «папа, мама и я — спортивная семья». На байдарках ходили по Оке. Зимой на лыжах добирались до Михайловского. И никогда не зовут из бюро по ремонту квартир. Все сами. Белят, красят и поют в три голоса. А на столе — букетище сирени, и самовар, и вишневое варенье, и чашки в голубой горошек. Раз пришел, библиотекаря прислала, Маринка учебник не дослала... Пришел, поглядел и подумал: «Вот это да! Хорошо-то как, прямо по-человечески хорошо...»

И очень к месту тут, под кустом у самого магазина, он углядел разбитую банку. Нацелился да как шандарахнет — аж брызги полетели.

— Хулиган! Вот пошло хулиганье! — набросилась, как и положено, какая-то бабуся. — Ни стыда, ни совести! Небось, и родители такие! Были б другие — не позволял чего не попадая!

«Верно, бабуся, верно, — поощрил, поднимаясь на крыльцо. — Семья у нас будь здоров, не кашляй... В ванной краны текут, в коридоре потолок шелушится и осыпается. А нам и дела нет. Мы раньше тоже частично ремонтировали своими силами. А нынче не желаем. Не до того. Мы даже дедушку, который в Курской битве участвовал, поздравили с праздником Победы девятого июня. Это раньше, тем летом, когда между ними все мирно текло... Честное слово, мать моя была еще какая! И говорила негромко, и гимнастику делала каждое утро, и волосы красиво укладывала, и даже училась у меня танцевать «марафон». Она ведь не

ТРЕТИИ В ДО

Лилия БЕЛЯЕВА

РАССКАЗ

что-нибудь, в принципе, она на своем заводе электронно-счетных машин классный специалист. У нее одних грамот вагон и маленькая тележка. И отец тоже не из отсталых каких-нибудь. Он в своем деле академик. Про него так в многотиражке и напечатали. Он даже болгар и вьетнамцев обучал своему методу проходки. Он институт окончил без отрыва от производства. Его в Канаду посылали с делегацией... Это теперь дошел. И мать довел. Хотя, кто его знает, может, матери лучше, что он ни в чем не признается, не режет до конца. Она же как его рубашку раз целовала... Как полоумная. Грязную рубашку, которую отец сунил в корзину с бельем для прачечной. Знал бы, может, действовало бы... Как я тогда хотел сказать ему! Ну чтоб не очень-то, чтоб задумался, все-таки в нем сто килограммов, а в матери и шестидесяти не наберется. Нечестно. Разные весовые категории. Только начал: «Чего это у вас?» Совсем ненавязчиво. А он отключил бритву-жужжалку, пустил ее волчком по столу и отрубил: «Не твоего ума дело. Сами разберемся». У него дергалась непобритая щека. «Пожалуйста», — сказал я. Мне-то что, в конце концов. Меня просто тошнит глядеть на все это. И слышать ваш ор. Перед соседями только стыдно. А так орите, орите и друг на друга и на меня! Давай, отец, и дальше не стесняйся! Чего там! Мать тебя любит! Вот глупая... Хорошо устроился, отец! Отпад как хорошо! А я когда-то думал, что ты по-настоящему сильный. А сильные, они справедливые. Я читал. Я верил. Я дурак, идиот, дубина!»

Он так тряхнул сумку с молочными бутылками, что сразу понял — мать права, косорукий, в голове каша, разбил ведь. И еще понял, очнувшись, что стоит посреди магазина, а очередь, нужная ему, — сама по себе. И догадался, что не

Рисунок
Марины ПИНКИСЕВИЧ

МАШИНОЙ ВОИНЕ

сюда ему надо-то, это потом, а перво-наперво сдать проклятые бутылки, там «вход со двора», в оцинкованную амбразуру.

Он выскочил из магазина, предвкушая с раскрученным загодя раздражением, что там, у злодейской амбразуры, тоже очередь и надо стоять, стоять...

Не угадал. Повезло. Ни одного человека около! Не считая некоего старичка, что медленно-медленно, аккуратно-аккуратно переставлял ноги в синих матерчатых тапочках и держал в руке сетку с двумя мотающимися бутылками из-под кефира. Его обогнать ничего не стоило. И этот обгон не противоречил никаким нормам морали, а был благом для общества. Так рассудил он, Юрка. Чего ж в самом деле драгоценному окошку бездельничать лишние три-четыре минуты, дожидаясь, пока дотрюхает беспечный дедуля.

Он быстренько выкинул в урну разбитые бутылки, а остальные сунул в окошко. Но только тогда, когда зажал в кулаке полученные от приемщика пятнашки, синие стариковские тапочки изготовились брать препятствие в виде двух ступенек, ведущих на крыльцо. Пронеслось: «Сейчас не утерпит, куснет: «Какая нынче неуважительная молодежь пошла, так вперед и лезет».

Однако старик молчал и словно бы только того и ждал, когда он, Юрка, заметит его присутствие. А как только заметил — заулыбался, заулыбался, не сказать, чтоб приятно сверкая неживой, промтоварной белизной фальшивых зубов, и весело, поощряюще признал:

— Ох, как хорошо быть молодым! Ноги сами несут! Верно?

— Ага! — ответил в лоб, не расслабляясь, раз уж приперли, конечно же, не очень-то доверяя миролюбивому тону прицепившегося старикашки. Также тоже

бывало: будто бы хвалят тебя, поощряют, ты и раскиснешь, а это ихняя старческая хитрость, это специально, чтоб ты уши развесил, чтоб тут-то тебя и садануть под дых заготовленной издевочкой.

Не стал дожидаться, спрыгнул со ступенек и помчался в магазин, соображая по пути, что можно было бы, конечно, и не рвать от дедули, застрять около, дать тому возможность проявить себя во всем блеске заупокойного остроумия и врезать. Не все ж терпеть от них! Но больно хил, одна труха, две бутылки в сетке — и те перегнули, даже смотреть неинтересно, нехорошо, как-то не по себе становится, если смотреть. К тому же Маринка... Вдруг объявится и услышит, как я старичка поливаю. Эта самая Маринка... До чего дошло, однако. Прямо из ничего возникает в последнее время! Чуть чего — вот она, пожалуйста. Прямо из воздуха. Во наострилась! И, как говорится, корректирует твоё поведение. Прямо не скроешься, отовсюду глядит, не дремлет, как майор Пронин. Свихнуться можно. Вот войду в магазин, а она там. А чего особенного? Вполне могла вернуться из своей деревни. Чего-нибудь забыли, а ее как «самую молодую» и послали, объяснял себе, убеждая себя, но все-таки верил плохо. Слишком это было для него хорошо, а в последнее время он как-то отвык, чтоб ему было хорошо.

Ну и правильно, что не поверил. В магазине к кассе тянулась коленчатая кишка очереди, серая, вялая, как сама скука. И хоть он сразу насобирав в металлическую корзинку бутылочек с молоком и за разливной сметаной простоял не больше трех минут, очередь в кассу вязала его по рукам и ногам всерьез и надолго. Оказывается, «выкинули» глазированные сырки и майонез в пакети-

ках, и все, кому надо и не надо, глядя друг на друга, из одной зависти, как это всегда бывает, бросились «выбивать». Ну и, конечно же, сами же недовольные, что, мол, это форменное безобразие, когда работает одна касса, тем более безобразие, что день выходной, что это у них, у магазинных работников, заведено — держать в выходной два кассовых аппарата на замке, это им нравится, когда люди стоят, они привыкли издеваться над трудящимся человеком. И еще о том толковали бесперебойными занудливыми голосами, что хоть лето и пришло, а летом и не пахнет, одно название, дожди льют и льют, хотя в широкие стеклянные окна прямо у них под носом видно, что солнце светит вовсю, что небо голубее не придумаешь и все блестит, как новенькое и праздничное: стремительно мелькающие спицы велосипеда, листья тополей, трава на газоне, металлические нащепки на ошейнике добермана, отличного, поджарого, одни сухие взрывчатые мускулы. Но слушать всю эту чушь надо, никуда не денешься. Вот этим-то и противна больше всего очередь. Нудит, нудит, пока ты сам вдруг не почувствуешь, что и тебе жить надоело, пора в петлю. Еще понятно, если бы состояла она из одних истерзанных, изношенных стариков-старух, а то ведь и довольно молодые женщины разнудятся — не унять. Даже когда вдруг явилась добавочная кассирша, очередь вместо нормального удовольствия раздалась радостным раздражением:

— Вот, пожалуйста, вам! Значит, могли и раньше! Не спешили! Издевались! Порядочки...

И только один человек стоял смиренно и улыбался. И ладно бы где-то уже близко к кассе, а то ведь позади всех, в самом конце второй очереди к новенькой кудрявой кассирше. Даже как-то странно, словно бы ему исключительно все нравится: и очередь, и отсутствие качественной вентиляции, о которой тут все уши прожужжали, и то, что он не первый, а десятый. Юрка специально просчитал. И подумал ненароком: «Может, сумасшедший какой?»

Однако старичок вдруг вышел из очереди и вполне осмысленно пошаркал домашними тапочками к секции, где лежали в пакетах расфасованные яйца — по десятку в каждом. Он взял пакет, подержал на весу, потом попробовал прижать к груди. Это ему понравилось, и он кивнул самому себе и пошел туда, где стояли бутылки с молоком, взял одну в свободную руку. И все улыбался, не сильно, но все-таки. А когда вернулся к очереди, не стал искать свое законное место, опять встал в конце, что глупо, конечно. Юрка запомнил, за кем он стоял в первый раз, вон за тем гражданином с теннисной ракеткой и животом, — тоже мне спортсмен. Еле-еле удержался, чтоб не подойти и не открыть дедуле его права. И тетка, что за дедулей очередь занимала, намазанная, как клоун, с двумя тортами в цепучей руке тоже ни гугу. Ей что! Ей того и надо, чтоб кто-то забыл, где стоял: все ближе к кассе. Вот гады...

А дедуля там чего-то все никак не решит, как быть с яйцами и молоком, экспериментирует: то пакет прижмет к груди, а бутылку отпустит, то наоборот, бутылку прижмет, а пакет подержит на весу. И до того это у него бестолково получается, что прямо очевидное — невероятное, нарочно не придумаешь. А один раз он чуть не выронил пакет с яйцами, чуть-чуть, рука у него задрожала-задрожала — тоска, лучше не смотреть, совсем конченый старичок-хилычок. Мотнул головой и опять улыбается, сам над собой: мол, вон я какой косорукий, и вообще. А они все, вся эта скандальная очередь, глядят и распресакно все видят, но это им невыгодно и изображают, будто ничего такого особенного не происходит.

Но старичок и не рассчитывает, знает им цену, сам по себе живет. И опять что-то ему стукнуло в голову, бросил очередь, пошаркал в угол, к упаковочному столу, поставил бутылку, принялся отыскивать свободной рукой карман на брюках. И все мимо. Прямо юмор, балдеж — шарит, шарит медленно так, коряво и никак не может сыскать карман на собственных штанах, только мажет пальцами около. Но все-таки не отступает, идет на прорыв и вот-вот... А ты, как последний идиот, «болеешь» — доконает идею или нет. Доконал! Рука в кармане! Можно дышать и подвигаться. Оказывается, все это время, пока он, доходяга этот, единоборствовал с собственным карманом, ты до того закончел на месте в азарте и напряжении, что тебе в спину пальцем постучали — очередь-то вперед ушла.

Но события дальше развиваются, как не досмотреть. Дедуля же не так просто искал карман. Чего-то он собирается из него выгащить. Вот тяготища-то! Конечно, самое правильное — отвернуться, и пусть он там. Но характера не хватает. Охота досмотреть, чем кончится. И еще, хоть это, конечно, и идиотство, но кажется, что если за него будет хоть кто-то «болеть», он скорее решит свои проблемы. Но бестолковый до чего, однако. Отпад! Так ведь и не догадался положить пакет с яйцами, и проклятый этот пакет дергается и дрожит на весу в его руке, ну тихая жуть, ну скукота, аж скулы сводит, пока он пальцами второй руки, плохо сгибающимися, маленько скрюченными, все ищет, ловит чего-то там в кармане и никак, ну никак не может поймать. Ну скоро, что ли? Мураши по хребту. Ну чего, чего так долго, так нудно рыться, только людям нервы мотать?! Кто только выпускает таких старых-престарых стариков в большую жизнь, кто позволяет им путаться под ногами и давить на психику?! Вон как пляшет этот чертов пакет с этими чертовыми яйцами — вот-вот выскочит из его жутко убогой руки, шмякнется на пол. Ну чего, чего он ищет в том чертовом кармане, может, там того и не было никогда?!

И вдруг догадывается — старик мечтает занять сетку, чтоб сложить в нее свои покупки. И соглашается: с сеткой ему будет куда удобнее и легче. Но, может, он свою сетку давно потерял? Там, где сдавал бутылки? Вот и копаются, вот и суетятся без толку. «Сколько ж можно все это смотреть?» — орет Юрка и на проклятого, настырного старика и на всю эту проклятую, гнусную очередь, которой плевать на все, лишь бы до своего облюбованного дотянуться и схватить. И еще он, пока шагает к старика, произносит кое-какие не очень культурные, но вполне целесообразные словечки. А то, что он идет к старика, его, конечно, несколько удивляет. Чего ему, обязательно, что ли, соваться в это дело? А он в общем-то и не будет соваться, он отдаст ему свой полиэтиленовый пакет, отберет у него покупки и сунет туда... Он с этого и начинает, очутившись вблизи карикатурно беспомощного, никому не нужного старикашки:

— Вы сетку ищите?

Старик кивнул и уставился на него странно веселыми, почти безумными глазами, но ответил вполне здраво:

— Точно. Но, видно, забыл где-то. Со мной это случается. Склероз, молодой человек, отличный склероз!

— А может, вы ее в другой карман положили? — предположил Юрка. — Давай-те я подержу яйца, а вы пошарьте.

— А что! Может! — резко согласился весь какой-то малопонятный, нестан-

дартный дедуля и, не мешкая, добросовестно нацелил свои скрюченные пальцы на нетронутый карман. И пока они подбирались к цели, то и дело проскакивая мимо карманной щели, пока они наконец всунулись внутрь и ковырялись там, высккивая, — в очереди, и в той, что к одной кассе, и в той, что к другой — наступила тишина. Не совсем, конечно, полная, кассовые аппараты гремели, но всякие разговоры истратились подчистую. Никто не ворчал, не нудил, не предьявлял вслух претензий к обстоятельствам. Юрка догадался о наступившей тишине не сразу, а по тому, как вдруг громко, отчетливо, точно поутру в пустынном дворе, прозвучал его голос:

— Знаете что, вы не ищите больше сетку. Хватит. Я вам дам полиэтиленовый пакет. Нате. Он немного с дырой, но это все равно. Вам же только яйца и бутылку положить. Выдержит. Ладно?

И тут вот, с этого момента с очередью что-то стряслось, и с той и с другой. Словно он, Юрка, не сказал какие-то совсем простые, по делу слова, а крикнул, и все проснулись, он позвал их на баррикаду, и все помчались за ним. Ну, то есть все так обернулось, что даже непонятно как, и Юрка вдруг почувствовал себя кем-то вроде вождя, революционера, способного увлечь массы за собой.

— Ты, мальчик, возьми лучше мой пакет. У меня целый. Нет, нет, лучше мой! У меня совсем новый! Зачем? Пакет может разорваться, а у меня лишняя сумочка, вот она! Возьми, возьми, мальчик! Пожалуйста, вот, вот эту, мою! — загворила очередь на все голоса. И к Юрке со всех сторон потянулись руки с полиэтиленовыми пакетами, простые и в цветочек, а тетка с двумя тортами тыкала ему чуть не в самое лицо серебристой, в иностранных словах, очень красивой сумкой и упрасивала умильно:

— Мою, мою! Она легонькая и очень-очень прочная!

И Юрка растерялся, не зная, что предпочесть, как вести себя в таких необыкновенных обстоятельствах, когда ты поставлен столь высоко, что тебе доверено как бы решать судьбы людей, ты можешь одним лишь словом кого-то осласлвить, а кого-то согнать в тоску и неприкаянность. Видела бы мать! Или отец! А если б Маринка...

И он мялся, не решался предпринять что-то конкретное еще и потому, что был сражен внезапным открытием: какой же, однако, он непуганый идиот, до чего же он, оказывается, ничего толком не понимает в этой жизни — очередь-то, выходит, вовсе не такая, как он о ней думал недавно. Не серая, нудная и тупая. Она, оказывается, только к виду такая, а на самом деле сама себе давно надоела со своим упокойничким нытьем и только ждала, когда можно будет ожить и обрушить на кого-то свою застоявшуюся доброту и заботливость. Дошло-дохало...

А кто-то уже, развивая инициативу дальше, тянул к Юрке глазированный сырок и требовал:

— Возьми! Старому человеку полезно! Ему, небось, не досталось, а я последний схватил.

— Да что вы, товарищи! Спасибо! Ну куда мне все это! — отбивался старик от этих же самых глазированных сырков, которые ему и другие совали прямо в руки.

Юрка решил, чтоб никому не было обидно, положить покупки в свой старый полиэтиленовый пакет, а дедулю быстренько сориентировал:

— Чего вы в очередь становитесь? Идите прямо в кассу. Вас пропустят.

— Пропустим! Пропустим! О чем разговор! Идите! Идите! — разволновалась очередь от радости, что ей предоставили возможность совершить еще один добрый поступок.

Но дедуля оказался упрям. Он кивал, благодарно улыбался, но ни с места, а ему, Юрке, сказал:

— Постою.

— Ну зачем? Все же согласны! — настаивал Юрка. Он все еще был на подъеме, его душа летела, он продолжал чувствовать в себе большую, разумную силу, которая способна и дальше вдохновлять, увлекать за собой и целые массы и отдельных ее представителей на важные, справедливые дела. Дед разозлил его своей отъявленной бестолковостью. «Он думает, на него смотреть одно удовольствие! А на что тут смотреть? Тошнит!» — ругался про себя Юрка. — Смех! От пакета с яйцами, бутылки молока и глазированного сырка завалился на бок, скобочился! Во хилля, а туда же, «как все»!

Дед как будто что-то сообразил насчет Юркиного потайного неудовольствия, поманил его пальцем, а когда Юрка принаклонился, сообщил заговорщически:

— Я еще ничего. Ноги держат. Мужик. Есть и хуже. Зачем в убогие записываться?

Почти так ответил, как его личный дед Константин из Брянска. И вот тут-то Юрка обнаружил внезапно, почему он неослабно искал старичка-хилычка, а ведь искал, искал: хотелось проверить, опробовать, сколько очков вперед даст ему его личный брянский дедуля, тот еще упрямец. Оказалось, друг друга стоят. Материн отец тоже стар беспробудно, и тоже к нему не подступись — что задумает, то и выполнит. Когда приезжает в гости — сразу же, только чемодан на пол, хватать сумку, рвется в магазин. Мать, конечно, против, но это роли не играет, он уже взялся за дверную ручку и совестит ее: «Я вроде еще не умер, нет? Значит, могу быть полезным». «Ты хоть в очереди не стой!» — просит мать. «Постою. Милостыню выпрашивать не приучен». «Какая милостыня? Что придумаешь?» — кипятится мать. — У тебя все права, нога обгорела, и вообще!» «Кроме всяких прав, есть, Катерина, хорошее русское слово — совесть. Забыла? А ногу мою не позорь. Толковая нога, держит меня как надо. Умница!» — И подружески хлопал по колену своей негибающей, в танке горевшей ноге.

Одним словом, старик, а вместе с ним и Юрка достоялись до кассы на общих основаниях, и хорошо еще, что хилычок сообразил заранее выгащить трешку из нагрудного кармана. Целая эпопея была, как он ее нащупывал, а потом пробовал ухватить двумя пальцами. Копался, копался... С одиннадцатой попытки удалось. Наблюдая, Юрка пуговину крутил, крутил на куртке, и оторвал, и понял — от старика ему теперь не отделаться, куда его, не бросать же, рассыплется, придется довести до дома, где он там обитает. Сказал сурово, так вышло:

— Вы возьмите меня под руку, я вас с крыльца сведу, здесь крыльцо высокое и без перил.

А очередь-то, оказывается, все еще не выпускала их из виду, хотя от нее почти ничего не осталось — рассыпалась по магазину, укладывала покупки в сумки-сетки на упаковочных столах. И как будто ждала сигнала хоть кем-то быть полезной для них. Они — к двери, а кто-то уже кинулся открывать ее перед ними, кто-то обе половинки стеклянные, но тугие, развел в стороны и удерживал

руками-ногами. И он, Юрка, опять чувствовал, что летит, летит все выше и выше и становится совсем недосыгаем для всего будничного, постылого, в том числе и криков «остолоп, лоботряс, эгоист, весь в отца!»

— Ты человек, человек! — говорил старик, любовно заглядывая ему в лицо, впрочем, не забывая усиленно шаркать тапками, видно, для того, чтоб он, Юрка, не терял перспективу, верил, что скоро избавится от обузы. А Юрка мечтал, ощущая на своей спине провожающие, родственные взгляды представителей прежней очереди: «Если б Маринка слышала и видела!»

Но этого ему вдруг показалось мало. «Подумаешь», — поспешил разочаровать себя, — какой-то старикашка. Может, он всю жизнь просидел где-нибудь на стуле, в теплом углу, а я тут с ним... И никогда не воевал. И прав у него на особое отношение никаких». Очень, очень не хотелось обесценивать момент и свои усилия, но и правду хотелось знать. Потому спросил в лоб:

— А вы воевали?

— А как же! — поразился старик его тупости.

— И награды есть? — не отступал, чтоб уж все в точности, досконально.

— А как же!

— Какие?

Теперь он очень надеялся, что этот случайный старик назовет не так уж много наград, во всяком случае, у него их окажется меньше, чем у брянского дедули, и не таких серьезных. Очень, очень хотелось, чтоб дедуля Константин победил: все-таки родной...

Однако чужой старик не пошел на уступки и как только сказал, что имеет два ордена Красной Звезды, два Великой Отечественной войны, Юрка понял: в этом негласном соревновании его личный дед вынужден довольствоваться вторым местом.

— Еще имею польский крест, — все перечислял старик.

— А почему не носите? — удивился Юрка.

— Я же без пиджака. А они на пиджаке, — объяснил совсем просто. — Если интересуйтесь, покажу.

Они вошли в подъезд соседнего с «Молочным» дома, поднялись в лифте, старик кое-как нащупал плоским ключом замочную скважину, пропустил его, Юрку, вперед. И первое, что увидел Юрка в прихожей, был черный, распытый на вешалке пиджак, сверкающий орденами и медалями побед грозно и недосыгаемо.

— А вот этот орден за что? — промямлил Юрка потерянно.

— Командира убило. Рота сидит. В окопах. Я говорю: чего сидеть-то, пошли, ребята, вперед! Штык наперевес, «ура», перескочил бруствер первым, а они за мной, погнались немца как надо.

— А сколько вы воевали?

— От звонка до звонка.

— И ни разу не ранило?

— Да как же! — развеселился старик. — За всю войну-то? Было! В живот. Метр кишок врачи выбросили собакам. Потом в грудь попало, раздробило пятый позвонок. Ноги было отнялись, мешок мешком лежу. Ничего! Сам же из-под трупов кое-как выполз. Говорят: «Еще согдится. Живой мужик до страсти». Так и вышло, выправился, опять «Вперед, хлопцы!»

Он, Юрка, видно, заморочил ему голову так, что старик все еще зачем-то держал пакет с продуктами в руке. Но другую руку вдруг протянул ему:

— Спасибо тебе! Не зря я дочку не послушал, встал и сходил в магазин. С каким парнем знакомство свел! С такими только в атаку ходить, выскочки брать! — и неожиданно так стиснул его руку, что у Юрки отрезало дыхание и сердце больно ухнуло куда-то, а когда вернулось на свое место, застучало со страшной силой, и больше никак было нельзя стоять на месте, а надо было бежать, нестись, брат барьер за барьером и кричать, кричать...

Выскочил на улицу, прямо в ослепительное солнце, в пестрый, звонкий птичий щебет и в самом деле едва не завалился от радости, оттого, что все вокруг так необыкновенно ярко, живо, прекрасно и он как раз посреди этой преданной ему, чистосердечной красоты. Не утерпел, свистнул пронзительно, спугнул воробьев, вспорхнувших с молоденькой липки в таком количестве, с таким шумом, что на миг показалось, что само дерево взлетело, и помчался вперед, только вперед, кое-как убергая сумку с продуктами от лирических встрясок. Возле лужи, прикидывая, с какой стороны ее лучше перемахнуть, и задом пятясь для разбега, толкнул кого-то. Оглянулся — Маринка. Нисколько не удивился: слышком много сегодня случилось с ним удивительного, как-то даже попривык. У Маринки тоже продуктовая сумка, а одна рука забинтована — одни кончики пальцев торчат. Как у его матери. Вот дуреха. Тоже, небось, обожглась. Стоит у лужи в белых босоножках, переминается, явно боится — вдруг прыгнет и обрызгается. А это ей никак нельзя — вся в белом, новом — и кофточка белая новая и юбка. Одни глаза старые — синие-синие, синее не бывает. И такие по-старому холодные, спесивые, не подступись. И в другое бы время он бы еще подумал, а стоит ли связываться, сбился бы, оробел, пожалуй. Но только не сегодня. Сегодня ему все было нипочем, неосуществленный воинственный крик все еще стоял в горле, торопил действовать, вершить. Поставил свою сумку в траву, бросился к Маринке, подхватил и пошлепал по луже, слегка приседая от тяжести, потому что хоть она и тонкая-звонкая, и гибкая, и все такое, а вес все же имеется, одних рыжих волос сколько, плюс веснушки, плюс сумка с едой. Он нес ее вслепую и не дышал: все лицо облепили эти самые бестолковые, жаркие волосы — и прислушивался, как его новые кеды радостно, беззаботно вчавкивают грязную воду. Поставил на сухое, вернулся за своей сумкой и понесся, не оглядываясь, прочь, пока эта малопонятная Маринка не очнулась и не успела сказать чего-нибудь необязательное, скучное, вообразившееся.

И она действительно закричала ему вслед:

— Эй! Ты! Юрка! Ты куда? Ты чего?

И в ее голосе он, к своему удивлению, уловил растерянность и жалость оттого, что не задержался, заспешил, уходит. Впервые за все время, что он знал ее, Маринка пусть слегка, но затосковала по нем. Не обернулся, только махнул рукой, решил, немножко бессердечно торжествуя и не очень-то, однако, доверяясь своему торжеству: «И правильно. А как еще? Когда ты уходишь — о тебе должны жалеть, очень жалеть. Иначе зачем и что же ты такое?»

Он влетел в квартиру и крикнул так, словно принес победную весть:

— Сметана! Молоко!

Ему никто не ответил. Он прислушался: где все? В спальне разговаривали. Заглянул.

— Уходишь? Уходи, уходи, можешь вообще уходить. Можешь разменять квартиру, я согласна, но только не как квартирант — пришел, ушел, — быстро, беспомощно приказывала мать. — Одеваешься? Очень хорошо. Чем скорее

уйдешь, и чтоб совсем, тем лучше... Понял? Собирайся, собирайся! Никто, абсолютно никто тебя не держит.

— Это уж мое дело, — угрюмо отзывается отец, щелкая только что натянутыми на плечи подтяжками, словно бы опробовал их на отдачу, словно бы это было оружие, которое он собирался пустить в ход. — Ты мне не диктуй. Обойдусь. Куда хочу, туда иду. Запретить мне возвращаться ты тоже не имеешь права, пока что это и моя квартира.

— Но неужели ты не понимаешь! Я не могу так жить! — тонким, совсем детским голосом закричала мать, ударила себя по груди обваренной рукой, а когда у нее потекли слезы, этой же рукой, бинтом стала часто-часто промокать глаза.

— Ну завела! Поесть не даст спокойно! — обрубил отец, схватил с тумбочки сигареты, зажигалку и, большой, тяжелый, парадно пахнущий одеколоном, оттер от двери ее худую фигуру, кое-как, неряшливо заверченную в халат, прошел мимо него, Юрки, в кухню.

Мать прижала забинтованную руку к груди, обняла ее другой рукой и закачалась на месте, словно баюкая, тупо глядя в стену, где висела маленькая картинка — чайка, утес, солнце — все соломенное. Около матери озорно прыгал котенок Сенька, ее недавняя уличная находка, пытался вцепиться лапой в болтающийся конец пояса, то и дело шлепался на спину, но опять шел на приступ. В открытое окно слышно было, как возится с мячом мальшья, вопит то и дело с упоением: «Гол! Гол! Опять гол!»

Юрка осторожно, без скрипа прикрыл дверь спальни, ткнул сумку с продуктами на стул в прихожей, зачем-то крепко вытер ладонь о ладонь, сказал себе вразумительно: «Спокойно. Без нервов. С чувством уважения к сопернику», — и пошел в кухню.

Там, впереди, отец громоздился в полный рост особенно вынятно, неуступчиво и словно бы сдерживал широкими плечами напор навесного холодильника и прочей мебели, до крайности обузившей и без того неразгонистое пустое пространство. Он уже успел организовать себе бутерброд с маслом и сыром и бестрепетной рукой лил в чашку заварку.

— Вот что, — сказал Юрка, захлопывая за собой дверь. — Я вот о чем... Я давно хотел. Я, конечно, понимаю...

Дверная ручка врезалась в крестец все больше и больше — это он все пуще робел и отступал, отступал. Но голос хоть и пресекался то и дело, словно бы цепляясь за какой-то там ржавый гвоздь внутри, в горле, но совсем не исчезал, вязал слово к слову, наворачивал, рвался вперед и вперед:

— Я в том смысле, что... да, вот именно... сколько ж ты еще собираешься жить так?

— Как то есть? Ты о чем? — зло, напористо отозвался отец, врубая одну черную, грозовую бровь в другую. Но по тому, как он неловко, спотыкнувшись брякнул о стол чайником для заварки, как вдруг сжал безвинный бутерброд в кулаке, Юрка понял, что атаковал удачно, врасплох и, во всяком случае, первая линия обороны противника смята.

— Ты мужик? Мужик! — пер вперед, развивая успех. — А мать? Разные весовые категории. Котенку ясно. Есть еще такое хорошее русское слово «совесть». Решай... Думай...

— И это все, что ты хотел мне сказать? — Отец попробовал нащуриться на Юрку усмешливо-снисходительно, но в глазах его не было положенной для такого варианта устойчивости, а его губы выламывались в улыбку и так и сая, но все без толку, не получалось дополнительного, намеченного пресовождения. С недоумением, как на что-то вовсе непонятно откуда взявшееся, уставился на свою руку, на зажатый в ней бесформенный ком того, что недавно было мастерски изготовленным бутербродом, поощрил рассеянню:

— Молодец, Юрий, молодец... — Ввернул не без язвительности: — Что... сам от себя лично или мать послала?

— От лица всего прогрессивного человечества, которое за мир! — шарахнул в полный голос и поджался, сел на корточки, ударил кулаком по коленям. — Зачем ты так? Ничего тут смешного нет! Все по-другому. Я хочу тебя уважать. И не могу. Понимаешь? Хочу, хочу — и нету! Вот. Ясно? Никак.

— Не ори. Чего ты орешь? — тихо сказал отец и принял сосредоточенно вытирать грязную руку полотенцем. Потом, забывшись, так же тщательно, не жалея усилий, тер чистую. С улицы рыкнули напористо и нетерпеливо:

— Юр-рк! Юр-рка! Выходи! Эй!

Зюзя. Клеился, подкупал, втягивал в красивую жизнь, как он ее понимает: распить бутылочку, а может, и две, послушать Кикю, как там, в местах не столь отдаленных, можно славенько пожить, какие там, оказывается, обитают честные «воры в законе», рыцари духа, цвет наши. Разинь рот и иди, куда ведут, всех и делов-то...

Высунулся наружу, крикнул:

— Не выйду! Гуляй! Ясно?

— Юр! А Юр! Юрка! Ты чего? — канючил сбивтый с толку, раздосадованный Зюзя. — Мы тут! Мы все! С нипелем! Новенький! Мне мать кушила!

Высунулся еще раз:

— Отвяжись! Сказал, не выйду! Все! Гуляй, говорю! Дошло-доехало?

— А ты, оказывается, злой, — вяло поделился отец своим открытием и зачем-то опять взял в руку ком бутерброда и повернул так, сая, откусил, пожевал. На его губах, растянутых в одну сторону, торчала пустая, выделанная, никому не нужная полуулыбка, а его плечи обвисли, напрочь утратив недавнюю геометрическую четкость линий. Он поднял свободную руку к потолку, щелкнул по пыльному абажуру. На пол упала засохшая муха, Юркино сердце оцепенело и вдруг внезапно толчком жалости кинулось вперед.

— Пап! — позвал он горячо и беспомощно. — Пап, пап! Ты подумай, подумай, пап!

Но жалеть отца оказалось так сладко и так страшно, совсем не по правилам и так совсем ни к чему, что Юрка твердил уже бестолково, потерянно, не в силах остановиться:

— Пап! Пап! Пап!

Отец посмотрел на него долгим, припоминающим взглядом, пообещал устало:

— Подумаю. Да. Вот именно.

Качнул рукой Юркино плечо куда-то туда-сюда, стиснул, словно проверяя на прочность, пробормотал, не глядя, подняв глаза к потолку:

— Сын... Сын... Да, вот так... Надо б... да...

— Надо! Надо! — Юрка истово кивнул, но тотчас замер в страхе, как бы не спугнуть со своего плеча теплую, властную отцовскую руку. «Дошло-доехало! Все! Мир!» — торопился он верить.

Рассказы о современной армии

Ян ВЛАДИН.

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
Специальные корреспонденты
«Смены»

Совещание было непродолжительным: доклад — решение, доклад — решение. Подводя итоги, полковник встал, посмотрел на разложенный перед ним лист ватмана, испещренный зубчатыми черными дугами, обозначающими рубежи обороны условного противника.

— Мы хотим вывести наши основные огневые средства на линию атаки в самый последний момент. И внезапным залпом накрыть батареи «противника»... Именно внезапным, — сделал ударение на последней фразе полковник. После небольшой паузы он добавил: — До начала активного наступления дивизион будет находиться на хорошо замаскированных позициях довольно далеко от рубежа открытия огня...

Не прерывавший полковника до этого генерал-лейтенант в полевой форме встал из-за стола, прошелся вдоль обитой пластиком стены передвижного командного пункта, повернулся и посмотрел на полковника.

— Но вы рискуете тем, что этот дивизион по ряду причин может не оказаться в нужное время на огневых позициях. Не слишком ли велик риск, товарищ полковник?

— Я знаю этот дивизион, товарищ генерал-лейтенант. Знаю его командира майора Иванова. Он сделает все, как надо.

— Иванова, говорите. Ладно, посмотрим. В конце концов учения проводятся для того, чтобы учиться...

...Свернув с шоссе, мы долго крутились опушками березовых рощ, пару раз переезжали неглубокие ручьи, прежде чем добрались до ориентира — старой деревянной пожарной вышки. Дальше дорогу загораживал рукодельный шлагбаум, вытесанный из ели. Уже пешком добрались до командирской палатки.

Мы увидели офицера с седым ежиком волос, сидевшего за походным алюминиевым столом в окружении сержантов. Он встал, улыбнулся:

— Извините. Провожу занятия с командирами расчетов. Скоро закончиваю.

Майор был молод, широкоплеч, спортивному ладен. Только вот седина... Впрочем, он военный человек, а у военных людей не принято спрашивать, почему они седеют до времени.

Дождавшись, когда Иванов освободится, мы пошли с ним вдоль просеки к машинам.

— Идея огневого налета с марша не нова, — рассуждал Иванов, — вспомните

тактику «катюш» в годы Великой Отечественной. Их появление на том или ином участке фронта было для врага, как правило, внезапным. Они вступали в бой прямо с марша, не дав противнику принять меры предосторожности. Кстати, наш дивизион гвардейский и ведет свою родословную от 31 декабря 1942 года. Его боевому пути может позавидовать любая часть, сами судите — Серпухов, Харьков, Киев, Житомир, Львов, Перемышль, Сандомир, Берлин, Прага.

Боевые возможности современной реактивной артиллерии несопоставимо выше возможностей их предков — гвардейских минометов, легендарных «катюш». Но принцип действия, тактика та же — скрытный марш и внезапный сокрушительный удар. Правда, тот же марш бывает разным по трудности и протяженности. На этот раз дивизиону предстояло пройти едва ли не максимально реальное расстояние по сильно пересеченной местности.

Боевые машины, обтянутые масксетями, стояли, прижавшись платформами к густым ореховым зарослям. Рассмотреть с просеки, и то не сразу, можно было лишь обычный для всех грузовиков передок с зарешеченными фарами.

Машины стояли аккуратно, загнанные под кустарник сразу, без доворотов. Это было понятно по не примятой вдоль колеи, уже выцветшей, порыжелой траве. От леса, тихого и какого-то сонного, веяло сырым валежником и жухлыми листьями. Мирная, почти идиллическая картина. Если не думать о том, что здесь до поры до времени укрыты десятки боевых установок, огневая мощь которых поистине огромна.

Иванову надо в штаб, а мы остаемся возле одной из боевых установок и знакомимся с расчетом гвардии младшего сержанта Маулита Закарова. Расчет — один из лучших в дивизионе, второй год носит звание отличного. Интересен он и тем, что собрались в нем представители разных национальностей. Командир — осетин, наводчик Сергей Дурицкий — украинец, водитель Сергей Фадеев — русский, заряжающий Аннамухаммед Митиев — из Туркмении. Бойцы прекрасно сработались друг с другом и крепко сдружились. Однажды приезжал к Маулиту отец, проведать, как тому служит. Привез персики, яблоки, сыр. Еле все дотащил. Маулит спросил: «Зачем мучился, отец, столько вез?» Тот ответил: «Ты писал, что живете здесь как братья. Так чтобы всех угостить хватило. Ведь я правильно сделал, сын?» «Правильно, отец».

...Они сняли чехол с сорокаствольного пакета и взяли за дело. Дурицкий протирал прицельные приборы. Фадеев копался в двигателе. В этом не было особой нужды, техника их находилась в полном порядке. Но Маулит сказал: «Лишний раз убедиться в надежности своего оружия не мешает». И все, сог-

ОГНЕННЫЙ

ласно кивнув, занялись профилактикой. Я не часто видел, чтобы люди обращались с техникой, в том числе и собственной, с такой поистине хозяйской бережностью. Сказал об этом ребятам. Они вдруг посерьезнели.

— У меня отец фермой заведует, — подумав, отозвался Маулит. — Знаете, сколько труда надо положить, чтобы откормить одного бычка? И стоит он немало. Но даже наш один снаряд все равно стоит дороже. А если будет техника не в порядке — снаряды пойдут мимо цели. Труд, добро народное на ветер пустим, значит. Нет уж, лучше не допускать, а дело свое солдатское честно сделать. На то мы и служим.

Смотрю на Маулита и думаю: «Нет, не экономический и не просто хозяйский расчет движет этими ребятами. Высокая, глубоко осознанная ответственность за свою солдатскую работу, за конечный итог ее, вот, пожалуй, в чем дело».

Я не раз видел в музеях и на перекрестках бывших военных дорог ставшие теперь уже памятниками боевой исто-

рии гвардейские минометы БМ-13 и БМ-8. Вблизи они выглядели не столь устрашающими, как на лентах фронтовой кинохроники, где сняты «катюши» в момент залпа. Грузовой «ГАЗ», пакет с направляющими стволами, простое прицельное приспособление, стопоры.

Нынешнее поколение боевых реактивных установок, конечно же, выглядит солиднее по всем параметрам. Стволы приводятся в движение мощными генераторами, у установки более совершенные прицельные устройства, снабженные механизмом поперечного качания. Управление стрельбой может вестись как дистанционно, так и из кабины. Разрушающая мощь реактивных, почти трехметровой длины снарядов, конечно, тоже повысилась. Но нельзя не вспомнить еще раз добрым словом все те же «катюши». Ведь с них началась реактивная артиллерия. И как бы далеко ни шагнула она в техническом отношении потом, честь и слава первым гвардейским минометам. Их создателям и расчетам.

Мы говорим об этом с Ивановым до

втягиваются в неглубокую ложину. Впереди по гребню холма чернеет старый лес. Машины широким веером расходятся по дну ложины. Это и есть позиция. Где-то там, впереди, за гребнем—рубеж обороны условного противника. Иванов докладывает по радиации в штаб учений о том, что дивизион прибыл на место. И тут же связывается с артиллерийской разведкой, высланной им заранее для того, чтобы засечь огневые точки «противника». А пока расчехляются боевые установки, выставляются стопоры, подключаются и проверяются цепи стрельбы. Залп будет произведен дистанционно с выносных панелей управления. Но вот есть целеуказания. Разведка даром времени не теряла.

Дурицкий доводит ручным приводом направляющие, устанавливая их в боевое положение. Считает разность основной и запасной точек наводки, поправки на ветер, на плотность воздуха, опять доворачивает прицел. Сверяется со шкалой. Маулит поднимает флажок: «Все в укрытие» — и докладывает командиру батареи готовности к стрельбе. Расчет Закароева вновь сработал быстрее других.

Мы лежим за поросшим молодым ивняком бугром, настороженно прислушиваясь к рокоту моторов БМП за нашей спиной. Рокот все нарастает; сначала тихо, потом все ошутимее подрагивает сухой придорожный вереск. Головные машины выезжают на гребень холма.

— «Искры», время! — слышится команда в наушниках Иванова. Майор поднимает руку.

Горячая тугая волна бьет в лицо, уши разламываются от рева вырывающихся из стволов снарядов. Они уходят огненными стрелами за лес, и тут же вслед им несутся еще и еще. Горит сухая трава под машинами, из-за леса оранжево полыхают зарницы далеких взрывов. Я не слышал боевого голоса тех, первых «катиш». Но голос их реактивных потомков, неистовый, проникающий в каждую пору твоего тела, уже сам по себе, казалось, способен наводить страх.

Залп реактивной артиллерии быстротечен. Тишина наступила внезапно. С НП доложили, что цели уничтожены. Все до одной. Спустя считанные минуты дивизион снялся с позиций и пошел вперед, следом за наступающими подразделениями.

Уже позже с Ивановым проезжали по еще дымящейся земле, на которую утром обрушился огненный смерч реактивной артиллерии. Кое-где догорали блиндажи и старая списанная техника. Подумалось, да, мы пока вынуждены выжигать землю военных полигонов, чтобы учиться отвечать ударом на возможный удар. О том, что он возможен, нам не устают напоминать за океаном. Поэтому надо учиться наносить ответный удар. Он должен быть точным и сокрушительным.

«ЕСТЬ ГОТОВНОСТЬ...»

СПАСИБО ПОВАРУ.

за собой в голубой сини белые вышитые строки. Наша колонна обязана прибыть на свои огневые позиции, отмеченные на карте Иванова перекрестиями, чуть раньше, чем второй эшелон наступающих подразделений. Точным залпом дивизион реактивной артиллерии должен, поразив мишени, проложить путь мотострелкам.

Спустя полчаса боевые установки

ДИВИЗИОН

позднего вечера, вспоминаем все, что знаем о подвигах минометчиков в годы войны. Наверное, разговоры эти навеяны предстоящим завтра «боем», в котором гвардейскому дивизиону реактивной артиллерии отведена одна из решающих ролей.

Утром идем к ручью, умываемся ледяной, мгновенно прогоняющей остатки сна водой. Иванов бреется по старинке лезвием, поглядывает на часы. До расчетного времени выхода дивизиона с позиций еще двадцать пять минут. Этого хватает и на чай и на последний перед маршем инструктаж водителей. Вчера в палатке Иванов еще раз уточнил с командирами батареи маршрут. Кроме обычной карты, штаб дивизиона располагал подробной аэрофотосъемкой местности, по которой предстоит двигаться.

Ну, все. Иванов встает, одергивает гимнастерку, набрасывает ремень полевой фуражки на подбородок. Водители бегут к своим установкам. Спустя минуту по общему сигналу машины вырываются на просеку и, соблюдая интервал,

длинной зеленой колонной движутся к опушке леса. Иванов едет в кабине головного «Урала», он ведет колонну, определяя не столько маршрут (с ним все ясно), сколько маневр, скорость, способ преодоления техникой особенно опасных участков.

А таких встретилось в пути немало. Помню, к примеру, ветхий мост через старую мельничную запруду. Казалось, он рассыплется, едва на него выедет первая же машина. Но мост был испытан накануне и укреплен саперами. И хоть скрипел и прогибался, но держал технику. Шли мы и по подсохшему, но все еще изрядно заболоченному осиннику. Дважды на коротком отрезке Иванов останавливал колонну, посылал саперов вперед с заранее заготовленными гатями. Ими быстро выстилали топкие участки, и машины беспрепятственно преодолевали болото.

Где-то впереди уже шел «бой», сходились в огневом поединке танковые подразделения, гремели артиллерийские батареи, чертили небо сверхзвуковые истребители — перехватчики, оставляя

...а кто-то Находим

Жизнь
семьи

«Все счастливые семьи счастливы одинаково». Позволим себе не согласиться с этим утверждением классика. Все счастливые семьи счастливы все-таки по-разному. Это лишний раз доказывают и многочисленные читательские отклики на опубликованный в «Смене» № 4 очерк Валерия Храпова «Семейное счастье». Как не растерять в сутолоке будней то главное, что связывает двух любящих? Каковы слагаемые гармонии взаимоотношений супругов в молодой семье? Публикуемые письма не дают прямых ответов на эти вопросы — читатели просто рассказывают о себе, делятся сокровенным. Но и из них каждый при желании может извлечь для себя крупицы полезного, ценного, что дается человеку с возрастом, с опытом, с ошибками прошлого.

И БЕДА НЕ СТРАШНА

Здравствуй, «Смена»!

Прочли очерк «Семейное счастье», и захотелось поделиться с вами. Правда, стаж нашего семейного счастья не так велик — всего пять лет. Были и у нас невзгоды и ссоры, но это мелочи, главное, мы сумели сохранить чувство друг к другу.

Конечно, нам, можно сказать, повезло: спустя месяц после свадьбы мы уже получили однокомнатную квартиру. Пусть была она без удобств, но для нас переезд и в такую стал праздником. Вдвоем с мужем сами ее благоустроили: ломали печки, проводили отопление, красили полы, оклеивали стены. В армии Юра овладел специальностью слесаря-сантехника, это умение очень ему пригодилось. У него вообще руки золотые, он все умеет делать.

Поначалу, конечно, не все в наших взаимоотношениях было гладко. Но вот родилась дочь Оксана, и сразу многое в семье перевернулось. Известно, что большинству молодоженов, как правило, помогают родители. А мы такой помощи не ждали. Приехали с дочерью из роддома, а я не знаю, как ее пеленать. Нужно ребенка купать, а я боюсь — такое у дочки тельце маленькое и нежное. Муж смеется: «Не бойся, котенка купаем — значит, и дочку сможем». От Юриной улыбки у меня весь страх прошел. Нам повезло: дочь росла почти не болея, мы и не заметили, как ей исполнилось два годика. И тогда на семейном совете решили, что Оксане нужен братик. С нетерпением ждали сына, а родилась девочка, назвали ее Светланой. Я даже всплакнула в роддоме — хотели-то мальчика. А Юра — как я ему благодарна! — такую ласковую записку в палату мне передал, что сразу на душе легче стало. А написал он вот что: «Поздравляю тебя, родная. Не расстраивайся, ведь ты знаешь, что я неравнодушен к женскому полу. Очень рад, что у нас еще одна дочка». И сейчас Юра никогда не напоминает, что мечтал он о сыне, только шутит о своем неравнодушии к женскому полу. Он очень всех нас любит, и мы его, конечно, тоже. Любовь и помогает нам пережить трудные дни.

Свете был всего месяц, когда сгорел наш дом чуть ли не со всем имуществом. Хорошо еще, что это случилось летом, до наступления зимы мы успели кое-как оправиться от несчастья. Чтобы залатать дыры в семейном бюджете, Юра устроился на работу по совместительству. Ведь я-то нянчилась с ребенком, на работу пошла, когда младшей дочери было уже семь месяцев. Старшая в ясли ходила, а вот с младшей было сложнее. Работали мы с мужем по скользящему графику — это и выручало: он со смены домой, а я на смену. А как только дочке год исполнился, мы ее тоже в ясли отдали. Вот тут нам сразу стало легче.

Квартиру после пожара нам отремонтировали, так мы в ней и живем, хотя и мечтаем о жилище более просторном. Не подумайте, что я жалуюсь, живу ведь и в худших условиях. Только вот мечтают наши дочки о братике, а у нас в комнате и кровать еще

одну некуда поставить. А вообще-то трудностей бояться не надо, трудности любовь закаляют. А нам с мужем можно только позавидовать: и дети, и любовь, и счастье — все это у нас есть.

Галина ПАНЬШИНА,
г. Горький

СВЕТ НЕ ТОЛЬКО РОЗОВЫЙ

Уважаемая «Смена»!

Счастливыми хотят быть все. Не все, однако, отчетливо представляют счастье конкретно. И частенько человек, столкнувшись с первой же трудностью, мешающей исполнению каких-то личных планов, теряется, не выдерживает мало-мальски серьезных испытаний. Это беда многих, особенно вступающих в брак людей. Больше половины молодых семей понятия не имеют, как построить семейный бюджет, не знают, уживутся ли с родителями или нет, не говоря уже о такой «мелочи», как практически полное невежество в области полового воспитания. Стоит ли после этого удивляться большому количеству разводов?

Молодые люди приходят в загс, пишут заявление. Законом предусмотрен определенный срок, его дают для того, чтобы подумать. Почему бы на этот срок не спланировать цикл бесед с желающими вступить в брак? Уверю, польза будет огромная. Вот один пример, рассказанный знакомой работницей загса. Пришли подавать заявление молодые, обоим она хорошо знала. Других посетителей не было, и она, приняв заявление, разговорилась с кандидатами в супруги. Выяснились удивительные вещи. Молодые люди ни разу не удосужились поговорить между собой о том, какой они хотя бы представляют будущую жизнь. Оказалось, что будущий супруг не собирается в ближайшие три-четыре года обзаводиться детьми — мечтает продолжить образование. «Если детей не будет, много ли нам двоим нужно? Родители помогут!» — вот ход его рассуждений. Мало того, оба, как оказалось, не хотят жить с родителями будущего супруга категорически, но даже об этом всерьез не говорили. В данном случае брак не состоялся, но что бы было, если бы не этот случайный разговор в загсе? Нетрудно представить себе последствия.

Продолжим разговор о семейном счастье. Многие, наверное, заметили такую особенность: как правило, из всех публикаций о молодых семьях напрашивается один вывод — количество детей в семье прямо пропорционально количеству счастья в этих семьях. Я, конечно, утрирую, но статей, призывающих иметь детей поменьше, я что-то не припомню. Экономисты, демографы, педагоги, оперируя расчетами, настойчиво доказывают, что оптимальный состав семьи — пять человек, то есть родители и трое детей. Двое еще туда-сюда, а один — это совсем уж плохо. И складывается впечатление, что большая семья — действительно синоним счастливой семьи. А если и есть трудности, то это, мол, ничего, их можно легко преодолеть, а раз легко преодолеть, то и... вроде их и нет.

А теперь представлюсь. 35 лет, женат, отец троих детей, старшему 14 лет, дочкам 9 и 5. Крепкая, дружная семья, это без преувеличения. Хорошие дети, здоровые, веселые, а главное — добрые и отзывчивые. Счастливы ли я? Могу ответить однозначно: если говорить только о семье, то безусловно — дети здоровы, с женой у нас редкое взаимопонимание, чего же еще надо?

Так вот, я сейчас говорю о семьях, подобных нашей. Склонных к самостоятельности, с небольшим бюджетом. Вот таким людям я бы хотел сказать: подумайте, под силу ли вам ради детей отказаться от очень многих радостей? Размер трудностей многие склонны преуменьшать.

Вот примеры из личной жизни. На одной площадке с нами живет семья нашего возраста. У нас почти одинаковые зарплаты, образование, круг интересов. Но у них один ребенок. Сразу скажу, что это хорошие, добрые люди, прекрасные работники. Сравнимы ли наши судьбы? Ни в коем случае. Судите сами.

Они отправлялись всей семьей к теплому морю, а

мы катали по двору коляску с новорожденной дочерью. Они уходили в турпоход, а я стирал пеленки и мотался по городу до молочной кухни и назад (ежедневно). Они покупали цветной телевизор, а я ломал голову, как выкроить денег на покупку велосипеда сыну. Они вместе шли в кино, а я обивал пороги различных инстанций, выпрашивая место в детском саду. Кто же из нас жил более наполненной жизнью? Только очень наивный человек может сказать, что я. И сын их не вырос капризным эгоистом, вполне нормальный, добрый ребенок.

Поймите меня правильно. Вещи, они что, ерунда. В сторублевых джинсах я не стану умнее, чем в отечественных за 15 рублей. И по черно-белому телевизору идут те же передачи, что и по цветному. Но вот быть вечным просителем — это самое тяжелое. А просить приходится. Место в детском саду, квартиру побольше. Смеем вас заверить — никто не бегал за мной и не говорил: «Слушай, ведь у тебя трое детей, переезжай в трехкомнатную квартиру!» А просителем быть — очень мало радости.

Я перечислил далеко не все жертвы, которые приходится приносить ради детей. Приведу еще одну историю. У нас на работе решался вопрос, кого направить на стажировку в Москву. По ряду причин я был уверен, что отправят меня. Но поехал другой человек. А мне директор потом сказал: «Понимаешь, не решились тебя отправить, ведь у тебя трое детей как-никак». Вот и получается, что продвигаться по службе многодетным тоже сложнее. О женщинах я даже и не говорю. Кстати, работу, которую я очень любил и отдал ей 10 лет жизни, пришлось оставить. Никогда жена не упрекала меня невысокой зарплатой, но и самому было неудобно, словно неполноценный какой-то. Сейчас работаю в другом месте, получаю на сто рублей больше, чем раньше, а кому какое дело, что работаю без души?

Это все можно воспринять как жалобы неудачника, сломленного семейными заботами, но, поверьте, это не так. Если существует в счастье разделение на «семейное» и еще какое-то (в чем я сильно сомневаюсь), то я счастлив, конечно. Особенно в последние годы, когда дети подросли. Моя жена — лучшая женщина на свете, это без преувеличения. Я рад, что у меня хватило сил вытянуть все трудности и при этом не потерять присутствия духа и (надеюсь) чувства юмора, но стоит ли кому-то повторять мой путь? Ведь мечты сбылись только наполовину. Вернее, на три четверти.

Так стоит ли покупать семейное счастье такой ценой? В этом я не уверен.

С уважением Б. А.,
Абакан

НАДОЕЛО ОПРАВДЫВАТЬСЯ

Давно выписываю ваш журнал, прочитала очерк «Семейное счастье» и не могу не откликнуться. Мы поженились с мужем, когда мне было 19 лет, а ему 23. С тех пор прошло десять лет, у нас растут две дочки, все вроде бы хорошо, но... Это «но» — его ревность. Бывает так обидно, что и слов не найдешь. Чуть задержалась на работе, сразу вопрос, где была. Надуется и будет молчать. Объяснения бесполезны. Если мы с ним в гостях, не дай бог мне с кем-нибудь пойти потанцевать. Я не могу остаться на работе, когда коллектив отмечает какой-нибудь праздник. Если останусь, уже знаю, что муж, который постоянно говорит, что любит меня, таких грязных слов наговорит, что диву даешься, откуда он их берет. Он считает, что жена не имеет права нигде бывать без мужа, сам же, по его убеждению, может, поскольку он мужчина. Например, зайти в бар пиво попить, к другу отправиться на целый день (будто нет дел дома). Не могу сказать, что он мне совсем не помогает, помогает, но это случается очень редко. В первые годы нашей совместной жизни он никак не мог привыкнуть, что женат, что у него есть и семейные обязанности. Пока дочки были маленькими, я за делами на ревность мужа не обращала внимания. Теперь они подросли, обе учатся в школе, у меня стало больше свободного времени, да и дочки помогают по хозяйству. Хочется иногда в кино сходить, в театр, а муж, если сделаю прическу и платье понаряднее надену, сразу на дыбы: «Для кого это ты вырядилась?» Всегда считала: если любишь, нужно верить любимому. У нас так не получается. Почему? Может, я в чем-то не права? Я очень любила своего мужа, но, прожив с ним столько лет и каждый день мучаясь от его сцен ревности, вижу, что от прежней любви уже ничего не остается. Мне надоело все время оправдываться. Если так будет продолжаться, я, наверное, решусь на развод.

Наталья С.,
Петропавловск

Дорогие читатели!

Продолжая разговор о семейном счастье,
редакция ждет ваших писем.

АЧТОУВАС?

Волшебный
портфель

ВСТРЕЧАЙТЕ
ПЕТРУШКУ

Грамотный
телефон

По канату
с комфортом

ПАМЯТЬ

Последний бой

Из села Боратин Бродовского района во Львовский музей народной архитектуры и быта перевезена хата, в которой в ночь с 8 на 9 марта 1944 года принял свой

последний бой Герой Советского Союза Николай Кузнецов. Многочисленные фотографии и документы, представленные в экспозиции, знакомят с боевым путем легендарного разведчика и его товарищей.

Леонид ГРИНГАУЗ.
Фото автора

НОВИНКА

«ДВУШКИ» В ОТСТАВКЕ

Традиционный конфликт между киоскерами и теми, кто хочет срочно позвонить по телефону-автомату, а «двушки» в кармане нет, скоро уйдет в прошлое. На опытном заводе московской городской телефонной сети сейчас испытывается новый таксофон. По виду он мало чем отличается от своих серийных собратьев. Разница между ними внутри корпуса. Специальное устройство будет проверять не подлинность опущенных монет, а за считанные секунды «прочтет надписи» на пластмассовом талоне-ключе к телефонному разговору. Эти талоны размером с почтовую марку будут вскоре продаваться в киосках «Союзпечати».

Скоро на московских улицах появятся первые пять модернизированных таксофонов.

Дмитрий БЫКОВ

ДРУЖБА НАРОДОВ

Кедры уезжают в Остраву

К студентам-географам Горно-Алтайского педагогического института приезжали гости — будущие учителя географии из Остравы. В память о своих новых друзьях делегация из Чехословакии увезла с собой в Остраву два молодых кедра.

Сергей ВАКУЛИН

ЧЕЛОВЕК — АВТОМАТ

ПОЧЕМУ БЕЗЛЮДНО В ШАХТЕ?

Опустело западное крыло шахты имени Ленинского комсомола, расположенной в районе города Кызылкия Киргизской ССР. Горняки покинули забой, где отныне уголь добывает специальная установка. По заданным параметрам она автоматически бурит шпур, закладывает в них заряды, а после так называемой отпалки по трубам подает уголь на конвейер и затем на-гора.

Такая автоматическая линия впервые вступила в эксплуатацию на угольных предприятиях Средней Азии.

Станислав КУЗНЕЦОВ

МИР ИСКУССТВА

Странствующие кукольники...

Еще в средневековье они бродили по дорогам, неся в заплечных мешках свои необременительные сокровища. На городских площадях, на сельских гуляньях и ярмарках правили лукавые кукольные герои свой беспощадный суд над сильными мира сего. Ушли в прошлое те времена и те спектакли. А странствующие кукольники живут!

Полвека назад в городах и селах Подмосковья появились афиши, возмущавшие о рождении нового передвижного теат-

ца вступает таким образом в контакт с зарядом на пластине. Датчики показывают конкретную величину заряда, и остается сравнить ее с эталонной. Любой внутренний дефект материала вызывает отклонение величины заряда от нормы.

«Портфель» будет незаменим, например, при определении изношенности транспортных лент или, скажем, кабелей высокого напряжения. Новый метод сейчас проходит испытания.

Сергей ШПАГИН

ра — Московского областного театра кукол. Ныне это один из ведущих кукольных театров, лауреат многих театральных фестивалей. Впервые на его сцене увидели свет рампы герои пьес Э. Успенского «Дядя Федор, пес и кот», «Гарантийные человечки», Г. Остера «38 попугаев», Ф. Кривина «Замок Агати» и многие другие...

Каждый день от дома номер двадцать четыре, что на Большой Коммунистической улице столицы, отправляется в районы области несколько автобусов. Актеры едут с радостью — зрители их ждут.

Борис ГОЛДОВСКИЙ.

Фото
Сергея ВЕТРОВА

ТРАНСПОРТ XX ВЕКА

Паром над городом

В двадцать раз сократила время в пути от учебного корпуса Тбилисского государственного университета в районе Саабуртало до студенческого городка в районе Багеби первая в нашей стране автоматизированная пассажирская канатная дорога.

Такие воздушные паромы незаменимы при решении транспортных проблем в республиках Закавказья и других гор-

ных районах страны. Нетрадиционный вид транспорта дешев, прост в эксплуатации. Сейчас в Ахалкалаки строится первый в стране завод по выпуску оборудования для канатных дорог. Причем новым их поколением будет управлять АСУ. Дежурный оператор лишь контролирует ее действия.

Геннадий
МАЙСУРАДЗЕ

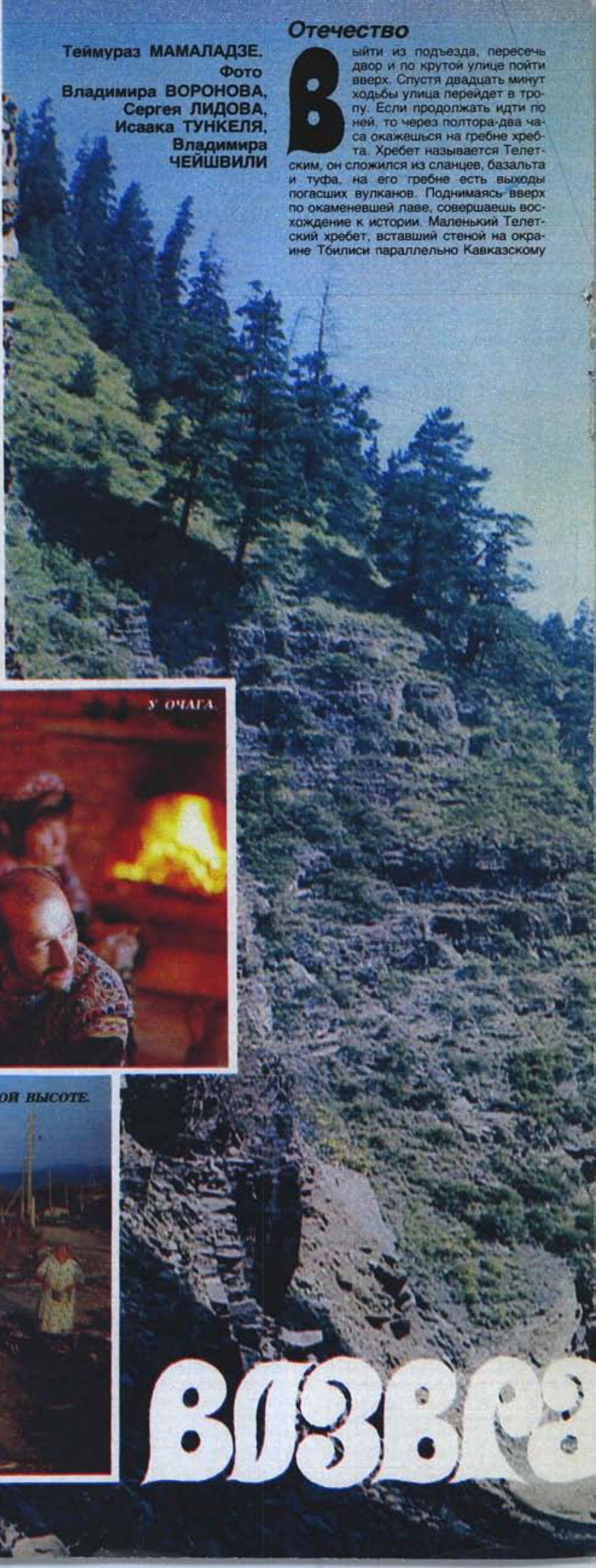

«НЕТ ЗЕМЛИ,
ПРЕКРАСНЕЙ
РОДИНЫ
МОЕЙ».

Теймураз МАМАЛАДЗЕ.
Фото
Владимира ВОРОНОВА,
Сергея ЛИДОВА,
Исаака ТУНКЕЛЯ,
Владимира
ЧЕЙШВИЛИ

Отечество

Выйти из подъезда, пересечь двор и по крутой улице пойти вверх. Спустя двадцать минут ходьбы улица перейдет в тропу. Если продолжать идти по ней, то через полтора-два часа окажешься на гребне хребта. Хребет называется Телетским, он сложился из сланцев, базальта и туфа, на его гребне есть выходы погасших вулканов. Поднимаясь вверх по окаменевшей лаве, совершаешь восхождение к истории. Маленький Телетский хребет, вставший стеной на окраине Тбилиси параллельно Кавказскому

ПАСТУХИ ТУШЕТИ.

У ОЧАГА.

НОВОСЕЛЬЕ НА БОЛЬШОЙ ВЫСОТЕ.

ВОЗВРАЩА

хребту, некогда был естественной крепостью на древнем караванном пути, а еще раньше, в начале бронзового века, пристанищем мигрирующих с юга племен.

Все это я, горожанин, знаю из книг. Из личного же опыта мне известно, что в любой момент могу уйти в горы, и Телетский хребет подарит мне чистый воздух, сень нагорного леса, чувства высоты и свободы. Телетский хребет в раме утреннего окна — картина, при виде которой особенно остро осознаешь счастье жизни.

Впрочем, все это настолько личный, сокровенный мотив, что как-то неловко выносить его на всеобщее обозрение. Что твои чувства в сравнении с мироощущением целого народа, сложившимся в условиях многовекового горного бытия?

Выйти из подъезда, пересечь двор и по пологой улице пойти вверх? Нет, начин должен быть иным, как в грузинской сказке: «Долго ли шел, мало ли шел — девять гор перешел». Девять гор на пути героя — это и сказка и реальность грузинской земли.

О них и речь.

В шестидесятых годах молодые тогда кинодокументалисты Вахтанг Микеладзе и Гия Чубабрия сняли фильм «Омало».

— Омало, дети, — звучит за кадром голос учителя Кавтарашвили, — на цоватушинском наречии означает место, которое нельзя покидать.

Учитель держит речь перед классом в школе высокогорного поселка Омало. Его слушает один-единственный ученик, все остальные вместе с родителями покинули место, которое нельзя покидать. Но Кавтарашвили упрямо произносит «дети» — так, как если бы класс перед ним изобиловал детьми.

А потом мы увидим тушинское се-

ло — сланцевые кровли, дворы, окруженные каменными стенами, башни, хлева, стога, дом на доме, двор на дворе — образ былой человеческой спайки и общности. И — тишина. Мертвая тишина, какая воцаряется в жилище, навсегда покинутом человеком. И вдруг в это мертвое пространство хлынет звук. Множество звуков: мужские и женские голоса, детский плач, мычание коров, бляение овец, посвист косы, скрежет точила — голоса жизни, давным-давно вытекшей из этого горного местечка.

Это была самая сильная находка авторов ленты, если слово «находка» вообще применимо к фильму о сплошных потерях и утратах. Об исчезновении корней, очагов, хозяйства, пастбищ, напевов, сказаний, промыслов — всего, что испокон веков берегло грузинское высокогорье и что открывало оно человеку, сумевшему преодолеть девять гор.

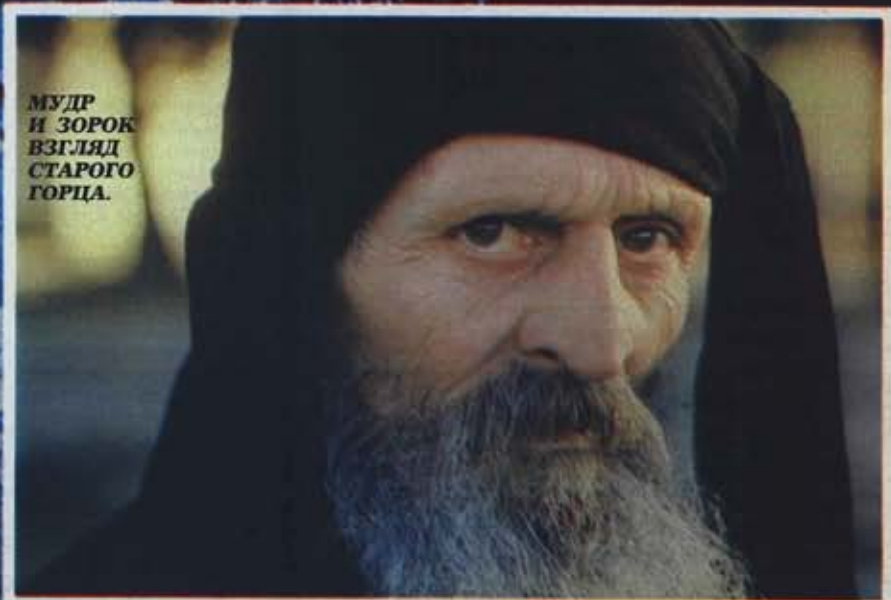
Фильм «Омало» света не увидел. Микеладзе и Чубабрия не пожелали закруглять острые углы. Покинутая людьми деревня кричала о своей беде так громко, что, казалось, заглушала бодрые песни других, кинематографиче-

ских, горцев, покидавших свои горы ради привольной жизни в долинах. Закадровый голос учителя Кавтарашвили, его монотонная, как заклинание, выпеваемая фраза: «Омало — это место, которое нельзя покидать» и обжигающий взгляд его единственного ученика остались достоянием киноархива.

Тем не менее голос Кавтарашвили не затерялся в пространстве гор. А его единственный ученик подрос и, преодолев девять гор, начал действовать. И вслед за фильмом «Омало» появились другие ленты, которым открыт широкий путь на республиканский и всесоюзный экраны.

21 октября 1982 года я прилетел в Омало по поводу, который без натяжки можно назвать историческим. Помимо большой, всемирной истории, есть ведь история таких вот маленьких, далеко отлетевших от столбовой дороги человечества местечек... Событие, которое привело нас в Омало 21 октября прошлого года, в одно мгновение приблизило его к этой дороге, ввело в единый общечеловеческий поток.

Слишком громко? Слишком патетично? Ладно, чуть приглушу. Хотя как тут удержать возглас радости, когда на пороге Омало тебя встречает учитель Кавтарашвили? Да, сильно постарел, но не покинул места, которое нельзя покидать, остался в нем и стал живым знаком незыблемости величин, не подлежащих отмене и в наш переменчивый век. Впрочем, уже ведь и этот самый век осознал, что негоже быть таким переменчивым, что опасно это — подрубить

МУДР
И ЗОРОК
ВЗГЛЯД
СТАРОВОГО
ГОРЦА.

ПОРШЫ ШАЖУТСЯ В ГОРЫ

вековечную жизнь под корень: без него не быть новым ее побегам.

Он и есть ее корень, этот учитель Кавтарашвили, цепкий, вьедливый, неутомимый в своих попытках сохранить жизнь в Омало. А вот и ее побеги — двадцать семь ребят, питомцев местной школы-интерната, окруживших учителя слитной окаменевшей группой. Многофигурная композиция, где учитель — и скульптор ее и герой. Широкие и жесткие пастырские ладони парят над детскими головами как вечные кровли Омало, которое нельзя покидать. Кавтарашвили будто пересчитывает горный свой приплод — да, здесь уместно это пастушье слово, — будто предъявляет нам итог годов, прожитых в Омало с надеждой и верой. Ребенок для него — единственная мера вещей, единица измерения жизни, правильности ее хода и содержания. Не просто ребенок — мало ли мальчиков и девочек в благополучных долинах? — ребенок, доставленный родителем в его горную школу. Родителем, который вернулся к покинутому когда-то очагу и вернул его своему потомству. Ребенок в горной школе — доказательство нового укоренения жизни в горах, свидетельство непрерываемой ее правоты: «Омало — это место, которое нельзя покидать».

А почему, собственно говоря, нельзя? Кто сказал, что человек весь свой век обязан маяться в хаосе горной неустроенности, надрываться, тянуть из себя жилы, чтобы настричь клок травы для скотины, запастись терпением и отвагой на бесконечные зимы одиночества, торить тропы через девять гор, чтобы повидать родича? И зачем торить эти тропы, если есть прямые и безопасные дороги равнин, где все достается человеку просто, без риска погибнуть или состариться до срока? Не заложниками ли он берет детей, этот учитель Кавтарашвили, маньяк, одержимый вздорной идеей оживить покинутые горные села?

Погоди, читатель, не торопись с ответом на вопрос, ради которого и затеялось это мое сочинение. Всему свое время. Только, прежде чем я отвечу на него, сам поразмышляй, чего бы стоили мы как народ, не будь у нас наших гор — в них все наше прошлое, вся история, убежище и защита, преграда на пути врага, уклад жизни и быт, поэзия и искусство, характер жилища и народный характер. Горы осеняют Грузию, как главы-соборы, но чего стоит храм, покинутый людьми? Космический замах Маяковского: «Если даже Казбек помешает — срыть...» — всего лишь гипербола, но гипербола грузинских гор предлагают нам куда более трудное дело: обживать их. А это невозможно без людей, без горцев. Горы без горцев ничего не стоят, ничего не весят и на весах экономики, в каком разрезе ни толкуй о ней — в абстрактном или абсолютно конкретном, применительно к Продовольственной программе и связанном с ней делам. Применительно к горным полям, пастбищам и сенокосам, в условиях редкостного малоземелья республики способным дать ощутимую прибавку работающей земли и ее плодов. Понимая это, в ином свете разглядываешь фигуру Кавтарашвили, его подвижность.

Напутствующим жестом пастырских ладоней дети посланы нам навстречу. Ожила и распалась многофигурная композиция. Нам вручены букеты удивительных, никогда раньше мною не виданных цветов.

— Как называются эти цветы? — спрашиваю у моей одарительницы, застенчивой, как все горские дети, рыжеволосой девочки.

Пламя ее волос еще сильнее занимает от смущения, и на помощь приходит Мариам Сехниадзе, жена учителя Кавтарашвили.

— Никто не знал старого названия этих цветов. Никого ведь не осталось, у кого можно было бы спросить. И мы их назвали «Праздник Мтатушети».

Жизнь настолько нова в Омало, настолько первозданна, что детям дарено право давать цветам названия. Но почему «Праздник Мтатушети», как называ-

ют в Грузии этот край, соединивший в своем имени «Мта» — гору и «Тушети», обозначение грузинского горского племени? Потому что вся Мтатушети празднует сегодня праздник — включение края в телевизионную сеть республики.

На том же празднике в Омало я познакомился с Мартиа Хачидзе, бригадиром полеводоизменителей из селения Дикло. Мтатушети настолько малолюдна, что каждого здешнего жителя знаешь в лицо. Мартиа я увидел впервые и сказал ему об этом.

— Я появился здесь после 11 июля 1981 года, — ответил он мне. — До этого жил с семьей в Актобинске. Вечером 11 июля по телевизору в программе «Время» увидел Омало и все, что здесь происходило, позвал жену и сказал ей: «Все! Мы возвращаемся».

Сказочные девять гор — пустыни в сравнении с хребтами, разделявшими некогда Мартиа Хачидзе с малой его родиной. А он вернулся.

Очевидно, есть необходимость в рассказе об 11 июля 1981 года, — отраженный экраном телевизора, этот день заставил человека вернуться в родные горы.

Можно мне повторить здесь старый репортаж о том дне и празднике, опубликованный в республиканских газетах?

Вот он:

«Омало, праздник возрождения

Три тысячи метров над уровнем моря, ливни, разрушавшие ломкую сланцевую основу этого мира, снежные непогоды переправы через Самхеви и Пирикита Алазани, непроглядный туман на перевале, бешеная вода, захлестывавшая радиаторы машин, не смогли остановить множество людей на их пути в Омало 11 июля 1981 года.

В этот день в Омало должен был состояться праздник. Должен был — во что бы то ни стало. Если бы непогода и обычные для нашего высокогорья трудности воспрепятствовали ему, то ничто не изменилось бы в распорядке здешней жизни. А это печально. Жизнь должна меняться, и меняться к лучшему, и настоящий праздник для того и происходит, чтобы его высота помогла человеку понять это.

Праздник состоялся. Но я начну с будней. Дождь лил не переставая, и мы, журналисты, остались без транспорта и надежды выбраться из Омало. Стояли, нагруженные аппаратурой, и глядели, как туман занавешивает горы. Друг на своем двухколесном ГАЗ-66 подъехал Ростом Алханаидзе, высунулся, небритый, в окно кабины, сказал просто: поехали.

И мы поехали.

По справке начальника управления «Тбилтоннельстрой» Героя Социалистического Труда Виктора Давидовича Гоциридзе на строительстве автомобильной дороги Торгваас — Аба — Омало сегодня работают шесть водителей. Мало? Посмотрите, как они работают, — поймете, чего стоит каждый. Хоть раз преодолите эти невероятные семьдесят три километра — увидите, что они за люди, как велика цена их профессионального умения и личного мужества. А если они еще и добры, как Ростом Алханаидзе, то и вообще цены им нет.

Дорога ведет человека? Здесь он ведет ее. Несет, напрягая все свои силы, возносит к селам поднебесья как самую тяжкую, но и как самую желанную ношу, как надежду возносит. Как весть о лучшем будущем.

Простите мне этот тон. Бил дождь, дорога терлась в тумане, вертолет не взлетел, грузовики покинули нас, и вдруг появился Ростом Алханаидзе.

А праздник? Как же я забыл о нем? Ораторы красноречивы, аудитория чутка и отзывчива, а тут еще солнце пробивается сквозь тучи, и на древней, из сланцевых плит сложной башне полыхает транспарант: «К тушинам родина вернется, когда они вернуться к ней!»

Простят выступить Арчила Сулакаври. Известный писатель и притом свой, из тушин, должен сказать несколько слов. Он отговаривается: не готовился специально. «Ну, зачем тебе специально готовиться? — упрощают его. — Ведь здесь все свои».

— Однажды прихожу я к моему деду, — нерешительно начинает Арчил, — и вижу: какой-то он очень уж грустный. Звали моего деда Хуто...

— Помним мы твоего деда, — раздаётся в толпе высокий голос. — Вечная память и благодарность ему от нас!

— Так вот, спрашиваю его, почему такой грустный. «Эх, — отвечает, — если бы ты знал, сколько денег мне нужно, и ты бы загрузил». У тебя все есть, говорю, чего тебе еще надо? «Того, что у меня есть, не хватит, чтобы вернуть в Мтатушети жизнь, превратить ее в цветущий сад». Такое время приходит, земляки: мечта Хуто начинает сбываться...

Илья Кавтарашвили, директор школы-интерната:

— Тридцать девять пустующих сел в Мтатушети, тридцать девять брошенных гнезд. Двадцать семь лет назад, когда открылась наша школа, учились в ней сто двадцать семь детей. Потом мы и десятка не могли насчитать. А сегодня заполнен класс. Это значит: потянулись тушины к родным гнездам. Это значит: жизнь возрождается у нас. Не иссякла она, не иссякнет.

Мы видели, что питает ее. Дорога. Высоковольтная линия электропередачи. Строительство водопровода, проекты нового тушинского жилья и социально-культурного комплекса для Омало. Многомиллионные ассигнования на строительство путей к пастбищным массивам... Сказать, что этого достаточно, — значит сознательно исказить истину: жизнь в Мтатушети очень тяжела и еще долго будет такой. Однако семидесятые годы проторили надежде и вере путь в горы, к дому и сердцу горца. В этом смысле судьба Мтатушети не исключительна: начавшийся в тридцатых годах отток населения из горных районов Грузии исподволь вытесняется новой тенденцией, и ей на службу поставлены как новые наши экономические возможности, так и новые духовно-нравственные критерии.

Это ли не основание для праздника? А вот и конкретный повод: создан тушинский животноводческий совхоз — опора, база и плацдарм намеченного социально-экономического переустройства этого горного края республики. Вот почему день рождения хозяйства отмечается как праздник. Как праздник возрождения. Вот почему десять питомцев Ильи Кавтарашвили, получивших комсомольские путевки на работу в совхоз, окружены вниманием.

Наш путь к празднику изобилует трудностями, но длился он один день. А перед ними — целая жизнь, и вся она преодоление. Мысленно мы желали им счастья. Пусть никогда никакие сомнения не ослабят их уверенности в правильности сделанного выбора. Но и нам надо поддержать их в этом.

Говорят, никогда еще в Омало не собиралось разом столько людей, как 11 июля. И никогда у Мтатушети не было столько гостей, как в этот день. Для любого человека проявленное к нему внимание не пустой звук, а уж для горца — тем более. Скорость движения по горным дорогам определяется погодой, состоянием пути, личными качествами идущего. Горец хорошо понимает это, но и мы, жители долин, должны понять, что этого мало: движение вверх не может зависеть от этих предположений. Подъему нужна солидная материально-техническая база. В сочетании со взлетной силой надежды и веры она принесет столь желанное обновление...

Мартиа Хачидзе не хватало дороги. В местах, где он жил прежде, — развитая

дорожно-транспортная сеть, но Мартиа нужна была одна-единственная дорога — та, что могла связать его горный очаг с равниной Грузии.

Мартиа Хачидзе не хватало телевидения. Там, в Актобинске, у него был хороший телевизор, надежно отражающий жизнь края и страны, но Мартиа предпочел ему тот, что стоит сейчас в дедовском его жилище, сложном из почерневшего сланцевого камня.

Мартиа Хачидзе не хватало работы. То есть работа у него была, и должность экономиста обеспечивала его и материально и морально, но он предпочел ей нелегкий хлеб рабочего животноводческого совхоза, потому что этот совхоз был создан в горах, где оставалось его сердце.

Мартиа Хачидзе не хватало честного рассказа о жизни гор и горцев. Помимо дороги, работы, телевизора, иных материальных, культурных, прочих благ, человеку необходимо благо правды о нем самом, о его силе, устоях. Фильм «Омало» когда-то не увидел света, но однажды и эта несправедливость была устранена. Правда о жизни гор и горцев стала достоянием литературы и искусства. Правда социальная, экономическая обрела достоинство художественной правды.

Искусство подчас экономнее самой экономики. Оно способно выразить суть проблемы, использовать для этого минимум средств, но добываясь при этом максимального эффекта.

«Место жительства отстало от жилья, не «выросло» вместе с ним...» — вот как точно выразил суть сходной и для соседней Армении проблемы мой армянский коллега Меружан Тер-Гуланян. Когда-то и мы, пишущие, отстали, отдавая щедрую дань малопродуктивной с деловой точки зрения горной экзотике, но сегодня нагоняем, наверстываем упущенное. Мстистый Константин Лордкипанидзе пишет книгу «Горец вернулся в горы», в которой воссоздает историю гибели и возрождения кахетинской деревни Черемы, социально-экономические проблемы Мтатушети отразились в очерках известного прозаика Гурама Панджикидзе, молодой публицист Омар Чихладзе ведет в республиканской газете «Заря Востока» рубрику «Жизнь гор», молодежная «Ахалгазрда коммунист» снаряжает в горные районы так называемые проблемные экспедиции... Нелепы попытки учесть прямое влияние наших писаний на замедление миграционных процессов и укрепление экономики горных районов, однако какая-то связь здесь есть.

— Та телевизионная передача убедила меня в том, что я нужен Мтатушети, — говорит Мартиа Хачидзе, неосознанно даря мне сильное доказательство необходимости моих профессиональных занятий.

Не по-хозяйски отказываться от аргументов пера, фото- и кинообъектива.

В начале тридцатых годов молодой тогда режиссер (это определение в моем очерке превращается в своеобразную формулу) Михаил Калатозов снял фильм «Соль Сванетии» по сценарию известного писателя Сергея Третьякова. «Я только что кончил писать сценарий о пуде соли, которая в преддверии Сванетии стоит рубль, а привезенная в глубину Сванетии на конских выюках обрастает еще пятью рублями фрахта».

«Соль Сванетии» предшествовала строительству первой автомобильной дороги в Сванетии, называемую еще Верхней. Так искусство кино в самом начале своего горного пути дает заявку на осмысление социально-экономических проблем высокогорья.

У фильма «Омало» оказалась иная судьба. Хотя она и прервалась после того, как чиновники от искусства наложили запрет на эту ленту. Недавний репортаж Грузинского телевидения о празднике 11 июля был предварен показом этой прекрасной ленты. Восстановилась прерванная связь, соединились концы рассеченной нити, итог осветился истоком. Стало очевидным: не зря преодолевались девять гор. И в конечном

счете фильм поработал на решение проблемы. Однако эти заметки посвящены отнюдь не высокогорью грузинского кино. Если на передний план и выдвинулась фигура человека искусства, то исключительно в силу объективной закономерности последних лет: художник оказался рядом со своим героем. Без иносказаний, в самом прямом смысле этого слова рядом.

На том же празднике в Омало мое внимание привлёк подросток на красивом, нервно перебиравшем сильными ногами жеребце.

— У тебя очень знакомое лицо. Где вы его видели?

— В фильме «Пастухи Тушети»...

— Точно. Там тебя звали Зурико. А здесь?

— Меня зовут Рамаз Сулакаури.

— Чем ты сейчас занимаешься?

— Учусь в десятом классе, пасу овец в бригаде Годердзи Татараидзе. Это недалеко отсюда — у Парсма.

Я спросил его о товарищах по съемочной группе.

— С Сосо Чхаидзе, режиссером фильма, — сказал он, — встречаюсь чаще, чем со стариками из Дикло и Шенако. От нас сейчас в Тбилиси легче попасть, чем в соседнее ущелье. Но, говорят, и туда поведут дороги...

Три года прожили Сосо Чхаидзе и его товарищи в бригаде тушинских овцеводов, снимая фильм об их труде и жизни. Это был принцип: стать в бригаде настолько своим, чтобы пастухи привыкли к камере и повелениям режиссера. К камере привыкли, потому что сжились с ней, как с орудиями своего труда, а в режиссере увидели человека, озбоченного теми же заботами, что и они сами. Фильм «Пастухи Тушети» удостоился Государственной премии Грузинской ССР имени Руставели, получил призы нескольких международных кинофестивалей, но ни одна из этих наград не способна превзойти вот такую: в ответах на причины и мотивы возвращения наряду со строительством дороги и линии электропередачи многие тушинцы сылаются на этот фильм.

Горные склоны в Мтатушети невероятной крутизны. Чтобы человек мог удержаться на них, необходимы солидные капиталовложения — иначе не ввести в оборот десятки тысяч гектаров пастбищ и сенокосов, не укрепить новые хозяйства. Надо помочь человеку строить дороги, жилье, хозяйственные постройки. Помочь строить себя.

— Вот твоя родина, птенец, — говорит в фильме старый пастух малому подпаску Зурико, когда в просветах тумана блеснут перед ними сланцевые кровли Омало.

Просто, без затей, без ходульной риторики смыкает этот фильм тему родины с философией народного труда, сливает в одну форму, и неизбежно очевиден итог: что она, малая, слабосильная твоя земля, без тебя?

Двадцать семь школьников местной школы-интерната, десять молодых рабочих совхоза — питомцев Ильи Кавтарашвили, Мартиа Хачидзе и его семья, Рамаз Сулакаури, гордо оповестивший интервьюера о том, что он продолжает пастухом овец, — неизбежное следствие такой вот философии.

Художественные достоинства этой ленты очень высоки. Но, очевидно, и на весах экономики она весит немало.

Грузия малоземельна. Слишком дорогую цену платит она за красоты своего горного ландшафта: всего 0,18 гектара пашни, впятеро меньше, чем в среднем по стране, приходится здесь на душу населения. А душа эта жаждет дела, взыскует рабочего простора. «Выпьем за нашу скомканную страну!» — острит в застолье тамада, намекая на горные складки, которые надо бы, но невозможно разглядеть. А между тем половина всех хозяйств республики расположена в горной зоне, испытывающей сильный отток трудоспособного населения. Причины миграции в основном ясны. Тяжелые климатические и жизненные условия, диспропорция в возможностях и перспективах, возникшая вследствие недоразвитости производи-

тельных сил горных районов, ограниченность сферы приложения труда горцев привели к обеднению и без того скудного земельного баланса республики. Специфическая проблема горных территорий Грузии — по преимуществу проблема экономической и социальной — привлекла к себе особенно сильное внимание в начале семидесятых годов, когда в республике был поднят пересмотр целого ряда концепций, тормозивших, как оказалось, ее развитие. Одна из них провозглашала политику переселения жителей горных районов в низинные как единственно возможную и правильную. Традиционная практика «широкого охвата» подогнала все горные районы под один ранжир. Я ограничил эти заметки одной лишь горной областью — Мтатушети. За пределами повествования остались Сванетия, Пшав-Хевсуретия, Рача-Лечхуми, Нагорная Аджария, Южная Осетия... Но и помимо них, нашлись места, причисленные к горным исключительно из чьего-то желания соответствовать и рапортовать... Самый наглядный тому пример — судьба села Черемы. Расположенное в предгорной зоне низинного по преимуществу Гурджаанского района, оно было занесено в списки хозяйств, подлежащих переводу в долины. Что и было сделано — вопреки географии, здравому смыслу и хозяйственной необходимости. Хозяйство разрушилось, как разрушились многие другие хозяйства в горных и не очень горных районах.

4 апреля 1978 года группа бывших жителей Черемы поднялась из Алазанской долины к селу и, построив на его развалинах несколько землянок, объявила о намерении остаться здесь навсегда. Они уже немалоды, эти люди, покинувшие Черемы юношами и зрелыми мужчинами, но с ними вместе сюда поднялись их дети и внуки, и уже только это обнадежило всех, кто желал возрождения древнего села. А желали этого многие. В том же 1978 году было принято решение, предусмотревшее выделение немалых средств для оказания помощи людям, заново начавшим историю этого села. Очень уж показательным и поучительным был его пример, чтобы можно было оставить его без внимания, не заставить «работать» на будущее. Ведь не единственное оно, это самое Черемы: тысяча двести горных сел Грузии перестали существовать в одночасье, оказались заброшенными и вместе с ними большая часть из тех двух миллионов гектаров сенокосов и пастбищ, которые на протяжении столетий грузинский горец отвоюевал у своих немилосердных гор.

Пример Черемы должен был вспыхнуть, как большой факел, призванный осветить тысячам бывших мигрантов трудный «путь вверх».

— Да, запишите: сегодня в Черемы живут двести восемь человек. Они освоили триста гектаров горной пашни, построили помещения буйволиной фермы, завели десять тысяч голов птицы. Трудно было с водой — построили накопитель на три миллиона кубометров. Но эта вода только для орошения. А питьевую мы подвели к каждой усадьбе. Сегодня в Черемы шестьдесят пять дворов — капитальные дома и надворные постройки. Еще построили здания сельсовета, медпункта, почты, столовой, магазина, комбината бытового обслуживания. Работает школа, строятся клуб, детский сад...

Все это можно было увидеть в натуре, своими глазами. Договорились так: Матарашвили будет ждать меня на развилке Кахетинского шоссе у села Качрети — оттуда к Черемы ответвляется новый грейдер. Черемский предсельсовет сдержал слово — его синий «Москвич-комби» стоял в условленном месте, но, еще не приблизившись к нему, я знал: в Черемы подняться мы не сможем. Редкий для этих мест и этого времени года — дело было в начале мая — ливень обрушился на Кахетию.

— Потоп! — сказал Давид Матара-

швили, тридцатидвухлетний глава Советской власти в Черемы. — Большое бедствие для всей кахетинской зоны, а для нас в особенности. Как бы не смыло посева — они у нас на горных склонах.

Он все поглядывал в ту сторону, где по заведенному издавна порядку должны были четко рисоваться в небе синие изломы Гомборского хребта, но ливень размыл их, растворил в своем непрерывном могучем падении, и Матарашвили предпринимал отчаянную попытку воссоздать словами исчезнувшую картину черемского благоденствия.

— Труднее всего нам досталась дорога, но мы ее построили. Сейчас по ней не проехать, но в хорошие дни она действует. Так действует, что из деревень Алазанской долины и Ширакской степи поднимаются к нам люди — посмотреть, как мы обживаемся на старом месте. Многим так нравится у нас, что просят принять в колхоз. Приходится отказывать, хотя кое-кому разрешаем остаться.

— Кому?

Матарашвили глядел в окно. Там сплошной непроницаемой стеной падал дождь, скрывая от нас обетованную землю Черемы. Когда-то, до 1953 года, село состояло из трехсот восьмидесяти дворов, сегодня — из шестидесяти пяти... Очевидно, Давид Матарашвили размышлял над тем, кому они в сельском Совете разрешают оставаться в Черемы.

— В первую очередь коренным черемцам. Ну и еще перспективным семьям. Молодым и крепким людям, хозяйствам, которые знают, каким должно быть будущее Черемы и какими они будут в нем...

Он много и долго размышлял вслух о будущем, и все оно у него звалось именами черемских ребят — семеро в этом году заканчивают школу, шестеро поступят еще, — но вдруг свернул на старую, родную для каждого кахетинца колею и повел в пятый век, в эпоху, когда основалась Черемы и от которой здесь осталась базилика, цепкая и крепкая, как здешний бессмертный кустарник.

— Жаль, не увидите вы наш сельский музей, его основал Шакро Барбакадзе, один из наших стариков, — очень интересный музей, есть даже бронзовый меч...

Этот меч я видел. И черепки древней глиняной посуды. И бессмертный кустарник, цепкий, неподвластный времени, как базилика на холме, пустившая свои корни в невообразимом пятом веке. Все, о чем говорил Давид, я видел в натуре, своими глазами в прошлые свои наезды сюда; не видел и не знал только самого Давида, он появился в Черемы сравнительно недавно, поработав в равнинном хозяйстве бригадиром. Я видел Черемы в те мгновения его новой истории, когда это село лишь только обозначило тенденцию, и хотел увидеть его сегодня, когда эта тенденция оформилась во всеобщее национальное движение, суть которого лучше всего выражает название книги Константина Лордкипанидзе — «Горец вернулся в горы».

Да, горец вернулся в горы, возвращается, собирается вернуться, хотя еще немало осталось в Грузии мест, где миграция жителей в долины держится на тревожно высоком уровне, и все-таки народная мысль четко наметила себе трудный горный маршрут, и в этом же направлении устремилась народная этика, предписывающая людям отвечать делом на зов и призыв покинутых гор...

Пройдет несколько дней, и на народном празднике у руин комплекса Давид-Гареджи в последнее воскресенье мая, собирающем здесь до ста тысяч человек, я увижу необычный порядок домов, архитектура которых характерна для разных исторических провинций Грузии — Кахетии и Мтатушети, Сванетии и Пшав-Хевсуретии... У каждого порога будет стоять ребенок, и у каждого в руках будет табличка с надписью, о многом говорящая каждому грузину. Черемы, Гудани, Удабно, Церакви, Шатили, Гостибе, Архоти — названия возрожденных горных сел...

Давид Матарашвили пригласит меня в дом Черемы и поднимет тост за счастливое продление этого порядка.

Художники Е. Лансере и Г. Гриневский вписали в герб Грузинской республики вершину Казбека — гора была сутью этой страны, и поэтому они увидели в ней олицетворение и символ Грузии. В 1923 году группа студентов и преподавателей Тбилисского университета, возглавляемая профессором Георгием Николадзе, совершила восхождение на эту вершину, положив тем самым начало советскому альпинизму. В группу входили представители многих отраслей знаний и сфер деятельности. Это было, по сути дела, обещанием и обязательством, клятвой — поставить горы на службу земле, которую они олицетворяют.

Возвращаюсь домой из поездки в Мтатушети. Иду к дому по склону улицы, которая выше перейдет в горную тропу...

Я перелетел через девять гор, но темы освоения горных территорий не исчерпал. Даже здесь, в городе, у родного порога, горы вновь и вновь держат меня в плену своих теснин и очагов, имен своих жителей и их судеб.

В этой поездке я познакомился с Этер Татараидзе. Маленькая книжка ее стихов, едва появившись в продаже, мгновенно исчезла с прилавков книжных магазинов. Объяснение простое: стихи Этер — горные, по преимуществу высокогорные, если понимать под этим чувством высоты, природной первозданности, слияния покоя и мятежности, хорошо знакомые каждому, кто бывал в горах. Имя этой девушки на афишах праздников народных сказителей собирает множество любителей народной поэзии, и те, кому не достаются места в филармонических залах, жадно принимают к экранам телевизоров.

В этом полете она была нашим проводником. Вертолет ходил по ущельям, от горы к горе, от хребта к хребту, от села к селу, и она узнавала их с высоты, называла по именам и рассказывала связанные с ними истории. Мы летели в Омало, на праздник по поводу открытия телетрансляционной линии, и я подумал о том, что наконец-то мы начали отдавать горам наши долги. Кто возвращает долг дорогой, кто — телевидением, а Этер — стихами и памятью. Как герой фильма «Чудаки», вернувший свой долг односельчанам песней. Все мы что-то берем взаимы у нашей земли, только одни умеют отдавать вовремя и сполна, другие медлят или спускаются, третьи и вовсе не способны ничего дать взамен.

Мы летели по треугольнику Дартло — Квалло — Дано, и Этер «узнавала в лицо» хребет Макратела, общину Самцихе, поле некоего Плато Худжаидзе, отвоюевавшего у склона необыкновенной крутизны один гектар для ржи, — мы дивились остроте ее зрения, усиленной разлукой и любовью. «Вот там, посмотрите, — переход Нивре, левее над ним — гора Сонери, а вот это — Нарчакский могильник...» Она читала свою землю, все ее открытые строки и подтекст.

Когда мы приземлились в селе Шенако, Этер повела нас к своей школе. Ее уже не было — остался лишь сланцевый остов дома, двадцать лет назад покинутого последним здешним школяром. Дом был пуст, полуразрушен, но яростно голубели оконные рамы, словно только что выкрашенные какой-то неведомой нам, могучей по силе излучения краской.

— Бишини, так она здесь называется, — сказала Этер. — Наши старики делали ее из трав. Тайна этой краски утрачена, известно только одно: она такая стойкая, что ее можно назвать вечной...

Спустился полчасика мы были в Омало. Там, поставленный лицом к горам, тем же неистребимым цветом надежды налил экран телевизора, и питомцы Кавтарашвили затаили дыхание: эта первая в истории Мтатушети передача была посвящена им.

Александр МОРОЗОВСКИЙ,
инструктор лыжного туризма.

Фото
Вадима ОПАЛИНА
и Романа ЗВЯГЕЛЬСКОГО

ЗИМНЕЙ ТИР

«Туризм» — слово иностранного происхождения, означающее «путешествие для удовольствия». Чтобы ваше путешествие действительно доставило вам удовольствие и, не лишне добавить, принесло пользу, нужно его правильно организовать, тем более, что зимний турпоход намного труднее, чем летний. Участников лучше всего собрать 10—12 человек. При таком числе удобнее распределить груз и обязанности, легко найти место для ночлега, использовать при необходимости попутный

**ВСЕГДА ОТКРЫТ
СЕМАФОР
«ПОЕЗДАМ ЗДОРОВЬЯ».**

**ГОСТЕПРИИМНАЯ
ИЗБУШКА
НА ТУРИСТСКОМ МАРШРУТЕ.**

транспорт. Подбирать участников нужно с учетом не только их физической подготовки, но и моральных качеств: зима шутить не любит — если летом, например, недисциплинированность одного участника лишь задержит группу, то зимой это может привести к обморожению, тяжелой травме и даже несчастью. Практика показывает, что причины несчастных случаев в походах — в нарушении правил безопасности, неоправданном риске, отсутствии дисциплины.

Однообразное вышагивание километров быстро приедается, поэтому, прежде чем отправиться в поход, определите цель похода — сдача нормативов ГТО, посещение музеев и исторических мест, знакомство с природой — и разработайте маршрут с учетом пожеланий и физических возможностей участников. Перед многодневным турпоходом необходимо пройти медосмотр.

Каждый участник должен иметь все необходимое и ничего лишнего — нести ведь придется на своих плечах. Позаботьтесь о хорошем рюкзаке. Под лямки подшейте войлок, чтобы их ширина стала 6—8 сантиметров. Все тяжелые вещи кладите на дно рюкзака, легкие — сверху, мягкие — к спине. В наружные карманы положите то, что требуется в пути. Рюкзак загрузите плотно, в первую очередь углы. Каждая вещь в рюкза-

ке должна всегда лежать в одном и том же месте, чтобы ее можно было сразу взять (не найти, а именно взять) даже в темноте. Продукты туристы несут примерно поровну, а групповое снаряжение (палатки, ведра, топор) — только мужчины. Ориентирование осуществляется по карте и компасу. Иногда рекомендуют для точного определения азимута пользоваться транспортом.

У меня был транспорт, когда я шел руководителем похода по Карелии. Намечая маршрут первого дня, я повернул транспорт на 90 градусов, чтобы не загромождать нужный участок карты, а потом забыл вычесть эти 90 градусов. Никогда не предполагал, что можно так нелепо ошибиться, но... Словом, я повел группу на север вместо запада, да так уверенно, что товарищи, вместе со мной обсуждавшие маршрут, даже не обратили внимания, что мы идем не в ту сторону. Шли очень долго, шли по таким дебрям, куда и Бабу Ягу не заманишь, устали — ни в сказке сказать, ни пером описать. Но от азимута не отклонились, так что в конце концов все же вышли на какую-то дорогу. Шофер проезжавшего лесовоза показал нам на карте наше местонахождение и подвез нас до ближайшего «населенного пункта» — будки лесорубов, где они отдыхали и хранили инструмент. Там мы и заночевали. ТОВА-

рищи мои так устали, что не было у них сил меня ругать. А утром вчерашние лишние километры уже вспоминались как веселое приключение. Поход мы закончили благополучно, но с тех пор я никогда не пользуюсь транспортом.

Во время перехода по готовой лыжне группа должна идти плотно, не растягиваясь. Впереди — руководитель похода, за ним — те, кто физически послабее (обычно женщины), затем — те, кто сильнее. Последним идет самый сильный и опытный турист — замыкающий. Он следит, чтобы никто не отстал, в случае остановки кого-либо из участников узнает, что случилось, помогает, если надо, а при длительной задержке — останавливает группу.

Если на маршруте снежная целина, то приходится «тропить» (прокладывать лыжню). Первому («тропящему») идти тяжелее всех, поэтому «тропящие» сменяются через 5—10 минут и становятся в хвост группы. В большой группе руководитель похода бесшумно идет вторым или третьим, не меняется также замыкающий.

При необходимости следует забирать часть груза у ослабевших туристов и передавать более выносливым. Это не порядок, а необходимость: нарушение порядка следования сказывается на движении всей группы, ведь она то и

дело сбивается с темпа, начинаются взаимные упреки («не спешите, не отставайте»), создается нервная обстановка. В итоге группа идет медленнее, а устают все гораздо больше, чем при ненарушенном порядке движения.

Привалы на 10—15 минут устраивайте через 45—50 минут ходьбы, кроме первого, который надо сделать через 10—15 минут, чтобы туристы могли устранить все, что мешает на переходе: снять лишнюю одежду, поправить обувь. Делать привалы надо в живописных и удобных местах, защищенных от ветра, желательно там, где происходит задержка группы — поломка снаряжения, преодоление естественных препятствий. Например, при спуске с горы сделайте привал сразу после спуска. На привале дайте возможность фотолюбителям отвести душу, иначе они будут задерживать группу на переходе.

Перед уходом с привала подается команда «приготовиться». По этой команде уложите в рюкзаки вынутые вещи, поправьте снаряжение. Когда все готово, подается команда «надеть рюкзаки». Надевать их раньше не следует, так как придется ждать тех, кто еще не готов, а это утомительно. Руководитель проверяет, все ли в сборе, не оставлены чьи-либо вещи, не валяется ли мусор.

МАМА — ПЕРВЫЙ ТРЕНЕР.

И ЛЫЖИ ОТДЫХАЮТ ПОСЛЕ ДОЛГОГО ПУТИ.

готовят ужин, костровой следит за костром, остальные туристы заготавливают дрова, чтобы хватило и на утро. Потом проверяют снаряжение, подменяют дежурных, ставят палатки. Есть, правда, любители ходить зимой без палаток.

В уже упомянутом походе по Карелии без палаток шли и мы: надеялись на ночлег в лесных промысловых избушках, известных мне по прошлому походу и отмеченных на карте. Но с дороги-то мы сбились и шли теперь напрямик по компасу. Шли мы правильно (урок пошел впрок), но на новом маршруте избушек не было. Пришлось ночевать на свежем воздухе, а при морозе да в лесу он действительно свежий. Опытные туристы знают много разных способов на все случаи жизни. По одному из таких способов мы разожгли большой костер из бревен, а когда от него остались мелкие угольки, набросали сверху лапник и легли спать в спальных мешках, положенных на лапник плотно друг к другу. Спать тепло. По каким-то законам физики, известным только туристам, угли должны были медленно тлеть, отдавая тепло нашим уставшим телам. Но у меня ночью загорелся спальник. Я гасил огоньки руками и снегом, а спальник продолжал тлеть в других местах. Когда я наконец погасил все, что тлело и горело, на спальнике остались две огромные дыры, через которые, как уверяли проснувшиеся товарищи, можно было влезть в спальник, даже когда он был застегнут. Теперь я предпочитаю ночевать в палатке.

Утром дежурные встают на час раньше остальных и готовят завтрак. Перед уходом нужно сжечь мусор, остатки пищи оставить в укромном месте для птиц и зверей, дрова и лапник сложить в кучу для тех, кто пойдет после вас.

Помните: туризм — прекрасный отдых, если... вы умеете отдыхать.

НОВЫЙ ГОД НА ПРИВАЛЕ. УКРАШЕНА ГИРЛЯНДАМИ ЖИВАЯ ЕЛКА.

СВЕТИТ В ТЕПЛОЙ ПАЛАТКЕ ОГОНЬ.

На ночлег надо останавливаться за светом, чтобы успеть устроить бивак до наступления темноты. Сразу после остановки туристы достают все необходимое для ночлега и ужина. Дежурные

КЛУБ «Музыка с тобой»

«МЕТРОНЫ»

Мария МУСИНА

ПОЧТОВЫЙ
ЯЩИК

КЛУБА
«МУЗЫКА
с ТОБОЙ»

«ТИП-ТОП»... И С ПЛЕЧ ДОЛОЙ

Я поклонник советской молодежной песни, коллекционирую пластинки с записями ансамблей. И вот что заметил: все больше стало появляться групп, названия которых вызывают недоумение.

Хотелось бы узнать, какими критериями руководствуются артисты, дающие своим ансамблям имена вроде — «Зоопарк», «Последний шанс», «Пепел», «Аквариум»... Представьте себе, во что превратится наша эстрада, если ее наводнят «Рестораны», «Телевизоры» — и в том же духе... Неужели в моде принцип: чем глупей, тем модней?

Мне могут возразить, что, мол, об ансамбле надо судить по музыке. Согласен! Но ведь встречаются по одежке!

К сожалению, многие названия ансамблей «сотворены» из «недомыслия», сделаны по принципу «тяп-ляп». Вот, кстати, сразу же вспомнил группу из Латвии «Тип-Топ». Из каких потаенных извилин человеческого мозга была «вытащена на свет» эта визитная карточка? Что по ней можно сказать об ансамбле?

Современная эстрада ставит перед нами множество проблем, на некоторые из них ответ найти гораздо сложнее, чем кажется. Хочу привести слова Алексея Козлова, руководителя ансамбля «Арсенал»: «Меня нередко спрашивают, почему наш ансамбль назван именно так, что несет в себе название? Арсенал — это большой выбор средств... Кроме того, здесь заключена игра понятий: «арс» — латышский «искусство». Таким образом, в названии ансамбля скрыта надежда на то, что когда-нибудь все склады оружия на земле будут заменены на коллекции произведений искусства и творческие мастерские...»

А какая надежда «скрыта» в «Зоопарке» и «Аквариуме»?

Хотелось бы, чтобы мое письмо увидели не только читатели, но и музыканты, композиторы. Очень будет интересно узнать их мнение.

Александр ДАВИДОНИС,
студент,
Вильнюс.

Все реже и реже можно увидеть на афишах: «Выступает вокально-инструментальный ансамбль...» — «группа», «рок-группа». А недавно видела: «Симфо-рок-группа». Даже профессиональным музыкантам не ясно, что предложит публике этот эстрадный коллектив, зазывающий с афиши, что он играет, какую музыку, какого направления, какой смысл вкладывает в этот «симфо-рок».

Назваться «группой» — отмежеваться тем самым от обычной манеры, создать хоть какую-то видимость дифференцированности жанра. Но вот беда: такое решение пришло в голову слишком многим одновременно. И тем не менее любопытные с удовольствием покупают кота в мешке — «рок», «симфо», «гало», потому что знают: раз этикетка соответствует спросу — значит, и товар предложат соответствующий. Не на пути ли служители эстрадной музыки к превращению в подобие тех ресторанных музыкантов, к которым клиент подходит заказывать «свою» музыку?..

И вот вроде бы появился ансамбль из тех, что берут на себя нелегкую задачу — попытаться преодолеть печальную репутацию заполнивших эстраду вокально-инструментальных ансамблей (назовем по старинке), где подчас (но как часто!) дурного вкуса тексты исполняются под стандартный набор аккордов, где отсутствует культура исполнения.

Маятник «Метронома» стал отстукивать свой ритм не с той поры, когда в Москонцерте появилась новая единица под таким названием. Сначала была «Музыка» — ансамбль, известный популярной в свое время первой на советской эстраде рок-оперой «Алые паруса». Потом ансамбль распался: «Музыка» и «Метроном» — по существу, ансамбли-близнецы. Как-то гастрольбюро дало маху, и в маленьком городе около двух недель выступали одновременно ансамбль «Музыка» — репертуар: «Алые паруса» — и ансамбль «Метроном» — с теми же «Алыми парусами».

Около двух лет «Метроном» возил по городам и весям «Алые паруса»... В общем, перед коллективом встал жизненно важный вопрос поиска своего стиля, своего лица.

В 1980 году в ансамбль пришел пианист и композитор Владимир Карминский. И скоро у «Метронома» начался репетиционный период — полная смена репертуара.

Тогда-то и вступил в силу смысл названия ансам-

бля — «Метроном» — пусть ученический период, пусть время изнурительной работы, пусть с неизвестностью впереди...

«Метроном» настроен на сложный ритм. Классика — Рахманинов, Шостакович, Бизе... Нельзя сказать, что ансамбль — пионер в этом желании: вывести классику на эстраду. Но для «Метронома» программно ориентироваться на классические традиции. И еще одна изначальная особенность ансамбля — стремление к крупным формам. Не к набору пьес и песен — к развернутым композиционным решениям. Именно такая цельность может предохранить «Метроном» от возможной эклектичности в таком опасном стиле, как «фьюжн» (сплав джаза, джаз-рока, фольклорной музыки, классической, песенной), определяет непохожесть, оригинальность ансамбля.

В репертуаре «Метронома» — и эстрадные песни. Но и здесь у ансамбля жесткий принцип: сохранить авторский нерв, авторский замысел. Немало найдется композиторов, с трудом узнающих свои песни под спудом аранжировок, оправдываемых модой и «лицом» ансамбля, их исполняющего. Может быть, от «яркости» этих аранжировок и бледнеет эстрадная песня?

Но песня — все-таки не ампула «Метронома». Ансамбль исполняет сложные инструментальные произведения, композиции с редкой красоты вокализмами, основываясь на классической музыке, на фольклоре, на джазовых традициях. Главная цель — победить несоместимость эстрадной и классической музыки, единый порыв — помощь слушателю в восприятии сложнейшей мелодики. Но всегда ли это удается? Конечно, нет. Иногда по самым прозаическим причинам: например, «Метроному» приходится выступать в «разбавленном варианте» — вместе с мимами, разговорниками-пародистами, даже с фокусниками. Коммерческие компромиссы — трудно преодолеваемая сила. И все же, должно быть, администрации «Метронома» не надо бояться кассового неуспеха, называя «вокально-инструментальный ансамбль» на афишах — «группой», разбивая «чужими» номерами свои концерты, увеличивая число песен, сбивая ими выбранный первоначально ритм.

У «Метронома» скоро выйдет пластинка-миньон, записанная на фирме «Мелодия». Может быть, тогда зритель пойдет на концерт ансамбля сознательно, то есть придет именно тот, кто хочет послушать музыку сложную, нестандартную. А пока публика, пришедшая на «Метроном», случайна. Зал полон зрителей, но не подобны ли они человеку, что ошибся дверью?

Не так давно из ансамбля ушел солист. Собственно, он вернулся в тот коллектив, в котором когда-то работал. Ничего особенного. Вернулся человек петь

ОМ»

обычные, «легкоперевариваемые» публикой песни, популярные, исполняемые в «доступной» манере...

Помню, как Володя Карминский загрузил тогда и кинулся менять программу ансамбля на «верные шлягеры». Помню, Алеша Шаров—соло-гитара—заговорил о том, что он неплохо фотографирует и не пора ли вообще сменить профессию. Скрипач же Толя Ерошин усиленно внушал всем, и прежде всего самому себе, что лучше уж в ресторан пойти играть, чем отречься от высокого класса музыки, променяв ее на расхожую популярность.

И, как видно, эти метания, столкновения мнений сказались на репертуаре «Метронома». Он стал «исправляться»: большие композиции на основе классики и русского фольклора постепенно разбавляются песнями, среди авторов которых—серьезные поэтические и композиторские имена. Но... Компромисс, увы, произошел, и он обязательно скажется на направлении линии поиска.

Отправимся на концерт ансамбля, куда вернулся не выдержавший испытания непопулярностью солист из «Метронома».

«Акварели». Ансамбль не самый, конечно, известный, но вот записывает четвертый «гигант», в Москве выступает гораздо чаще «Метронома» (и, кстати, реже допускает на свои концерты представителей «чужих» жанров, хотя и работает в песенной мозаичности), очень много гастролирует.

В первый ряд садится компания подростков. Из тех, от которых шарахаешься на улице. Как справится ансамбль «Акварели» с этими ребятами? Заставит ли ансамбль слушать себя? «Акварелям» это удается. Мальчишки сидят и слушают. Ну разве что иногда отпускают какие-то реплики, которые вполне в контексте стиля общения «Акварелей» с публикой.

Чем же берут публику «Акварели»? Ансамбль пока очень эклектичен. Лирическая песня «Горький мед» на слова В. Павлинова сменяется рок-ритмом «Суеты сует», и тут уж далеко до настоящей поэзии, здесь господствует расхожий штамп: «Суета сует—таков удел людской, мы у времени в плену и под его пятой». А следом на слушателя обрушивается чуть ли не криминальная история, которая, возможно, и имеет детективно-приключенческую ценность, но никак не музыкальную, хотя и облечена в песню,— «Помощь близка». Ритм, ритм—и заигрывание с молодым слушателем в текстах; все это так похоже на многие ансамбли сразу. Как ни странно, отсутствие «раздражающего» фактора нестандартности и определяет успех в молодежной аудитории. Во-вторых, артисты ансамбля безукоризненно артистичны. А следовательно, веришь в искренность того, что зву-

чит со сцены. Хотя можно говорить о бессодержательности, слушая тексты песен, но двигаются красиво. Как же иначе? Изобразительно-выразительные средства на этой проторенной дороге отточены теперь уже не одним поколением.

Здесь надо оговориться: сейчас на нашей эстраде идет напряженный поиск новых тем, новых средств выражения музыкальной мысли, новых форм. И «Акварели» тоже не исключение. Музыканты этого ансамбля уже пробуют вести разговор о социальных, нравственных проблемах, волнующих молодежь, прекрасно понимая, что эстраде подвластны более серьезные задачи, нежели бесконечные дискуссии на тему «Дождь идет, а придешь ли ты?». Так что у «Акварелей» тоже все еще впереди. Но не отбросит ли и этот ансамбль в сторону от популярности «неподъемность» поставленной задачи?

Вернемся к «Метроному». Точное и глубокое исполнение музыки не может быть помехой популярности, даже если исполняется очень сложная музыка. Но вот мы видим, как тоскливо передвигаются по сцене певцы и певицы (с лучшими вокальными данными, чем, например, у певцов «Акварелей»). О празднике говорить не приходится. Нет как будто желания высказаться, нет хорошего азарта—удивить «вопреки всему»—тех составных творческого выражения души, на которые всегда откликается молодежь.

Сколько споров было в «Метрономе» из-за костюмов—строгих синих классических троек. Попробуйте-ка простоять в таком костюме—тем более подвигаться на сцене—под лучами прожекторов, которые не только светят, но и греют. Жарко. Неудобно. «Неэстрадно», наконец. А между тем костюм на сцене совсем не мелочь—постоянный, как говорят кинематографисты, зрительный ряд, подтверждающий (или отрицающий) звучание музыки. И ансамбль решил, перепробовав несколько форм одежды, остановиться на этой—парадной, строгой.

Костюмы продуманы. Надо бы еще позаботиться о режиссуре программы, о пластическом решении композиций, о новых, соответствующих исполняемой музыке выразительных средствах.

Попади сюда та компания подростков, что сидела и слушала «Акварели»,—в лучшем для «Метронома» случае она ушла бы после первой же песни.

Что же, «Метроном» играет для избранных? И нет ансамблю никакого дела до этих мальчишек, застопорившихся на «роке»? Утверждать подобное будет неправдой. Но все ли сделали музыканты «Метронома», чтобы завоевать внимание этих подростков? Нет.

Трудно идти своим путем? Трудно. Полной выкладки, одержимости требует такой путь.

НОВАЯ РУБРИКА

Поэтический аккорд

Стихотворением поэта Альберта Кравцова мы открываем новую рубрику Клуба. Надеемся, что наш аккорд смогут взять не только профессиональные, но и самодеятельные поэты.

Ждем стихотворений, в которых слышалась бы перекличка двух славных муз.

Альберт КРАВЦОВ

Вторая симфония

Рахманиновская гроза: и молnezарный проблеск скрипки, и виолончельный ливень скрытый и блеск литавровый—

в глаза.

И над теченьем инструментов— безмолвно блестящий орган, согбенный дирижерский стан и блеск седин,

как позументов.

И смех сквозь слезы.

И слеза—

сквозь яростный порыв аллегро, и вдохновенье в свисте ветра— рахманиновская гроза.

Сквозь вопль измученной души невинный шепоток надежды: не повторится все,

что прежде

терзало,—

свежестью дыши!

Рахманиновская гроза: за нею радость,

море света,

и жизнь, и песня,

что не спета.

и небо синее—

в глаза.

Рисунок Игоря СУРОВЦЕВА

«...Очень часто по городам страны, особенно курортным, гастролируют певцы и ансамбли, забота которых не спеть и сыграть хорошо, а создать ажиотаж и побольше заработать».

Б. КЛЮЕВ,
Ялта

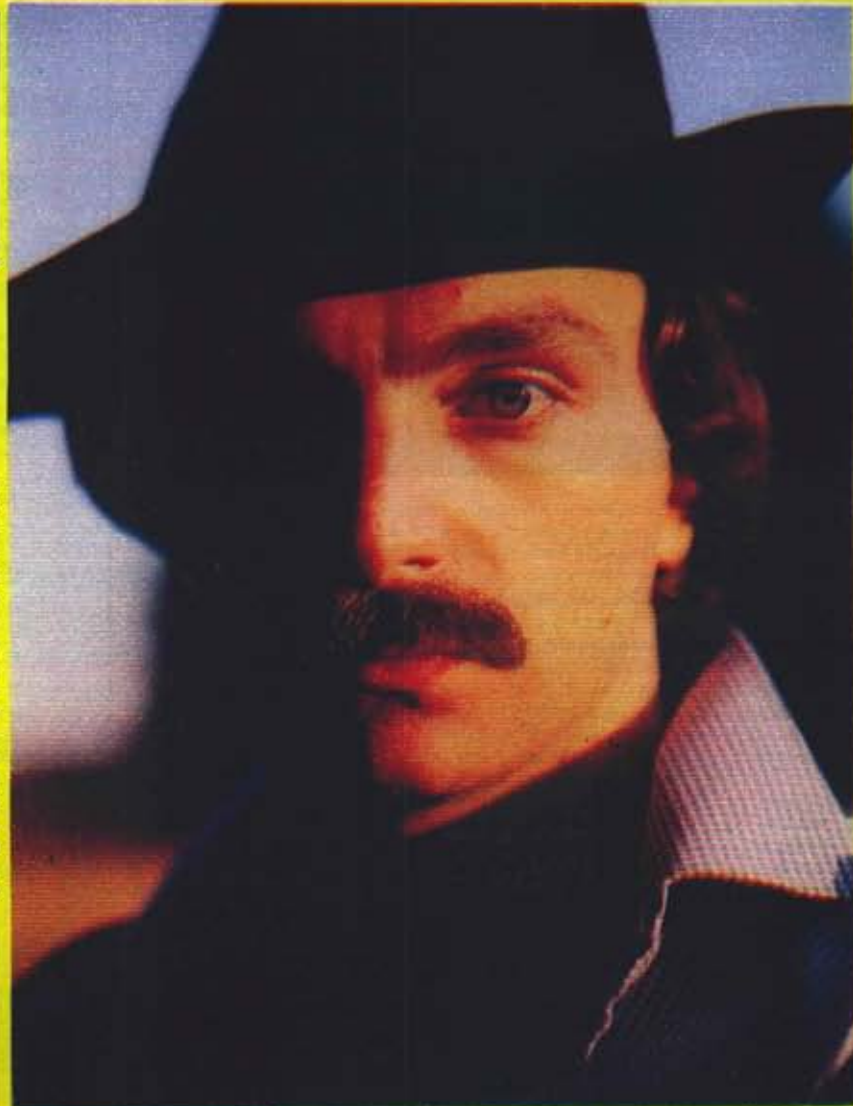
ФОКУСНИК, И НЕ ТОЛЬКО!!!

МАГ. ЧАРОДЕЙ. АРТИСТ!

Андрей КОМАРОВ.
Фото
Анатолия ИОЛИСА

Как и чем измерить артисту результаты своего труда? Ведь он дарит людям — не хочется писать слово «дает» — радость или светлую грусть, смех, слезы... Одним словом, свои чувства и мысли, реализованные в том или ином сценическом образе. А как, по какой шкале оценивать чувства и реакцию на них? Нет здесь тем более планов, перевыполнений и невыполнений... И, казалось бы, самое-то мерило — популярность. А нет — бывает она шумной, но ложной притом, когда просто контакт, может, и мимолетный, беспочвенный на поверку, рядится в одежды взаимопонимания. И артист, если верит этому, надолго оказывается

в застывшей маске, довольное выражение которой однозначно по отношению к лобному результату — уже не удовлетворяет он, но крепко держится маска...

Такое вступление наверняка потребуется читателю, чтобы осмыслить, почему Амаяк Акопян с первых же слов нашей беседы сказал, и очень напряженно: «Только не представляйте меня фокусником. Это стереотип, я прямо-таки у него в плену!» И действительно так, вот какой случай произошел с актером Амаяком Акопяном, снявшимся, кстати, в десяти фильмах. Пригласили пробовать на роль Артузова в «Крахе». «Я ликовал — серьезная работа, к тому же у меня почти полное портретное сходство с легендарным чекистом. Но попали пробы на художник, и что же... Все волею-неволей, как потом признались, ждали, что Артузов... начнет показывать фокусы. Смешно? Мне — нет, не прошел я тогда».

Амаяк — прямой наследник и продолжатель традиций классика жанра иллюзии и манипуляции Арутюна Акопяна. Достойный продолжатель: лауреат международных конкурсов и фестивалей, создатель оригинальных номеров, большой энтузиаст и, без преувеличения, эрудит своего жанра — кропотливо собирает и изучает все по его истории и проблематике. И при этом активное желание выйти за рамки своего сценического амплуа. Причина, пожалуй, в том, что, режиссер по образованию, Амаяк Акопян внутренне готов к большему, чем достиг. Иными словами, творчески не удовлетворен. И на то имеет основания, ибо неудовлетворенность эта не савансирована, а подкреплена актерской многоплановостью Акопяна. Его номера поистине синтетические: танец, пантомима и комический конферанс не соседствуют, не обрамляют иллюзии-манипуляции — это моно-спектакль «Танцующий фокусник». Амаяк специально занимался танцем, пластикой, уже будучи известен как оригинальный иллюзионист. В его планах — спектакль-пародия на всякого рода шарлатанов, прикрывающихся разного рода сомнительными «магиями». Он неожиданно обнаружил себя перед телезрителями не только остроумным и блестящим ведущим программы «Утренняя почта», но и талантливым художником... Вот в каких разных ипостасях выкристаллизовывается творческий облик Амаяка Акопяна, и все направления он, как любят говорить артисты эстрады, «работает» с постоянным упорством и, что важно, с фантазией, загораясь.

— Моя проблема на сцене: что ты можешь дать людям, актер? И не то, чтобы меня воспринимали как фокусника, совсем не из-за досужего кокетства — то, что делаю на сцене, не побоюсь сказать, мое мировоззрение. А оно рождается только на основе профессионализма, не узкого — широкого и надежного. Когда ты не фокусник, конферансье или кто-то еще, в зависимости от принадлежности к жанру. Когда ты артист, и этим все сказано о твоих возможностях.

К этому, пожалуй, и не стоит ничего прибавлять. Разве только то, что актерское лицо Амаяка Акопяна не станет застывшей маской с самодовольным выражением.

ПОЛУЧИЛОСЬ!

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

Гадалки на симпозиуме

В Париже в течение двух недель проходила «научная конференция» представителей всех сортов и видов предсказателей: магов и чародеев, тиромантов и астрологов, ясновидцев, колдунов, пророков, специалистов по гаданию на кофейной гуще, на картах, на бобах и т. п. Председательствовала «маг и чародей» Джозеф Дессюарт.

Хотя ремесло гадалок и предсказателей во Франции официально не разрешено, однако они платят подходящий налог. Их насчитывается в стране около 30 тысяч. Ежегодно во Франции люди наносят около 8 миллионов визитов к гадалкам и колдунам, братья на это почти 5 миллиардов франков.

«ИНТЕРНЭШНЛ ГЕРАЛЬД
ТРИБЮН», США

Золотоискатели XX века

В середине XVIII века Бразилия занимала ведущее место среди стран — производителей золота: ее доля превышала 50 процентов. В наши дни страна снова выдвигается в число основных золотодобывающих государств. Согласно заявлению министра горной промышленности и энергетики, в 1983 году будет добыто 40 тонн благородного металла (в прошлом году — 24 тонны). Правительство намерено расширить промышленную переработку золотосодержащих песков наряду с кустарной добычей, которую осуществляют свыше 200 тысяч «гаримпейрос» — золотоискателей, использующих традиционные орудия труда, неоднократно упоминавшиеся Джеком Лондоном в его знаменитых рассказах об Эльдorado.

«СКЫНТЕЙЯ»,
РУМЫНИЯ

МИФЫ ПОДТВЕРДИЛИСЬ

Древняя индийская эпическая поэма «Махабхарата» не является мифом. Она излагает события, которые имели место в действительности. К такому выводу пришел известный индийский археолог В. Лал, который посвятил 30 лет исследованию этой проблемы.

«Махабхарата» отражает историю борьбы за власть потомков царя Бхарата. Профессор Лал провел раскопки в местах, упомянутых в поэме, и установил, что описан-

ные события происходили приблизительно в IX—VIII веках до нашей эры. В результате раскопок, проведенных в Хастиапуре, на месте столицы одного из враждующих государств, Лал установил, что упомянутое в поэме сильное наводнение, вызванное разливом Ганга, которое разрушило город, вынудив правителей перенести столицу в другое место, произошло на самом деле...

«МОНД», ФРАНЦИЯ

Солнце и педали

На дорогах Англии с успехом прошли испытания велосипеда с солнечным двигателем, создателем которого является Аллан Фримен. Он смонтировал панель из 98 фотозлементов для подзарядки батарей в 12 вольт, приводящих в движение электромотор независимо от погодных условий. Накопленной энергии достаточно для преодоления расстояния в 50 километров с максимальной скоростью 24 километра в час. При солнечной погоде велосипедист не пользуется электробатареями: энергия от фотозлементов передается непосредственно на двигатель. Правда, скорость несколько снижается — до 13 километров в час.

«ТАЙМС»,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

НА МОЛИТВУ — ШАГОМ МАРШ!

Специальное подразделение «ГСГ-9», входящее в пограничные войска ФРГ, было создано, как сообщалось властями, «для борьбы против террористов». В программу подготовки входит, разумеется, все, что помогает воспитать «железного человека», способного с оружием в руках или без оружия, голыми кула-

ПУТЕШЕСТВИЕ В БОЧКЕ

47 дней понадобилось англичанину Эрику Петерсу, чтобы пересечь Атлантический океан в пластмассовой бочке, снабженной рулем и небольшим парусом. Его подобрали рыбаки в Карибском море у берегов Гваделупы. Стартовал «бочкоплаватель» на Канарских островах, взяв с собой лишь немного провизии и запас пресной воды. Петерс рассказал, что чувствовал себя в бочке весьма неудобно, особенно в первые дни, так как был стеснен в движениях. Чтобы «размять суставы», он каждый день плавал вокруг бочки, предварительно привязавшись к своему необычному «судну».

«НАУКА И ТЕХНИКА»,
БОЛГАРИЯ

ками одолеть любого противника. «Супермены» из спецподразделения маршируют иной раз не только на стрельбище или в зал для занятий каратэ — их ведут и в церковь. Опытным пастырям предстоит подвергнуть их «духовному массажу», чтобы привить «смелость и гражданское мужество», которые требуются при исполнении основных обязанностей «ГСГ-9» — разгоне антивоенных демонстраций...

«ШТЕРН», ФРГ

Младенцы предпочитают младенцев

Американские педиатры пришли в результате длительного наблюдения ста малышей в возрасте от трех месяцев до двух лет к выводу: самые младшие чувствуют себя наиболее спокойно, если они окружены детьми своего возраста. Им полезно ежедневно находиться в компании сверстников. Приближение незнакомых взрослых пугало малышей, они, улыбаясь, сразу же тянулись к незнакомцам своего возраста, быстро начинали с ними играть, образовывали «товарищество».

Ученые считают, что небольшие группы детей, возраст которых не превышает трех лет, могут быть своеобразными нянями во время отсутствия родителей. За эту идею высказывается и известный врач Бенджамин Спок.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

СТУПЕНИ ОТЧАЯНИЯ

В бразильских газетах в разделе «Купля-продажа» можно прочесть такие объявления: «Продам почку», «Уступлю роговицу глаза... Указывается цена или же говорится: «Оплата по соглашению». Законом такая торговля запрещена. Однако те, кто живет в нищете, не думают о грозивших наказаниях, и сделки все же заключаются. Цены, как правило, высокие, но и покупатели — люди очень богатые. Например, один бедняк из Сан-Паулу, который в течение многих месяцев безуспешно искал работу, продал свою роговицу за шестьдесят тысяч долларов.

Страшная сделка. Одна из многих...

«КОНТИНЕНТЫ», ПОЛЬША

Если вспыхнул пожар...

Пожарная охрана Берна (Швейцария) успешно опробовала гибкий спасательный рукав, сконструированный одной из финских фирм. С его помощью из опасной зоны всего за минуту можно эвакуировать 20—30 человек.

«ШВАЙЦЕР ИЛЛЮСТРИРТЕ»,
ШВЕЙЦАРИЯ

ЕЩЕ КОЕ-ЧТО О ХЛЕБЕ...

Исследования, проведенные научными сотрудниками Гарвардского университета, показывают, что хлеб успокаивает нервы. К такому же выводу пришли и специалисты ряда медицинских институтов, которые рекомендуют давать детям перед сном в качестве десерта панированные хлебцы. В то же время они не советуют употреблять на завтрак излишнее количество хлеба или хлебобулочных изделий: обладая успокаивающим свойством, они снижают уровень интеллектуальной деятельности.

«МАДЬЯР ИФЬЮШАГ»,
ВЕНГРИЯ

НАПОМИНАНИЕ О НЕДОБРОМ ПРОШЛОМ

В западногерманском городе Дуйсбурге прошла выставка под названием «Запрещено — преследуется законом!», где были собраны картины и скульптуры, изъятые в свое время из музеев и картинных галерей по приказу нацистских «культуртрегеров». В экспозицию вошли произведения Кавдинского, Кокоски и многих других известных живописцев и скульпторов. Некоторые полотна представлены в копиях: оригиналы были уничтожены как чуждые принципам и духу фашистской идеологии.

«ЮНГЕ ВЕЛЬТ», ГДР

В тот день, когда в наскучившем номере гостиницы я собирал дорожный портфель, закончив все свои журналистские дела в этом шумном южном городе, позвонила дежурная по этажу и попросила разрешения побеседовать «по личному вопросу». Клавдия Андреевна, так звали дежурную, пришла не одна, а вместе с горничной, молоденькой и милой, но какой-то не по возрасту хмурой, даже отчужденной. Впрочем, состояние это ее стало мне понятно после того, как я узнал, что с ней случилось...

Девушку в гостинице все звали Тамарой. Не Томой, а именно Тамарой, хотя ей недавно исполнилось всего восемнадцать. Звали так, наверное, потому, что уж очень редко видели улыбку на ее лице. Репутация у Тамары была безупречной. И кто бы мог подумать, что Тамара, строгая молчаливая Тамара вдруг всерьез увлечется. И кем!..

Ей как-то сразу понравился временный обитатель этого номера. Нестарый еще мужчина, аккуратно одетый, сдержанный в словах и манерах, с добрым прищуром усталых глаз. Звали его Олегом Петровичем. Вот уже пятое утро, приходя убирать, Тамара заставляла его за столом — он перебирал бумаги в толстой папке, что-то отмечал в блокноте. Когда Тамара впервые зашла в номер и увидела Олега Петровича, он поднялся, вежливо поздоровался, спросил:

— Я не помешаю?

— Вы-то нет, а вот я вам, наверное, помешаю, — сказала Тамара. — Может, убрать позже?

Она спокойно смотрела на него, ждала ответа. Он поспешил возразить:

— Нет, нет, не помешаете.

Она кивнула и принялась за уборку. Все время, пока она выполняла свои привычные обязанности, она чувствовала его взгляд на себе. А затем каждое утро неизменно заставляла Олега Петровича в номере, гадала: не ради нее ли задерживается? Хотя всегда они ограничивались лишь коротким «здравствуйте»...

Так было и на этот раз. Прибрав номер, Тамара сказала с улыбкой:

— Сегодня я сменяюсь, больше не увидимся.

Олег Петрович огорчился:

— А я уже привык к вам, привык видеть вас каждое утро. — Он растерянно пожал плечами. И вдруг неожиданно предложил встретиться вечером.

Олег Петрович работал в конструкторском бюро столичного завода и приехал в тот город на родственное предпринятие помочь инструментальщикам изготовить разработанный им новый вид оснастки для пресовых цехов. За эти дни он успел уже соскучиться по своей московской квартире и каждый вечер звонил жене. После обычных расспросов о здоровье и успехах шестиклассника-сына интересовался, кто звонил и заходил из общих знакомых в его отсутствие. В эти минуты он мысленно был дома, в кругу повседневных интересов, где все так знакомо, что стало просто обыденным, но без этой обыденности он уже не представлял свою жизнь. И вдруг эта девушка из гостиницы...

Как они и условились, Тамара позвонила около восьми вечера, коротко сказала: «Я у кафе «Космос», это напротив гостиницы. Жду вас». Ему показалось в интонации девушки нечто флировальное, подающее надежду на какие-то отношения в будущем. Олег Петрович взглянул на свое отражение в зеркале: легкий серый костюм, тщательно выбритое, с волевым, решительным подбородком лицо. Усмехнулся, иронически подумал: «Столичный донжуан в провинции».

В это кафе Олег Петрович идти не захотел, застенявшись обилием молодых людей, среди которых он выглядел бы несколько инородно, тем более с такой милой юной девушкой. Они шли по неширокой оживленной улице, молчали. Олег Петрович искал поглядывая на мягкий овал лица девушки, тугий узел золотистых волос, и в нем незамет-

но просыпалась нежность к ней. В то же время внутренний голос трезво приказывал: «Не дури, какие могут быть у тебя, солидного мужчины, чувства, переживания, да и что вообще у тебя может быть с этой юной особой?» Действительно, сколько таких у него в КБ — чистеньких, ухоженных, деловых. Ну, посмотрела на какую-нибудь просто так, безо всяких задних мыслей — мужчина же ты в конце концов. Но никогда Олег Петрович не переступал служебных отношений с сотрудницами бюро, хотя и чувствовал, что нравится женщинам. Он привык к этим деловым отношениям и потому испытывал сейчас неловкость, не находил нити разговора. И все же был расстроен, возможно, отражением своих не таких уж и далеких молодых лет, студенческих вечеринок с легкими ухаживаниями за однокурсницами, казалось, давно позабытыми. Ан нет, выходит, живет в человеке этаким петушок, павлин даже, не прочь хвост распустить при удобном случае.

— Пойдунаем в ресторане? — предложил он, полагая, что за столиком станет проще, легче говорить так, ни о чем, о пустяках, и уже жалел, что согласился на это нелепое со всех точек зрения свидание.

— Коньяк, шампанское? Что вы предпочитаете? — спросил Олег Петрович, когда они сели за столик в самом углу ресторана.

Георгий ЯКОВЛЕВ

— Не знаю. — Девушка растерянно подняла плечи. — И вообще я в ресторане впервые, даже боюсь....

— Меня, надеюсь, не боитесь? — спросил, наклоняясь к ней, Олег Петрович, понимая, что этой фразой бросает пробный шарик в развитие их отношений.

— Нисколько, — со смехом ответила Тамара, и ему показалось, что не такая уж она и наивная да и в ресторане вряд ли впервые.

...Москву дали в первом часу ночи, когда Олег Петрович, выкурив три сигареты, перебрал в памяти все подробности этого вечера. Он выпил больше обычного, захмелел, почувствовал почему-то не прилив сил в себе, а напротив, ощутил вдруг свой возраст, тяжесть устойчивых семейных отношений, понял, как он несвободен в поступках, и беспринципно загрузил. Они спустились к реке, у чутинного парашута Олег Петрович взял Тамару за плечи, заговорил о своей тоске, давнишнем желании встретиться вот такую девушку, как она, полюбить, жаловался на будничность личной жизни.

— Да и нет, собственно, у меня никакой личной жизни, — взволнованно говорил он, держа руку на плечах девушки, — одна работа, а дома только разговоры о даче и что еще достать, купить, а квартира и так словно комиссионный магазин. Жена моя — обыкновенная мешанка, а была когда-то другой, стихи любила, пела под гитару. В общем, Тамарочка, обманула меня жизнь... — И понимал, что говорит неправду: дачей больше интересуется он сам, и односторонность домашней жизни зависит прежде всего от него, от его работы, потому что жена ходит и в театры и на концерты, хотя работает не меньше. И от этой неправды в нем поднималась злость, он становился раздраженным и жалким. Сочувствие девушки он принимал за интерес к себе, гладил ее по голове, приглашал в Москву, обещал все показать, хотя сам туманно представлял, что означает это «все» и где бы он нашел время для встреч.

А Тамара в самом деле сочувствовала

этому человеку, так отличавшемуся от тех, с кем ей доводилось разговаривать раньше. Отличавшемуся и своей опрятностью, и манерами, и откровенным разговором. Сочувствовала с полным доверием к человеку, случайно встретившемуся на ее коротком жизненном пути. Потому и стерпела руку на своем плече, принимая жест за желание как-то приблизить ее к своей жизни, заботам, огорчениям, о которых он так открыто говорил. Она вслушивалась в его слова, чутко воспринимала каждую интонацию голоса и невольно думала о своей жизни, перебирая в памяти эпизоды и детства и недавнего прошлого.

Вот они всей семьей на пляже, отец сажает ее на плечи, заходит в воду до подбородка, что-то отвечает на крики испуганной мамы. Затем они все вместе, втроем, крутятся на каруселях, едят мороженое, идут в кино... И сразу все перебивает длинный больничный коридор, она видит перебинтованного отца, заплаканное лицо матери. На заводе, где работал отец, случилась авария, он участвовал в ее ликвидации, да, видно, неосторожно, — тяжелый ушиб головы и позвоночника... Два года отец лежал дома, постепенно угасая, раздражаясь на разговоры, на ее, Тамары, вопросы, на любой шум. К матери приходила подруга, продававшая из соседнего магазина, приносила бутылку вина...

Тамара закончила восьмилетку, когда

ДЕВУШКА ИЗ ГОСТ

в доме после смерти отца появился худощавый мрачный человек — отчим, от которого частенько полахивало спиртным. Работал он грузчиком в том же магазине, что и мамина подруга. Все чаще собирались они втроем, пили молча. Эти угрюмые застолья пугали девочку, она забивалась в угол, чужая, никому не нужная. А когда опьяневшая мать вспоминала про дочь и совала ей в руки то кусок колбасы, то конфету, та пугалась еще больше. Подруг дочери мать и отчим в доме не терпели, поэтому Тамара жила одна в своем маленьком мирке, придумывая истории о добрых людях, такие маленькие сказки, в которых всем было хорошо.

Все же мамина подруга, наверное, была неплохим человеком. После восьмилетки она взяла девочку к себе в магазин. Тамару оформили ученицей продавца. А еще через несколько месяцев устроила в гостиницу — всюду у нее были знакомые, у этой продавицы гастронома...

Утром Тамара заскочила в гостиницу, поднялась на свой пятый этаж. Дежурила Ядвига Петровна, по паспорту Евдокия, еще в дни розовой юности сменявшая данное ей при рождении прозаическое имя на модное, вычитанное в одном из романов. Ей было далеко за сорок, но она так и осталась Ядвигой. Эта худощавая смуглая женщина, державшаяся с многоопытной уверенностью, по непонятным даже для нее самой причинам выбрала Тамару в наперсницы и поверяла ей свою личную жизнь. Дважды она была замужем, и оба раза неудачно. Однажды улетела сразу после дежурства с полярным летчиком на Чукотку. Вернулась через три месяца, на расспросы отвечала односложно: «Да ну их с этой Чукоткой...» Только Тамара знала, что бывший летчик пил, со слезами вспоминал свою прежнюю семью, доставал фотографию девочки в школьной форме. Ядвига, поняв, что никогда не займет место незнакомой ей женщины в сердце этого очень нравившегося ей человека, без предупреждения уехала в свой город, по которому уже соскучилась. Ее вновь приняли в гостиницу, потому что она умела усми-

рять самых буйных жильцов, строго относилась к горничным, не позволяя им заводить всякие «шуры-муры». И только Тамара была ее слабостью, как она сама говорила, обнимая девушку.

— Красота девушки — это капитал, — часто поучала ее Ядвига. — Ничего ценнее нету. Не связывайся с парнями. Все эти желторотики глупые, грубые, и за душой пусто. Присмотри себе солидного мужчину, поверти им, заинтересуй, а в руки не давайся... Сам от тебя не отстанет.

Тамара смеялась над ее поучениями. Она прощала Ядвиге эти нелепые, с ее точки зрения, советы. То ли откровенностью, то ли явным проявлением симпатии Ядвига нравилась Тамаре. Даже дома, вспоминая поучения Ядвиги насчет солидных мужчин, Тамара не могла удержаться от смеха, получая замечания матери: «Чему радуешься, глупая?»

Ну как она могла объяснить, что сама-то живет ожиданием добра, верит людям и ничем эту веру в ней не искоренить.

Люди, особенно старше ее и опытнее, казались ей надежными наставниками, с которыми можно быть откровенной, ждать сочувствия, помощи. Теперь, в свои восемнадцать лет, она чувствовала, что работа в гостинице чем-то не устраивает ее, ей хочется чего-то иного, такого, чтобы не мелькали так часто чужие люди, не было этой повседневной

монотонности — стелить постели, убирать грязное белье, протирать номера. Но что надо делать для этого, она не знала. Мать советовала идти в продавцы. «Жить будешь припеваючи», — заключала она с непонятной усмешкой. Тамара не хотела работать в магазине. Надо было сделать смелый шаг — пойти учиться, хоть и заочно, ведь десятилетку она все же закончила в вечерней школе. Дома оставаться было невтерпех. Вот в это время и встретился ей Олег Петрович...

— Ну, чего ты ждешь? — говорила Ядвига, улыбаясь смущению девушки. — Никто тебя не осудит, что устроиться хочешь. Тем более с твоими-то непутевыми родителями... Не отдавай ты им деньги, — внезапно озлилась она, — а пойдй купи себе платье хорошее, чем детские донашивать...

— Не надо об этом, — просила Тамара.

...Они сидели в том же ресторане, даже за тем же столиком. Ничем этот вечер не отличался от вчерашнего, только Олег Петрович больше и веселее говорил, шутил и все просил называть его по имени и на «ты». За квартал от гостиницы он предложил:

— Зайдем ко мне?

Она покачала головой.

Олег Петрович, не скрывая своего раздражения, холодно простился с девушкой и ушел. А в номере постарался переключить свои мысли на дела...

На этом большом, новом заводе Олег Петрович был не впервые. Он любил веселых инструментальщиков, мастеров в полном смысле этого звучного, но наполовину утратившего свое изначальное значение в современном производстве слова. Если на конвейере монотонность процесса вызывала, как он говорил, вакуум мысли, то здесь приходилось работать головой. Рабочие делали мерительный и режущий инструмент, внося нередко нечто свое в тщательно продуманную геометрию фрез, резцов, пресс-форм. Олег Петрович знал, что новый директор пригласил на завод психолога, который окружил себя целой ватагой молодых специалистов и вместе с ними придумывает, как поднять эф-

фективность работы на каждом участке.

На следующий день перед самым обедом из приемной директора передали в инструменталку: звонили из Москвы, Олегу Петровичу надлежит завтра утром обязательно прибыть на завод. Оказалось, приезжают представители зарубежной фирмы, заинтересовавшиеся новыми образцами инструмента со скоростными режимами резания, и его, Олега Петровича, объяснения необходимы. Пришлось быстро заканчивать все дела, мчаться в кассу Аэрофлота. Он купил билет на ночной самолет, в гостинице быстро собрался и стал ждать семи часов.

Тамара позвонила без опоздания, и Олег Петрович сказал глухо в трубку о том, что обстоятельства изменились и он срочно уезжает, но на прощание должен сказать ей нечто важное и потому просит сделать исключение из своих правил и правил гостиницы и зайти для этого последнего разговора к нему в номер. Тамара согласилась.

— Ты куда? — спросила мать, видя, как Тамара надевает свое лучшее платье.

— Надо, — отрезала она. — С человеком одним хорошим посоветоваться хочу. Приезжий он, москвич...

— Ты моих советов слушай, — завелась мать, — а не всяких там приезжих. Знаем мы этих мазуриков, у них одно на

разному все в жизни складывается. Но что-то ведь надо сделать для себя, а вот что? Овладеть профессией? Замуж выйти удачно? Знаете, сколько девочек у нас ищут красивой жизни, а потом в больницы попадают...

— Почему в больницы? — не понял Олег Петрович.

— Вы как маленький, будто сами не знаете...

Почему-то эта фраза подстегнула Олега Петровича. Еще раз он жадно выпил, досадуя на свою нерешительность. И подумал, что, быть может, девушка сама ждет от него большего внимания, к которому наверняка привыкла, гуляя с парнями, а он миңдалничает. Олег Петрович пересел на кровать, позвал:

— Иди сюда.

Тамара подошла, и он потянул ее к себе.

— Пустите меня, — сказала она глухо и, поскольку он не отпускал, уже зло бросила: — Да пустите же! — Резко оттолкнула его, отошла к столу.

Он сидел на кровати, взявшись руками за голову, тяжело дышал.

— Это и все, что вы хотели мне сказать?

— Сказать? А что я тебе должен сказать? — Олег Петрович поднялся. — Считаю, что поймала дурака, который водил тебя по ресторанам...

— Что вы говорите? — уже со слезами на глазах сказала Тамара, еще не веря, что слышит все это от такого обходительного и культурного человека. — Вы же сами...

— Могла отказаться, — бросил он, беря портфель. Рывком отворил дверь. — Будем считать, что я сдал номер.

Тамара слышала его шаги по коридору, слышала, как звякнула дверь лифта. Когда Ядвига заглянула в номер, Тамара лежала вниз лицом, прижимаясь к чужим грязным простыням, и плакала.

— Что случилось? — с тревогой спросила Ядвига, но ответа, как ни попыталась, так и не получила.

Утром, как всегда, Тамара пришла принимать смену, глаза у нее были заплаканные, и напарница спросила:

— Что-нибудь дома?

Тамара молча кивнула. В гостинице все знали, что дома у Тамары неблагополучно, жалели ее, и потому в тот день никто не задавал никаких вопросов...

И вот через год я вновь оказался в этом городе, остановился в той же гостинице. А вечером пришел на другой этаж повидаться с Клавдией Андреевной. Она рассказала, что Ядвига по требованию коллектива рассчиталась и уехала неизвестно куда. А Тамара... И вдруг я увидел Тамару, забежавшую «на минутку». По направлению гостиницы она теперь училась в техникуме коммунального хозяйства, жила в общежитии, получала стипендию. По ее лицу, настроению чувствовалось, что живет этой хорошей, скромной девушке легко и радостно. Как это и бывает с людьми, неожиданно сбросившими с себя какую-то тяжесть.

Я не стал задавать вопросов — не хотелось омрачать ее настроение. А вернувшись в Москву, решил позвонить Олегу Петровичу. Когда я начал говорить о Тамаре, он нервно перебил, что это не телефонный разговор, и через полчаса был в редакции. Приятный, обходительный человек, с добрым лицом и усталыми глазами. Разговор у нас не клеился, и он на прощание, беспомощно прижав к груди руки, попросил: «Надеюсь, вы понимаете... У меня семья, я на хорошем счету. Если моя фамилия появится в прессе, то...» У двери он обернулся, спросил: «Может, ей нужна моя помощь?»

Ну что ему можно было ответить? Только, пожалуй, то, что да, конечно, Тамаре тогда требовались сочувствие, помощь. Даже не помощь, а скорее добрый совет, подсказка разбирающегося в житейских делах доброжелательного человека. Но, к сожалению, тогда, год назад, Олегу Петровичу это не пришло в голову.

Владимир ГОЦУЛЕНКО

Прощание с Одессой

«...На прогоны к месту назначения по числу верст 1621, на три лошади выдано ему денег 389 руб. 4 коп.»

Из донесения одесского градоначальника графа Гурьева графу Воронцову. 22 июля 1824 г.

Теплое море.
Зыбь, словно строчки.
Музыка лета — тихий прибор.
Синие дали.
Синие очи.
Синее небо и день голубой.
Полдень в Одессе.
Снова цыганки
страстно и искренне лгут наугад.
И золотые
царской чеканки
в смуглых ладонях,
как угли, горят.
Славно гадают!
Пушкин хохочет —
он не внакладе,
доволен вполне.
Все, что желает,
вмиг напорочат
счастье любое —
по сходной цене.

Только уже заготовлена смета —
все до копейки в ней учтено.
Есть предписание на имя поэта,
и под расписку ему вручено.
В путь.
И нет смысла
строить догадки, —
«Быть по сему!» —
этот почерк знаком.
Вот рассчитался Пушкин
с долгами
и остается опять должником.
Книги увязаны.
Собраны вещи.
Сборы привычны и коротки.
Грустно прощаться:
все же — навечно,
и расстояния так далеки.
Южное лето. Черные ночи.
Жгучие ветры. Грозный прибор.
Черная шаль и черные очи.
Черное, как саранча, —
над судьбой.
Полночь в Одессе.
Темно и печально.
А над листками черновика
свечи уже догорают прощально.
И начинает светиться строка.
Трудно предстать,
как бесконечна
эта дорога в опальные дни.
Черное море...
Черная речка...
Черные кони...
— Ну, с богом. Гони!

В Михайловском

Гусиное перо
и белоснежный лист.
От канцелябра тень,
как вскинутые руки.
А в роще над рекой
невидимый флейтист
на уровне небес
испытывает звуки.

Как уповает он,
крылатый музыкант,
на счастье в судьбе.
О, как он уповает!
Свободой окрылять —
вот истинный талант —
на уровне небес,
а ниже не бывает.

С высокого крыльца
неведомой судьбы,
где ветру нет преград
да тучи вместо крыши,
почудился вдали
мятежный звук трубы —
на уровне небес,
а может быть, и выше.

Гусиное перо
и звук издаലെка.
Смелей труби, трубач, —
осталась клятва в силе.
И Сорочь под рукой —
небесная строка
на титульном листе
сказанья о России...

Римма ЧЕРНАВИНА

Избытком счастья,
Сбыточностью грез
Сияло дерево в убранстве дорогом.
По веткам, веточкам, ветвям
Дрожали, волновались и лились
Живые, трепетные листья
Туманным утром
В декабре.
Теплом томительным согрето,
Поверив в собственную силу,
Запело дерево...
И снег пушистый на ветвях
Растаял,
И тихо прослезилась ветки.
Но солнце засияло ярко,
И с глаз спадала пелена...
И неприглядность голых веток
Разоблачала без стыда.
А солнце, укоризненно сверкая,
Смотрело дереву в глаза
И вытирало рукавом
В слезах страдающие ветки,
Простой, как мир,
Пример являя
Несбыточности грез.

Борис СВЕРДЛОВ

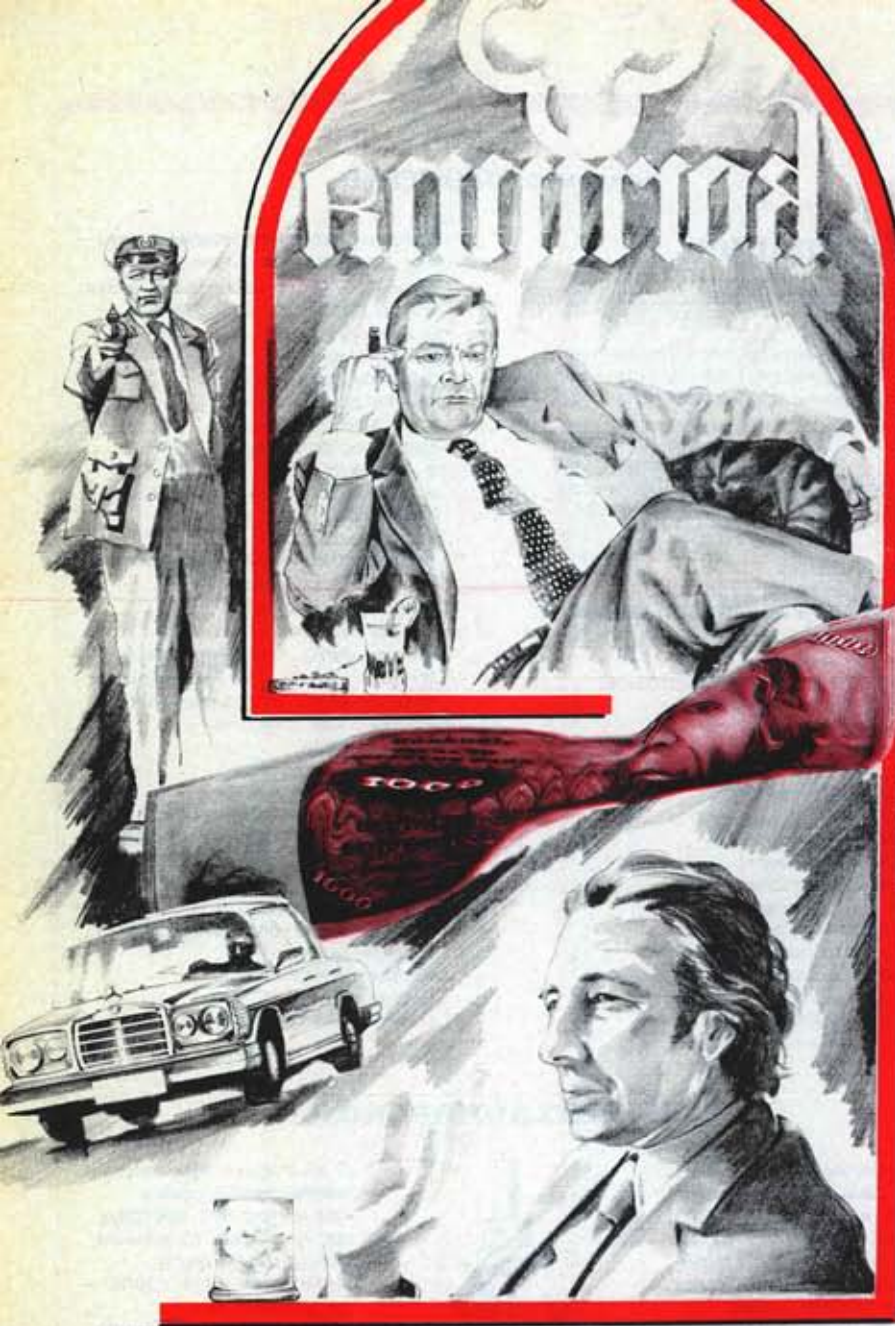
Буксир

Над мачтой ковш
Медведицы повис.

Он синевой
заполнен до отказа.
Плывет буксир,
плывет по Волге вниз,
И кажется,
что ковш
к нему привязан.

Нерасторопен.
Фыркает, дрожит,
А за кормой
разбухшая баржища,
Держась за трос,
к себе приворожив,

Подмять его
пытается под днище.
Она его считает протачком,
Потрепанным
за пройденные мили.
А он себе навалится бочком,
Чуть зачерпнет,
но все же пересилит!

Рисунок
Виталия ФЕДОРОВА

ЗАМЖИ КР

Вольфганг КИНАСТ,
ГДР

ПОВЕСТЬ

Перевод с немецкого
Льва ДЫМОВА

Иштван Тот смотрел на детектива Петера Гермеса, который задумчиво сунул в рот стручок перца. Старший репортер газеты «Штеглицер-фольксблатт», венгр по происхождению, любил завтракать в этом венгерском ресторане на тринадцатом этаже небоскреба «Европа-центр». Его влекли сюда и тоска по родине и чревоугодие, ибо к завтраку, состоящему из острых блюд вроде настоящей салями и безобидного на вид перца, всегда были и душистый черный кофе и доброе красное вино.

Петер Гермес начал жевать стручок и вдруг замер. Лицо его исказилось, на глазах выступили слезы, и он стал жадно хватать ртом воздух. Тот налил в стакан вина из графина и с сочувствующим видом протянул его страдальцу. Детектив осушил стакан одним глотком и дрожащей рукой наполнил его до краев.

— Черт возьми! — сдавленно прошептал он. — Черт, черт возьми!

Детектив был невысокий, щегольски одетый человек тридцати трех лет. Когда-то он занимался боксом, сумел подняться до олимпийского уровня и завоевать серебряную медаль, но потом стал профессионалом и быстро скатился вниз. Профессиональный спорт выжал и высосал его как лимон: теперь Гермес был жалким подобием прежнего себя, человеком без будущего и без настоящей профессии. Он стал детективом и проводил расследования для газет, любивших «острые штучки».

— Ну, так что там у тебя? — спросил Гермес после третьего стакана. Он вздохнул и с ненавистью посмотрел на тарелку с невзрачными, но жгучими стручками.

— Дело Претцила, — ответил Тот. — Оно тебе знакомо?

Гермес поднял глаза. Он сидел напротив окна, и утреннее солнце заставило его зажмуриться.

— Нет как будто.

— Претцил — это полицейский, который четыре

месяца назад застрелил автомобильного вора Тэлле. Все еще не припоминаешь?

— Полицейские в последнее время стреляют часто и без особых причин. Об этом деле я слышал, но очень немного, так что не могу сказать, что знаком с ним.

— Ты любишь точные формулировки, — вздохнул Тот. — Но так просто ты от меня не отделаешься. Тэлле украл «мерседес» некоего Штомпса, который живет на Аугсбургерштрассе. Этот Штомпс часто бывает в одном низкопробном баре на Кантштрассе. По официальной версии управления полиции, Тэлле на украденном автомобиле поехал прямо к этому бару. И вот Штомпс выходит на рассвете с другом из бара и видит прямо перед собой свой автомобиль. А вещица дорогая, между прочим, модель 240 СЛ, кремового цвета. Штомпс зовет на помощь полицейского, и втроем они бросаются на вора. Завязывается потасовка, во время которой и прозвучал роковой выстрел. «В порядке самообороны», так как вор сделал подозрительное движение. Полез в карман за оружием или чем-то там еще.

— Ну, и?..

— С тех пор прошло, как я уже сказал, четыре месяца, и похоже, что назначенная специальная комиссия хочет замять это дело. Не без основательных причин, конечно. Выстрел был сделан из служебного пистолета Претцила, а те двое, я имею в виду Штомпса и его друга, — заметные люди в местной гангстерской организации.

— Факты? — коротко бросил Гермес.

— Получишь ты свои факты. Начальник полиции Вегнер находится сейчас под огнем общественной критики. Кресло под ним шатается. Может статься, что хорошо проведенное следствие выявит чересчур много грязи и вся полиция не справится с этим скандалом. А слишком нервный полицейский — версия вполне безопасная.

— Факты? — повторил Гермес.

— Уже перехожу к ним. Штомпс — крупная фигура в организации, которая контролирует преступный мир

к северу от Курфюрстендамм. Второй тип — его телохранитель. Самооборона как мотив убийства вызывает немало сомнений. У Тэлле не было никакого оружия, кроме карманного ножа. Им разве что яблоко очистишь... Кроме того, Тэлле стреляли в спину.

— Я вот что скажу, — заявил детектив. Он наполнил стаканы, выпил и обтер салфеткой рот. — Вино хорошее, — продолжал он, — а я жив и здоров. Раз в неделю я хожу в кино, раз в месяц — в театр. Я читаю и занимаюсь спортом, иначе говоря, живу и хочу жить.

— К чему ты клонишь?

— Жизнь доставляет мне удовольствие. А на кого ты хочешь меня напустить? На начальника полиции? Он каждые два года продлевает мою лицензию. На Штомпса? Он меня сжует и не заметит. Если твои соображения верны, этот незначительный, безобидный автомобильный вор был членом упомянутой организации. Потом его приговорили к смерти, а Претцила назначили палачом. Значит, этот полицейский, а вероятно, и еще многие другие полицейские в руках у организации. Если такое положение дел станет известным широкой общественности, с Вегнером покончено. Поэтому он сделает все, чтобы истину скрыть. Организация, со своей стороны, вложила в подкуп полиции кучу денег. Так что и она сделает все возможное, чтобы избежать огласки. Мне нравится жизнь, Иштван, и я не хочу ее укорачивать.

— Если мои соображения верны, общество в опасности, — с горечью сказал Тот. — Я — это «Штеглицер фольксблатт», и я хочу призвать общество к бдительности. За тобой стоит газета, за тобой стоит все общество. Ты детектив, Петер Гермес, и сам выбрал эту профессию. Кстати, «Фольксблатт» платит тебе неплохие гонорары...

Детектив покачал головой, глядя на Тота.

— Это ваша игра. Вам нужно выдерживать конкуренцию с газетными концернами, телевидением, радио. Взывать к бдительности общества, будоражить его? И долго вы этим будете заниматься? До следующего номера газеты? Или до очередного угона самолета? Он поднялся.

— Это не моя игра, Иштван, в ней слишком высокие ставки. Пойми это.

— Жаль, что наше многолетнее сотрудничество кончается так печально, — жестко сказал Тот.

Петер Гермес замер.

— Мы думали, что можем на тебя положиться. Я считал тебя самым подходящим человеком. Чем ты теперь станешь заниматься?

Детектив медленно сел на свое место. Он смотрел мимо Тота, на девушку в венгерском национальном платье, которая убирала грязную посуду с соседнего столика.

— Я понял, — пробормотал он. — Детективов больше, чем мужчин, которые могли бы их нанять для слежки за своими женами. А в газетной сфере мне уже не работать. Я могу переqualificироваться в гостиничные детективы или играть вместе с вами. Правильно?

— Правильно. Мы не требуем, чтобы ты похвтал их всех за шиворот. Просто собирай информацию. Найми столько людей, сколько считаешь нужным. Мы все оплатим. Нам нужно знать, почему умер автомобильный вор и почему его убил полицейский. Ты все это выяснишь. А мы никогда не жертвуем своими людьми, можешь не беспокоиться.

Гермес беспомощно пожал плечами.

— Вы платите, — кисло сказал он. — Это все, на что вы способны, — платить. Хорошо, я продаю свою шкуру. Черт возьми, это именно так.

Бар «Коринна» располагался на углу Кантштрассе и выглядел весьма неприглядно, напоминая лавку старьевщика. Маленькое, упрямое за вычурной

решеткой окно подслеповато выглядывало в мир. Дверь была широка лишь настолько, чтобы пропустить широкоплечего человека, и как раз такой широкоплечий парень в ливрее и перчатках стоял на пороге, определяя опытным глазом, кого можно впустить. Бар открывался в десять вечера, а закрывался, как правило, когда начинала работать пивная напротив — ранним утром.

Швейцар был на две головы выше Гермеса и, естественно, посмотрел на него сверху вниз. Выгляд он довольно добродушным, что часто свойственно силачам, и Гермес знал, что персонал подобного гангстерского притона должен быть трезвым на работе. Такие люди с благодарностью берут чаевые и больше ни о чем не беспокоятся. Пятимарковая банкнота сотворила радостную улыбку на лице чербера.

— Столик или место у стойки? — спросил он.

— У стойки, — сказал детектив.

Его провели через тускло освещенный зал к табуретке, зажатой между стойкой и разделявшей зал перегородкой. За ней немолодые уже музыканты, весьма смахивавшие на постаревших «битлов», тянули втроем что-то американское, покачиваясь вразнобой.

В целом обстановка в баре напоминала эпизод из очень старого детективного фильма.

Девушка за стойкой подошла к Гермесу, молча и вопросительно глядя на него.

— Один штайнхегер¹, — попросил он.

Девушка принесла рюмку, и Гермес спросил:

— Выпьюте со мной что-нибудь?

Она покачала головой и принялась протирать стаканы. Время от времени она поглядывала на своих

УТЫИ

клиентов — кроме Гермеса, за стойкой сидели еще двое.

Гермес заказал вторую порцию штайнхегера.

— В таком городе чувствуешь себя очень одиноким, — сказал он.

Девушка небрежно улыбнулась.

— Вы не здешний?

— Из Вестфалии.

— Я родилась в Люденшейде, — заметила девушка.

— Это в наших краях...

— А выросла я здесь.

Он посмотрел на девушку. Фигура была еще хороша, а лицо выглядело помятым, и этого не мог скрыть даже тройной слой косметики. Гермес впервые был в «Коринне», но девушка показалась ему знакомой.

— Коринна. Ну конечно, Коринна Калви. Когда-то я собирал ваши диски. По такому случаю еще один штайнхегер...

Она с задумчивым видом наполнила его рюмку.

— Это было давно. А теперь, как видите, я хозяйка питейного заведения.

Она, казалось, сразу постарела на несколько лет, грустным взглядом окидывая свои владения.

— Третья рюмка будет за мой счет. Кстати, вы несколько не похожи на провинциального дядюшку.

— Спасибо. Провинциальные дядюшки любят это слышать.

Коринна наклонилась к нему, в голосе ее зазвучали визгливые нотки.

— Я не вчера родилась, а с некоторых пор мой бар стал особенно популярен. Сюда многие заходят, но никому еще не приходило в голову выдавать себя за провинциала. Вы зачем сюда пришли? Лучше уходите, многим не нравятся такие, как вы.

— А за кого вы меня приняли? — спросил детектив. Он был зол на себя. Если Коринна смогла так легко его раскусить, для Штомпса и его людей это будет детской игрой...

— Прошу меня извинить, но вы ошибаетесь. Я хотел немного выпить, поболтать, вот и все.

По тому, как подергивались у нее веки, детектив понял, что она ему не верит. Потом Коринна на мгновение зажмурилась глазами. Двое мужчин в светлых костюмах взошли на табуретки рядом с Гермесом.

Гориллы, подумал он. Это гориллы. Фигуры у мужчин были как у швейцара, а лица того типа, который обычно ассоциируется с телохранителями крупных гангстеров в кинофильмах.

— Два сока, Корри, — сказал сосед Гермеса. Он повернулся к детективу спиной, и пиджак, казалось, трещал на его широченных плечах.

— Я не понимаю, что вам от меня нужно, — сказал Гермес Коринне.

Она не удостоила его взглядом. Зато повернулся ближний к нему «горилла».

— Пардон, приятель, — прохрипел он. Поворачиваясь, он чуть не сбросил Гермеса с табуретки и вдруг как-то демонстративно удивился: — Какой ты маленький, приятель. Ты кто такой, а?

— Я уже сказал хозяйке, но она мне не верит.

— Он приехал из Вестфалии, — быстро проговорил Коринна.

Горилла хлопнул себя по бедру.

— Из Вестфалии — ты слышал, Гонщик? Из Вестфалии. «Коринна» уже выросла до двух звездочек в Бедекере².

— Это получилось случайно, — пробормотал Гермес. — Я проходил мимо, вот и заглянул.

Спутник Гонщика положил детективу тяжелую руку на плечо.

— Здесь что-то не так. Верно, Корри?

Коринна зло посмотрела на него.

— Оставь человека в покое. Он уже собирался уйти.

— Уйти? — удивился Гонщик. — Толстяк, ты хочешь его отпустить?

— С «Коринной» что-то не в порядке, — сказал тот, кого назвали Толстяком. Он с притворным восхищением посмотрел на Гермеса. — Он такой маленький, что я поверить не могу. И такой весь расфуфыренный. Корри, дай мне соку для малыша.

— Он пьет штайнхегер, — резко ответила Коринна, — и он хочет уйти.

Толстяк опять внимательно посмотрел на Гермеса.

— Эй, да ты настоящий мужчина! Штайнхегер. Это для крепких ребят, а? Корри, дай ему сто граммов штайнхегера.

Коринна кивнула. И тут же прошипела Гермесу:

— А потом сразу уходите. Вы и так пьяны.

Петер Гермес чувствовал, как водка туманом застилает ему голову. Что эти двое хотят с ним сделать? Не могут же они взять да избить человека, который случайно оказался рядом с ними в баре. К тому же настроение у них будто неплохое. И в конце концов сюда он пришел именно ради таких вот типов.

— Но что же случилось с «Коринной»? — спросил он у Толстяка.

Тот угрожающе улыбнулся, а Гонщик подхватил:

— В твоей деревенской газете об этом не писали, малыш? Выпей еще рюмочку. А то ты не очень веселый. Почему ты не смеешься?

— А что смешного?

— Послушай-ка, Гонщик. С нами говорит философ. Что тут смешного, Гонщик?

— Хочешь девочку, малыш? — спросил Гонщик. — А ну, оглядись по сторонам. Или, может быть...

— Заткни пасть, Гонщик, — сказал Толстяк. Он вдруг посерьезнел. Поджав губы, он положил растопыренные ладони на стойку. — Заткни пасть. — Это было сказано еще более громко и грубо. — Перед тобой человек изысканный. Вестфалец.

Внезапно его громадные руки схватили Гермеса за отвороты пиджака.

— Ты вестфалец, да?

— Оставь его, Толстяк, — вмешалась Коринна Калви. — У нас ведь тут всегда сидит полицейский. Ты это знаешь. Он вон в том углу.

Толстяк отпустил Гермеса.

— Да, малыш. За нами теперь приглядывает легавый. Корри, дай вестфальцу еще один штайнхегер, а легавому отнеси коньяк. Да здравствуют легавые...

— Я бы не хотел больше пить, — сказал Гермес. Он чувствовал себя изрядно пьяным, в голове звенело. Громилы просто играли с ним, а заодно издевались

над сотрудником уголовной полиции, который после происшествия с автомобильным воров постоянно присутствовал в «Коринне». Это была открытая слежка, полицейский нисколько не маскировался. Но, возможно, такое поведение имело свой особый смысл...

Коринна Калви смотрела попеременно то на Гонщика, то на Толстяка. Потом она медленно перевела взгляд в глубь прокуренного помещения — туда, где сидел полицейский. В глазах ее читалось нечто вроде мольбы о помощи.

— Пей, вестфалец! — приказал Толстяк.

— Но я правда больше не могу.

Толстяк опять схватил его за отвороты пиджака.

— Мы что, для тебя недостаточно хороши, а?

Хватка у него была железная, так что детектив почувствовал себя в своем пиджаке как в смиренной рубашке. Несколько мгновений они молча смотрели друг на друга.

— Прекрати, Толстяк. Веди себя прилично.

Глаза Толстяка расширились и округлились. Он сразу отпустил Гермеса. Голос, негромкий и властный, принадлежал человеку, который стоял за спиной детектива.

И человеком этим был Штомпс. Гермес, полуобернувшись, тотчас узнал его.

Штомпс выглядел весьма достойно — как, например, крупный промышленник на деловой встрече. Он был хорошо пошит, модно пострижен, одет элегантно, в несколько старомодном стиле, с намеком на «ретро». И ни в чем не сквозила даже тень той жестокости, которую приписывала молва этому боссу гангстеров. Но все же это был, несомненно, Штомпс: Иштван Тот передал Гермесу целую коллекцию фотографий, запечатлевших гангстера в самых различных ситуациях.

Штомпс с извиняющейся миной на лице повернулся к детективу. Он улыбнулся и от этого стал выглядеть еще симпатичнее. Серьезный человек, который хочет отвлечься от забот в ночном баре...

— У моего друга очень своеобразный способ выражать симпатию, — сказал Штомпс. — К сожалению, его часто неправильно понимают. Простите ему эту бестактность.

— Хорошо, — пробормотал Гермес. Он поправил пиджак и улыбнулся. — Я из провинции, знаете ли. Мы там не привыкли к городским шуткам.

— Ты слышал, Толстяк? Я ведь тебе уже говорил, чтобы ты перестал изображать из себя пугало. Придется подарить тебе книгу о хороших манерах.

Толстяк пробурчал что-то невнятное, а Гонщик искоса наблюдал все происходящее. Безобидная гора мяса, неспособная на мыслительные процессы, но зверь, если его разозлить... Гонщик принадлежал Толстяку, а тот — Штомпсу. Детектив с ужасом подумал, какой властью обладает Штомпс над этой странной упряжкой.

— Выпьюте со мной что-нибудь? — любезно спросил Штомпс. — Так сказать, в знак мира и дружбы.

— Я уже пьян, — сказал Гермес. — На улице был дождь. Поэтому я зашел сюда. Выпил несколько штайнхегеров один за другим. Потому что узнал ее. — Он показал на Коринну, которая, хотя и казалась полностью поглощенной приготовлением напитков, боязливо прислушивалась к каждому слову Штомпса.

— Она была когда-то звездой. — Глаза Штомпса на мгновение затуманились печалью. — Мы стареем, с этим ничего не поделаешь. Выпейте «Устрицу пустыни», от этого коктейля трезвеют.

Он весело рассмеялся и доверительным жестом положил руку на плечо Гермеса.

Гермес заметил, что, несмотря на мирный поворот событий, беспокойство Коринны нисколько не уменьшилось. Значит, следует соблюдать осторожность! Штомпс, конечно, тоже ведет свою игру, но искуснее, чем его гориллы. У них тут у всех аллергия к чужакам, все недоверчиво, чего-то боятся. Пресса настолько раздула этот недавний случай, что теперь речь уже не просто о досадном скандале. Начальник полиции Вегнер должен действовать решительно, если хочет сохранить свое кресло...

Что же, спросил себя Гермес, кроется за всем этим? Молодой человек крадет стоящий у дома на Аугсбургерштрассе «мерседес». Он проезжает на нем через весь Западный Берлин и оказывается наконец у бара «Коринна», где часто бывает хозяин машины. В ходе дальнейших событий обермейстер полиции Претцил убивает вора.

Штомпс производит впечатление человека хладнокровного. Можно не сомневаться, что все его действия строго рассчитаны. Он очень богат и в состоянии каждый месяц покупать «мерседес-240СЛ». Не верится, чтобы такой человек впал в

¹ Сорт можжевеловой водки (прим. переводчика).

² Путеводитель, издаваемый фирмой Бедекер (прим. переводчика).

истерии, неожиданно увидев на улице свою украденную машину. Вероятнее всего, он напустил бы на Тэлле своих горилл. Если только... да, если парень не заслужил смертного приговора чем-то иным.

Штомпс смотрел в лицо Гермесу и постепенно серьезнел.

— Вы спите? — спросил он. И сам ответил: — Нет, вы не спите. Вы хотите уйти отсюда. Неужели Толстяк и Гонщик так сильно вас напугали?

— Они действительно показались мне грубоватыми, — неуверенно ответил Гермес. Он рассеянно потер шею. Когда Толстяк схватил его за отвороты пиджака, шейные хрящи подозрительно хрустнули.

Штомпс пододвинул к нему стакан с «Устрицей пустыни» и сказал:

— Выпейте, вам сразу станет лучше.

Сам он тут же хлебнул из своего и поморщился.

— Мне этот коктейль не нравится. Я его плохо переношу. Так из каких вы мест?

— Из Вестфалии.

— Вы шутите. У вас неподдельно точное местное произношение, так что вы родом в крайнем случае из Бранденбурга или Лаузица. Но ведь это не так?

— Это не так, да.

Штомпс махнул рукой.

— Меня это не касается. Дело просто в том, что несколько месяцев назад здесь случилась беда. И коснулась она меня. Меня и Толстяка. А Толстяк более чувствителен, чем я. У него сейчас прямо мания преследования.

Игра, подумал Гермес. Шахматы без доски и фигур, и Штомпс владеет этой игрой превосходно. Он ведет наступление, и слова его образуют прикрытие, из-за которого он сможет нанести удар. Дебют он уже выиграл. В такой игре нужно уметь использовать случайности и их влияние. Ну что ж, теперь ход его, Гермеса...

— Толстяк упомянул о легавом здесь, в баре.

— Да вы посмотрите на него, — ответил Штомпс, кивнув на Толстяка. — Он похож на громилу, а в действительности это робкое дитя. К тому же мой друг. Он вмешался в это дело, потому что хотел мне помочь. А его разукрасили в газетах, на улице люди показывают на него пальцем. И, наконец, здесь каждый вечер сидит сотрудник уголовной полиции. Из-за него. Мне очень жаль.

— Если это так, мне тоже жаль.

— Это так. Однажды вечером кто-то украл мой автомобиль, стоявший у двери дома. Какой-то глупый парень лет двадцати или еще меньше. Я об этом ничего не знал. А когда рано утром вышел с Толстяком из бара, вдруг увидел свою машину, которую всю ночь не трогал с места. Естественно, я сразу побежал за полицией, и недалеко как раз оказалась полицейская машина. Толстяк на всякий случай остался. Когда я вернулся с полицией, он уже держал того парня за шиворот. Я бросился ему на помощь, полицейский следом за мной, и тут вор полез в карман. За ножом, револьвером или еще чем-нибудь. Послышался негромкий хлопок, и парень упал как мешок с песком. Я не обратил внимания на этот звук, так как был очень взволнован. Оказалось, что это стрелял полицейский и попал в вора.

— Неужели? — сказал Гермес.

— Это был полицейский, — продолжал Штомпс. Голос его поднялся, стал звучным, как будто он вел репортаж о боксерском матче. Потом голос стал неприкрыто насмешливым. — Пресса, конечно, подняла вой, стала кричать об убийстве, и с тех пор из полиции присылают сюда своих людей. Все хотят доказать то, что доказать невозможно. А именно: что полицейский стрелял по нашему указанию. Ну, как вам это нравится?

Гермес ничего не сказал. Он знал, что партия развертывается в пользу Штомпса. Тот снимал с него маску кусок за куском, притворяясь, что искренне все рассказывает. Получалось довольно ловко. Штомпс соорудил шаткие мостки между собой и детективом и ждал, готовый в любую секунду их разрушить. Сейчас он терпеливо выжидал, какотреагирует Гермес.

Осушив бокал, Штомпс рассеянно уставился на Коринну Калви.

— Вы всем рассказываете эту историю? — спросил детектив.

Это было ошибкой. Гермес понял это по тому, как напряглось лицо босса гангстеров. Штомпс поджал губы, от уголков носа и глаз пролегли резкие складки.

— Не всем, — сказал он сухо. Однако через несколько мгновений доверительная улыбка вновь заиграла на его лице. — Давайте перестанем играть в прятки, мой мальчик. Ты берлинец, как и я. С тех пор, как газеты начали забрасывать меня дерьмом, сюда много кто приходит. Доходы Коринны увеличились. Я смотрю на лица гостей, мы накачиваем их допьяна, и пьяненькими они вылетают на улицу. И вот появля-

ешься ты, малыш. Я не идиот. Если бы я не умел разбираться в людях, то при моих-то занятиях давно бы пошел ко дну. Еще водки?

— Да, — автоматически ответил Гермес, и Штомпс сделал знак Коринне. Детектив взял новый стакан и быстро осушил.

— Сколько ты стоишь? — спросил Штомпс без всякого перехода.

— Что это значит?

— Я дам тебе тысячу, и мы больше никогда не увидимся. Ты не будешь раскаиваться, потому что все произошло именно так, как я рассказал. Но я хочу жить спокойно. О'кей?

— О'кей! — согласился Гермес. Он все проиграл. Делать больше нечего. Завтра он объяснит это Тоту и откажется от поручения.

Он рывком поднялся с табуретки.

— Мы больше не встретимся, а сейчас я ухожу. Деньги можешь оставить себе, я их не возьму.

Только теперь Гермес заметил, как сильно он оляпнул. К горлу подступала тошнота, воздуха не хватало. Он пошел к двери медленно, неуверенно, не заплатив по счету, но никто его не окликнул.

Свежий воздух немного его оживил. Гермес дышал глубоко и с настроением, впервые радуясь тому, что не выполнил поручение, которое с самого начала так ему не понравилось. Совсем незачем связываться со Штомпсом, который уже много лет контролировал промысел уличных девок и пивные заведения к северу от Курфюрстендамма — на одной из территорий, находившихся под влиянием гангстерской организации, работавшей более отлаженно и эффективно, чем любой индустриальный концерн.

С площади Карла-Августа донесся одуряющий аромат вянущих цветов. Из аллеи вышел человек — массивная тень на тусклом фоне. Гермес прошел мимо.

— Эй, приятель! — услышал он за своей спиной. Голос явно принадлежал Толстяку.

Гермес весь напрягся. Как хорошо, что когда-то он занимался боксом и дзюдо. Он посмотрел в сторону Толстяка, но тут же заметил тень Гонщика справа. Тяжело вздохнув, Гермес отдался на волю судьбы. Против двух типов такого калибра он бессильен.

Толстяк медленно приблизился и стал сбоку, а Гонщик — лицом к Гермесу.

— Ты забыл деньги, которые пообещал тебе мой друг, — сказал Толстяк.

— Они мне не нужны.

— Это тысяча.

— Ну и катись вместе с ней.

Толстяк привычным жестом схватил его за отвороты пиджака.

— Он просил передать, чтоб ты не забывал о договоре.

Толстяк так стиснул ткань пиджака, что он опять стал походить на смиренную рубашку, и у Гермеса вновь хрустнули шейные позвонки. В одной руке Толстяка, наверное, было столько же силы, сколько во всем теле Гермеса. Гонщик выпрямился во весь рост, на лице его заиграла радостная улыбка предвкушения.

Потом Гонщик ударил. Кулак попал Гермесу между скулой и подбородком. Всю голову окутало болью. Удар был настолько сильный, что даже рука Толстяка не смогла удержать Гермеса — он упал на асфальт.

Толстяк нагнулся и снова ухватил Гермеса за пиджак. Без труда, как ребенка, поднял и поставил на ноги. Детектив стоял, пошатываясь.

— Все к лучшему, — пробормотал Толстяк. Потом добавил: — Гонщик может тебя до смерти избить, если захочет. Имей это в виду!

Гермес медленно приходил в себя. Он встряхнулся и, запинаясь, проговорил:

— Да уж, не забуду. Большое спасибо.

Толстяк одобрительно посмотрел на него.

— А ты весельчак, — сказал он. — Ты мне почти нравишься.

— Себе я тоже нравлюсь, — пробормотал Гермес. Он провел рукой по пострадавшей половине лица и ощутил густеющую кровь. В ухе звенело, голова кружилась. Он, шатаясь, подошел к кустам, и его вырвало.

А когда он снова повернулся, обоих горилл уже не было. Гермес на подкашивающихся ногах пошел дальше. Пожалуй, избивение можно считать расплатой за все совершенные в этот день ошибки, решил он и невольно улыбнулся. Гангстеры вели себя согласно правилам игры, так что обижаться не на что.

Вдруг в лицо ему ударил желтый свет фонаря.

— Что случилось, вы упали?

Луч пробежал по изрядно помятой фигуре Гермеса.

— Вы пьяны?

Это был полицейский. Вот теперь он появился — когда все уже кончилось. *Возможно, все это время он стоял за кустами и наблюдал. В таком

районе ничто не исключено. Возможно, он не хотел прерывать то, что происходило между Гонщиком, Толстяком и Гермесом.

— Пьян, да еще как, — зло огрызнулся Гермес. — Я налетел на фонарный столб и разбил лицо.

— Лучше уходите отсюда, — предупредил полицейский. — Идите кратчайшей дорогой, иначе посажу в камеру-вытрезвитель.

— О'кей, о'кей! — проворчал Гермес. — Успокойтесь. Я просто встретил пару друзей, и мы немного потренировались перед матчем с Фрэйзером. Этого достаточно?

— Для вытрезвителя достаточно.

Гермес попытался улыбнуться, но лицо слишком болело.

— Подумайте о протоколе и куче прочей работы, которая у вас из-за меня будет. Кстати, может быть, это и Штомпсу не понравится, кто его знает. И, наконец, я иду прямо из бара «Коринна», а это значит, что вы обязаны сообщить о случившемся на Фризенштрассе.

Он медленно пошел в сторону вокзала городской железной дороги, каждую секунду ожидая, что полицейский его окликнет. Но тот молчал. В вокзальном туалете Гермес привел себя в порядок, насколько это было возможно. Потом поехал домой.

Петер Гермес жил под крышей одного из маленьких домиков, которые притулились у железнодорожной колеи между станциями Фейербахштрассе и Штеглиц. Уже светало, когда он вернулся домой. Став перед зеркалом, он долго и уныло рассматривал свое разукрашенное лицо. В кармане пиджака Гермес обнаружил сложенную в несколько раз бумажку, которой раньше там не было. Это оказалась банкнота в тысячу марок. Такой банкноты Гермес никогда еще не держал в руках.

Он покачал головой. Как трогательно. Чуть не до слез.

— Не думать не хотелось: в голове гудело, глаза слипались. В такой ситуации нет ничего лучше, чем холодный душ.

Гермес стащил с себя запачканную одежду и стал, стуча зубами, под ледяные струи. Потом быстро вытерся, надел длиннющий многоцветный халат и вытащил из холодильника бутылку водки американского производства — напиток прозрачный, очень дорогой и совершенно безвкусный. После нескольких глотков он уснул, и ему приснился дремучий лес с целым стадом горилл.

От страха Гермес проснулся и тут же подумал, что эти гориллы не столь опасны, как люди, которым присвоили это прозвище... Когда он проснулся во второй раз, в окне светило солнце. Звонил телефон.

— Что было интересного вчера? — спросил Тот, пребывавший в спокойном благополучии на другом конце провода.

— Я познакомился с массой интересных людей. Они напоили меня водкой и избивали. А потом подарили тысячу марок.

— Кто это был?

— Штомпс и его охрана. Их аргументы сияют у меня на лице.

Тот молчал. Он молчал долго, а Гермес тем временем рисовал фигурки на листе бумаги. Когда фигурок стало довольно много, Тот заговорил.

— Мне очень жаль, — сказал он.

— И..?

— Они загнаны в угол.

Гермес рассмеялся.

— Но спиной-то они опираются о стену. Я ведь тебе уже говорил, Иштван, что это дрянное дело.

Смех у него был безрадостный.

— Они меня быстренько разглядели, как будто я весь стеклянный. Это умные люди...

— Но события развиваются не по их плану. На новое убийство они не пойдут. Да и не настолько уж они умны, Петер!

Тот произнес это почти с отчаянием, и Гермес подумал: что движет тобой, Иштван? Совесть? Или твое ремесло?!

— Мы не отступимся, — заявил Тот. — Мы с ними покончим, и я обязательно хочу принять в этом участие. Ты не один, Петер!

— Да, — ответил Гермес. Он осторожно положил трубку на рычаг. Я сам на это напросился, подумал он. Это моя профессия... и моя жизнь!

Гермес поднялся и прошел по комнате. Рядом с тремя фигурками обезьянок, которые ничего не видят, ничего не слышат и ничего не говорят, лежала банкнота в тысячу марок. Он приколол банкноту кнопками к белой стене. Там она выглядела очень элегантно.

Окончание следует.

ПУБЛИЦИСТИКА

ЮРИЙ ГРИБОВ

КОНТЕЕВСКИЕ ВЕЧЕРА

Нет цены земле родной

В новой книге «Контеевские вечера» («Советская Россия», 1982 г.) Юрий Грибов остается верным главной теме своего творчества — российскому Нечерноземью. «Меня всегда интересовало в первую очередь сам человек, его отношение к земле, к работе своей, к народным традициям, к его нравственным и духовным основам...» — сказал в одном из выступлений писатель. Чем освещен этот трепетный писательский взгляд? Нельзя забывать то, что бабушки и прабабушки любили, как бы призывает Ю. Грибов. И это чувство — пружина восприятия героями книги своих жизненных задач.

«... А как же? — вскидывал седые брови старик. — Куда же нам? Мы, чай, русские, рыбаки, тут наши деды лежат, могилки ихние, родина тут наша...» Так воодушевленно восклицает старожил острова Залита из очерка «Слово о пресной рыбе» текст теперешнего островного «мэра» Н. А. Хохлова. «Не так уж далеко от Залиты... до Вороньего камня, где Александр Невский семь веков назад разбил закочаных в латы немецких псов-рыцарей». А сорок лет назад Николай Алексеевич со своим усиленным взводом отбивал здесь немецкие десанты с бронированных катеров, освободил этот клочок доблестного края Отечества на Псковском озере. Потом вот на синеглазой дочке рыбацкого старика женился и пустил здесь семейные корни. Но осесть Хохлов решил не только из-за сердечной привязанности. Хотелось хозяйски встать за освоение местных рыбных угодий.

«Воды на псковской земле хоть отбавляй: одних только озер около трех тысяч». И «была рыба, — рассказывает писатель, — лет пятнадцать назад я жил в Пскове, и рядом с нашим домом продавали и сетка, и налим, ерша, окуня, даже сига бывали, раки. Местные раки тоннами Париж заказывал, Стокгольм...» А теперь: «Повсюду строятся огромные животноводческие комплексы, для земляного гектара везут удобрения, новые машины, а гектар водный, это необозримое озерное зеркало, созданное «бесплатно», природой подаренное, остается полузабытым, запущенным. Поговорят о рыбе на заседаниях, обяжут, в протокол запишут и отпустят рыбацких руководителей с миром, ничем материально свои слова не подкрепив...»

На страстной публицистической ноте размышляет писатель

и о других проблемах, волнующих хлеборобов, механизаторов, животноводов. Ясно, любовно пишет Юрий Грибов о родных по духу ему людях земли, четко высечивая их характеры, судьбы, труды праведные. «Волжанка», «Солдатки», «Фронтовики», «Поэт», «Пастухи», «Солдаты», «Огородники»... — обозначены главы книги.

Повесть «Контеевские вечера» завершает сборник. Это не случайно, потому что произведение как бы подводит жизнеутверждающий художественный итог сказанному на предыдущих страницах. Его героиня юная Галя Бурыгина, окончив культпросветучилище, по комсомольскому долгу едет на работу в далекую сельскую глубинку. Понятно, что на девичьей душе неспокойно — развалена деятельность местной библиотеки и клуба ее предшественниками. Как ей быть, с крохотным житейским опытом, только что изпод маминого крыла?..

Психологично, уверенными мазками писательской кисти изображена история становления, воспитания чувств девушки. Полнокровна словесная живопись: задумчивые пейзажи российской природы, графный рисунок сложных человеческих взаимоотношений.

...Книга Ю. Грибова дарит читателю радостную встречу с людьми и природой Нечерноземья.

Владимир ЧЕРКАСОВ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Рыцарь русской поэзии

Каждый новый том, выходящий в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия», неизменно привлекает внимание читателей. Книга писателя Дмитрия Жукова «Алексей Константинович Толстой» (1982 г.) рассказывает о жизни выдающегося русского лирика, создателя своеобразных былин и баллад, автора драматической трилогии, замечательного сатирика и юмориста.

С именем Алексея Константиновича Толстого ассоциируется хрестоматийное, с детства знакомое: «Колокольчики мои, цветики степные! Что глядеть на меня, тевно-голубые?» Вспоминаются «Средь шумного бала, случайно...», «Князь Серебряный» и «Царь Федор Иоаннович», тонкие, остроумные и едкие насмешки Козьмы Прутков.

Творчество А. К. Толстого весьма разнообразно и несет на себе отпечаток щедрого, оригинального таланта. Любовь к родной природе, тонкое ощущение ее красоты, интерес к проблемам истории и философии, критическое отношение к существующему социальному строю и глубокое патристическое чувство — эти особенности Толстого, мыслителя и поэта, получили развитие в его произведениях всех жанров. Благородство, искренность, чувство собственного достоинства, прямота были отличительными свойствами А. К. Толстого-человека.

Важно отметить, что Дмитрий Жуков проделал огромную исследовательскую работу. Читатель найдет любопытные, малоизвестные бытовые детали из жизни Алексея Константиновича Толстого. Детство, проведенное в имениях матери, среди южной украинской природы, оставившее, по его собственным словам, одни только светлые воспоминания. Первые литературные опыты. Незабываемое путешествие по Италии. Красивый, одаренный незаурядной памятью, остроумный молодой человек, прекрасно знавший иностранные языки, делившийся свое время между службой, светским обществом и литературой. Любовь к Софье Андреевне Миллер, урожденной Бахметевой (Толстой называл ее, обладавшую незаурядным эстетическим вкусом, своим лучшим и самым строгим критиком, прислушивался к ее советам).

В начале 50-х годов прошлого века «родился» Козьма Прутков. Владимиром Жемчужниковыми сатирическая маска тупого, самодовольного бюрократа. Интересно, с большим знанием изображен этот период в творчестве и жизни А. К. Толстого, и неудивительно: ведь Д. Жуков — автор замечательной книги о Козьме Пруткове, вышедшей несколько лет назад.

Дмитрий Жуков пристально изучает своих героев, сживает с ними полно и глубоко. Даже располагая бесконечно обширной документацией, невозможно постигнуть сокровенный мир человека без помощи художественного воображения романиста, именно оно помогает Д. Жукову создать правдивый портрет Алексея Константиновича Толстого во всем многообразии его эмоционального мира.

Живо изложенные и тщательно прокомментированные факты жизни великого поэта дополняются выразительными авторскими характеристиками, благодаря чему возникает красочная и содержательная картина жизни «рыцаря русской поэзии».

Галина ЧЕРНОВА

ПРОЗА

За живую водой любви

Задумавшись: сборник — повестей и рассказов, романов и повестей — дело для писателя ответственное, сложное. Ведь каждая вещь в отдельности может удасться, нести в себе идею, которой предано перо литератора, а в целом не видно в сборнике генеральной, «красной» нити. И вот на наших книжных полках — сборник Василия Андреева ««Арина» (Роман и повести. «Современник», 1982 г.).

Как во всяком правдивом и цельном по художественному

замыслу произведении, по страницам романа «Красное лето» проходят люди из гущи современной жизни — мужественные и отважные, хорошо знающие, в чем смысл этой жизни, сущность человеческого счастья, суть нравственного долга, и те, кого захлестнула волна мелкобуржуазной психологии с ее потребительством, эгоизмом, расчетливостью, общественным равнодушием.

Завладевают сердцем, побуждая разглядеть подобных себе среди современников, определить в них подлинные, непреходящие ценности, пенсионер Иван Иванович Поленов, старый мастер из парикмахерской Петр Потапович, старики из деревни — Тимофей Поликарпович, Лукерья. Бойцовские качества, нравственную бескомпромисность сохраняет, проходя через все испытания, молодой ученый Дмитрий Булавин. Еще есть с кем и чем сражаться, еще приходится давать бой многим всякого рода костричкиным, кравченкам, и бой подчас неравный. Поэтому-то рядом с лирическими, окрашенными любовью, радостью, возвышенными человеческим благородством страницами романа проходит боль, негодование, скорбь...

Гражданское чувство писателя остро, он переполнен непреходящими идеями, которые волнуют общество, и, утверждая свое понимание личности социально активной, зрелой, он не приемлет и предостерегает нас от людей бездумных, к жизни общества равнодушных. Об этом и повесть «Город не кончается», главный герой которой — московский таксист Алеша Рябинин. Предельно ненавязчиво, в итоге тщательного рассматривания точек зрения, убеждений, противоборствующих сил в повести, как и в романе, происходит приговор злу, поддержка добра.

Тонко, бережно исследуется в книге и одна из важнейших тем — тема любви. Тоска по любви, поиск ее, зарождение чувства и гибель — все это написано и с болью, и с печалью, и с радостью, и порой с иронией. Во всем этом мысль о том, что неосуществленность любви есть и неосуществленность, может быть, самого главного в человеческой судьбе.

С первых страниц повести «Арина» внимание читателя привлекается к личности, к внутреннему миру человека. Понять, ради чего живет человек, увидеть несоминутный смысл действий — главное для автора. И основным стержнем сюжета повести становится не острая динамика событий, а сюжет мысли, переживания персонажей, каждый из которых отстаивает тот или иной принцип нравственного отношения к жизни. И сменяются ожидания — тревогой, беспричинная радость — смятением.

Анализ современного образа жизни, который проводит в повести Василий Андреев, интересен. Он интересен потому, что выявляются нравственные закономерности сегодняшнего мышления. Современная жизнь бесконечно сложная. Углубление представления о самом себе, усложняется духовный мир нашего современника. Но вечные понятия совести, чести, доброты, внимания к ближнему продолжают активно формировать сознание. И в повести «Арина» привлекает горячее стремление автора повсеместно утвердить на земле эти подлинные жизненные ценности.

Живая вода любви, освещающая лучше в человеке; гражданское мужество, воспитанное в противоборстве с антисоциальными явлениями, — вот стержень сборника, его красная нить.

Станислав ГРИБАНОВ

ПОЭЗИЯ

Благодарною строкой

Книга поэта и пародиста Алексея Пьянова «Явление весны» («Современник», 1983 г.) состоит из двух частей. В первой — стихи разных лет. Читая их, снова и снова чувствуешь, как серьезно отнесся автор к выбору произведений для первого сборника. Здесь практически нет стихотворений проходных, случайных. За каждой строчкой поэта стоит его судьба, помноженная на судьбу Родины. Он из поколения рано повзрослевших мальчишек, чье детство пришлось на годы военного гололетия, чьи отцы, прикрыв грехоу страну, не вернулись к домашним очагам. Может быть, именно отсюда, из этого «взрослого» детства, пришло к Пьянову очень точное понимание ценности подлинных и мнимых, уважение к истинному труду, какое-то очень чистое чувство благодарности к людям и природе, окружающим его, ко всему, из чего для каждого из нас складывается понятие «родная земля».

«... Всего, что в детстве смог, Теперь не перечислить. И если трудно будет, Я жизнь не укорю. За то, что вышел в люди, Людей благодарю».

И неброская красота русского Севера, и раскаленный Ташкент, и тверская земля, живая современность которой тесно связана для автора с Тверью Пушкина и Казакова, написаны очень образно и зримо.

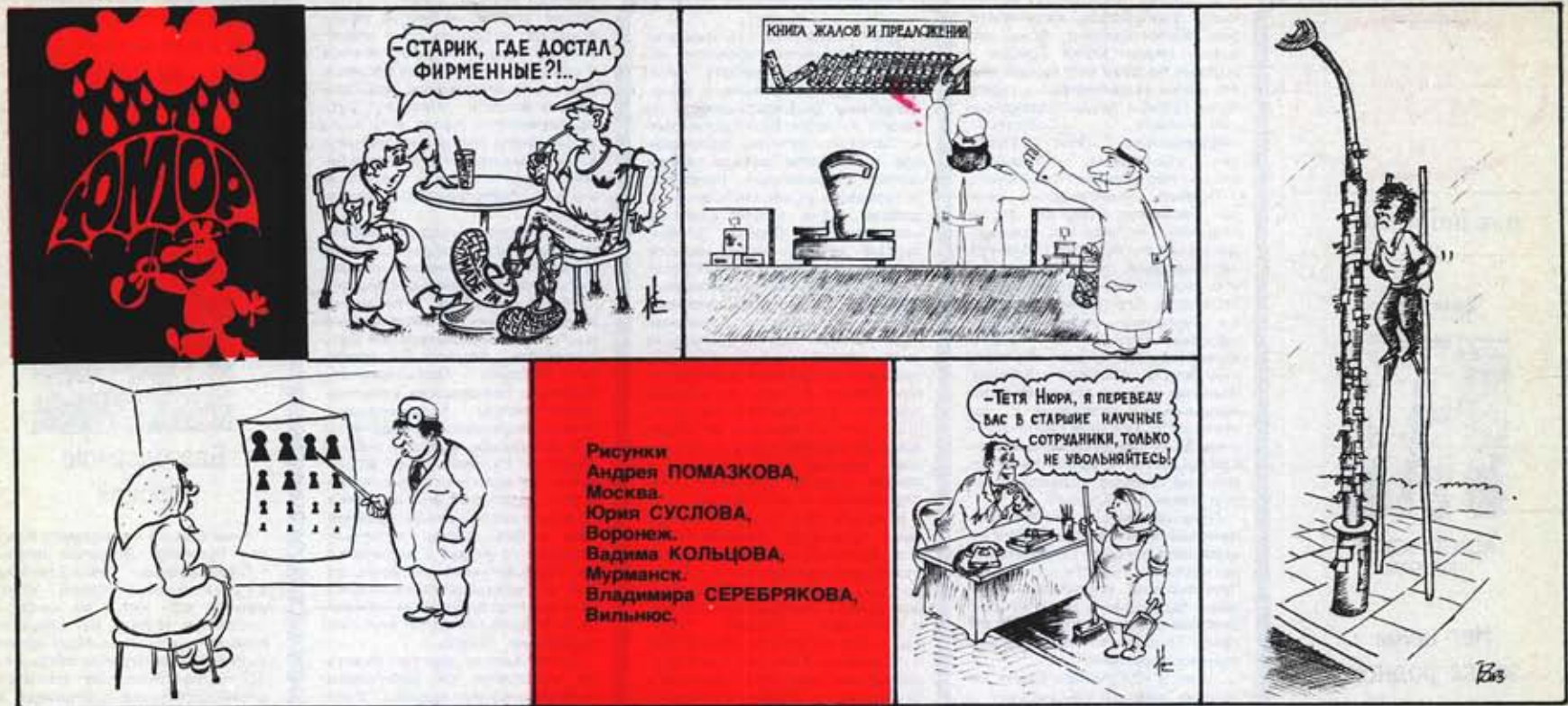
Но главная все же черта поэтического творчества А. Пьянова заключается, на мой взгляд, в личности лирического героя этой книги. Перед нами умный и добрый человек, зрело размышляющий о происходящей вокруг жизни, познавший настоящую ее цену:

Я знаю: Легкая удача — Ошибочно большая сдача... Чужой полтинник не схвачу. От неудач давно не плачу. Когда обидно — слезы прячу. За настоящую удачу. Ценою полной заплачу. Другой удачу не хочу.

Вторая часть книги содержит тридцать лучших пародий Пьянова из числа тех, что появились за последние годы. Литературная пародия стала сейчас жанром чуть ли не более популярным, чем сама поэзия. Пародисты блистают с эстрады, собирают многомиллионные аудитории у экранов телевизоров, иронично, а порой и язвительно переиначивая неудачные строчки своих собратьев-поэтов. Пародии Пьянова ярко демонстрируют эти качества, но еще ярче — тонкий литературный вкус автора.

Итак, вышла книга поэта и пародиста, серьезная и веселая, а главное, хорошая.

Юрий БЕЛЯВСКИЙ

Рисунки
Андрея ПОМАЗКОВА,
Москва.
Юрия СУСЛОВА,
Воронеж.
Вадима КОЛЬЦОВА,
Мурманск.
Владимира СЕРЕБРЯКОВА,
Вильнюс.

ТУРНИРЫ ЗАКОНЧЕНЫ. ПРОВЕРЬТЕ РЕШЕНИЯ

25-я ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ 25-й ШАХМАТНОЙ ОЛИМПИАДЫ

- Первый тур.**
1. В. Чепижный, 1983. Мат в 2 хода.
1. Кре8 (1 балл).
2. В. Чепижный, 1983. Мат в 3 хода.
1. Лс4! Сс4 2. а8Ф+ Са2 3. Фh8x, 1... Сd5 2. а8Ф+ Са8 3. Ла4x, 1... Кра2 2. а8Ф+ Крб3 3. Фа4x; 1. а8Ф+? Са2! (2 балла).
- Второй тур.**
1. Д. Бронштейн и В. Чепижный, 1982. Мат в 2 хода.
1. Кh2!, 1. Кd2? Лh3! (1 балл).
2. К. Шлехтер, 1909. Мат в 3 хода.
1. Кf6! (2. Ке4!) 1... Кр-г6 2. Фг7+ Крf5 3. g4x, 1... еf 2. Фг3+ Крf5 3. е4x, 1... Крд6 2. Фb8+ Кс5 3. Кd7x (1 балл). Побочное решение: 1. Кf4 (1 балл).
- Третий тур.**
1. Л. Куббель и А. Лебедев, 1925. Мат в 2 хода.
1. Фh7! (1 балл).
2. И. Неукомм, 1925. Мат в 2 хода.
1. Фе2! (1 балл).
2. Обе задачи являются блоками (1 балл).
- Четвертый тур.**
1. Е. Умнов, 1945. Мат в 2 хода.
1. Сg2! (1 балл).
2. Е. Умнов, 1946. Мат в 3 хода.
1. Фа8! (2. Фе8) 1... Ка5 2. Фg8+ Кf7 3. Ле5x, 1... Ке5 2. Лd6+ Крf5 3. Лf6x, 1... Крf7 2. Лd7+ Крg6 3. Фе4x (2 балла).
3. К. Шлехтер, 1909. Мат в 3 хода.
1. Фb3! b5 2. Фа4+!, 1... Сb3 2. cb, 1... С:c6 2. Лb1 (3 балла).
- Пятый тур.**
1... Фс6! с угрозой 2... Лb7+ и 3... Фе8 (2 балла).
2. С. Лойд, 1859. Мат в 3 хода.
1. Фh7 с неизбежным матом после 2. Кd6! (2 балла).
3. Л. Куббель, 1906. Мат в 4 хода.
1. Ле1! е5 2. Лf1! е4 3. fe+ Крe5 4. f4x (3 балла).
- Шестой тур.**
1. В. Массман, 1972. Мат в 3 хода.
1. Кf5! Сс4 2. Кс6+ Крb5 3. Кf4d4x, 1... Сс6 2. Кс4+ Крb5 3. Кf6d6x (2 балла).
2. С. Бремер, 1950. Мат в 3 хода.
1. Лg6! с угрозой 2. Лf6, 1... Сd5 2.

- Сd8!, 1... Кd5 2. Кd8! (2 балла).
3. В. Руденко, 1958. Мат в 4 хода.
1. Са7! с угрозой 2. Фс8+ Крb5 3. Фс4+ Кра5 4. Фа4x, 1... Кс3 2. Кd7+ Крд5 3. Фb7+ Крс4 4. Кс5x, 1... Лf4 2. Кс4+ Крд5 3. Фb5+ Крe4 4. Кd2x (3 балла).
4. В задании 2 белые фигуры в попытках блокируют поле d8 друг для друга: 1. Сd8? Кd5! и нет 2. Кd8; 1. Кd8? Сd5! и нет 2. Сd8 (2 балла).
- Седьмой тур.**
1. А. Суттер, 1950. Мат в 3 хода.
1. Крg8! с угрозой 2. Кfe5!, 1... Ла5 2. Кde5!, 1... Ch2 2. Се5! (2 балла).
2. В. Шлекман, 1960. Мат в 4 хода.
1. Фе6! Сg4! (1... b4 2. Фе2+ с4 3. Фа2x) 2. Фа2+ Ла4 3. Фg8 b4 4. Фс4x; 1. Фа2+? Ла4! (3 балла).
- Восьмой тур.**
1. Н. Маклеод, 1951. Мат в 2 хода.
1. Ке1! (1 балл).
2. Ф. Гигольд, 1960. Мат в 3 хода.
1. Ла3! Крс4 2. Фс6+ Крд3 3. Фс2x (2 балла).
3. Э. Прандштеттер, 1963. Мат в 3 хода.
1. Фе8! с угрозой 2. Лf7+ Крg6 3. Кf4x, 1... Ла6 2. Лf3+ Крg4 3. Лf4x, 1... Кd3 2. Ке3+ Сe3 3. Лf7x (2 балла).
- Девятый тур.**
1. Л. Загоруико, 1982. Мат в 3 хода.
1. Кf6 (2. Кf5+) 1... Сg4 2. Фf8+ Кf8 3. g8Kx, 1... Сd7 2. Фе8+ Сe8 3. Кf7x; 1... Се8 2. Фf7+ Кf7 3. Кhg8x (3 балла).
2. И. Брейер, 1949. Мат в 4 хода.
1. Фh1! Лh1 2. а8Л! Лh8 3. Лh8 Крf6 4. Лf8x; 1. Фh8? —пат! (3 балла).
3. Г. Боума, 1955. Мат в 4 хода.
1. Лe8! Ке8 2. Сf6! Кf6 3. h8Ф; 2. h8Ф? с4!; 2. Сс1? Кс7! (4 балла).
- Десятый тур.**
1. Т. Зирс, 1956. Мат в 4 хода.
1. Ке3! (2. Фb5+) 1... f1Ф 2. Кс2! с неизбежным 3. Ке1+ и 4. Фс2x; 1. Ке1+? feK! (3 балла).
2. Т. Зирс, 1960. Мат в 5 ходов.
1. Фf2 a1Ф 2. Фf5 Фа2 3. Ка3+ Кра1 4. Фb1+! Фb1 5. Кс2x; 1. Ка3+? Кра1 2. Фb1+ abK+! (4 балла).
3. И. Моравец, 1962. Ничья.
1. Кg6! Лg6 2. hg Лhh6 3. е7 Лf6+ 4. Крg8! (4. Крe8? Лhg6 5. Крд8 Ле6) 4... Леб5 5. Крf8! (5. Крf7? Лhg6 6. е8К Кр:а5 7. с6 Крb6 8. с7 Крb7) 5... Лhg6 6. Крf7! —взаимный цугцванг! 6... Кра5 7. е8К Крb4 8. с6 Л:c6 9. g8Ф Л:g8 10. Кр:g8 —ничья.
- Одиннадцатый тур.**
1. О. Немо, 1885. Мат в 3 хода.
1. Фg1! (2. f3!), 1... Кс5 2. Кf6+ Кр:d4 3. Фа1x, 1... Кс3 2. Кf6+ Кр:d4 3. f4x, 1... Кр:d4 2. Крд6 Кр:e4 3. Фg4x (2 балла).
2. Ф. Гигольд, 1967. Мат в 4 хода.

1. Ла3! b4 2. Ла4! b3 3. Лh4 Кр:h4 4. Кf3x (3 балла).
3. Г. Ринк, 1926. Выигрыш.
1. Лс7+ Лd7! 2. Фс5+ Крд8 3. Крh6!! —цугцванг! 3... Лс7 4. Фf8+ Крд7 5. Ф:b8, и выигрывают (2 балла).
4. Э. Погосьянц, 1983. Ничья.
1. Фh6+! (1. Фh2? Фе1+ 2. Фg1 Cf3+ 3. Крh2 Фh4x; 2. Крg2 Фf1+ 3. Крg3 Фf3+ 4. Крh4 Фg4x) 1... Крд1 2. Фd6+ Фd6 3. g8Ф Cf3+! 4. Крg1 Фd4+ 5. Крf1! (5. Крh2? Фh4+! 6. Крg1 Фе1+ 7. Крh2 Фе1+ 8. Крg3 Фg2+ с выигрышем) 5... Фd3+ 6. Крg1! (6. Крf2? Фе2+ 7. Крg1 Фе1+ 8. Крh2 Фh1+ с выигрышем) 6... Фе3+ 7. Крh2 Фе2+ 8. Крh3! Фf1+ 9. Крh4 (9... Крh2? 10. Фh1+ Крg3 11. Фg2+ с выигрышем) 9... Фh1+ 10. Крg5 Фg2+ 11. Крh6! Ф:g8 —пат! (4 балла).
- Двенадцатый тур.**
1. Х. Брандфорд, 1949. Выигрыш.
1. Сd4+ Кра8! 2. с4 Кd2 3. с5 Кb3(c4) 4. с6 Ка5 5. с7 Кс6! 6. с8Л+! Кв8+ 7. Крд6, и выигрывают (2 балла).
2. М. Хавель, 1955. Мат в 5 ходов.
1. Кd2+? Кр:g1 2. Ла1+ Крh2 3. Кf1+ Крh3 4. Кg3!, но 1... Крe1! 1. Ке2? h3 2. Кd2+ Крe1 3. Кb3! Крд1 4. Ке4!, но 1... f5! 2. Ла8 h3! 3. Лс8 Ch4! или 2. Кd2+ Крe1 3. Кb3 Cf6!
3. Х. Стевиска, 1958. Выигрыш.
1. Cf5+ Кр:f5 (1... Крf7 2. Лb8 Лс5 3. Лb5 Лb5 4. Cd7) 2. Лb8! Лf6! 3. Лb5+ Крe6+ 4. Лf5! Кр:e7 5. Лf6 Кр:f6 6. Крf4!, и выигрывают (2 балла).
4. А. Вотава, 1954. Выигрыш.
1. Крg3! Лb3+ 2. Крg2! (2. Крf2? Лh2+ 3. Крg1 Лd2 4. С:d2 Лg3+, и ничья) 2... Лbb1 3. Са5+! Кра6 4. Сb6!! Кр:b6 5. Лb2+ Лb2 6. Кр:h1, и выигрывают (3 балла).
- Тринадцатый тур.**
1. К. Саммелиус, 1981. Мат в 3 хода.
1. Сg3! ~2. Фа3+ Сd3 3. Фс1x, 2... Лd3 3. Фе7x; 1... Лd1 2. Фb3+ Сd3 3. Фb6x, 2... Лd3 3. Фе6x; 1... Сс4 2. Фс3+ Лd3 3. Фе1x, 2... Сd3 3. Фd2x; 1... Фf8 2. Лf3+ Кр:f3 3. Фf4x (2 балла).
2. М. Хавель, 1923. Мат в 5 ходов.
1. Фg3! Крд3! 2. Фf3+ Кр:c4 3. Фe3 Крд5 4. Лe6! Кр:c6 5. Фс5x, 2... Крд4 3. Лс6 Крe5 4. Лd6! Кр:d6 5. Фf6x (2 балла).
3. С. Белоконов, 1965. Выигрыш.
1. Лс7 b1Ф 2. Са2+ Крh8 3. С:b1 a2 4. Лh7+ Крg8 5. Лh1 a1Ф 6. Ch7+, 2... Крf8 3. Лf7+ Крg8 4. Лf2+ (2 балла).

4. Л. Митрофанов, 1969. Выигрыш.
1. Cd3! Фh5+ 2. Сg6 Фh4 3. Фb2+! Cf6 4. Фb5!! (2 балла).
- Четырнадцатый тур.**
1. М. Хавель, Мат в 3 хода.
1. Кb3! ~2. Лd3!; 1... е2 2. Се6! еdФ 3. Лс5x, 2... Крb3 3. Ла5x; 1... Кс2 2. Фе6! Крb3 3. Лd3x; 1... Кf3 2. Лb5! ab 3. Се6x (2 балла).
2. М. Хавель, Мат в 5 ходов.
1. Фс2! Крe3 2. Кh3 Крf3 3. Фg6 Крe2 4. Фd3+ Крe1 5. Кс2x, 2... Крд4 3. Крf7 Крe5 4. Фd2 Крe4 5. Фf4x; 1... Крe5 2. Фе4+ Крд6 3. Ка6 Крд7 4. Фе6+ Крд8 5. Кf7x (2 балла).
3. Л. Кацнельсон, 1980. Выигрыш.
1. g6 c3+! 2. Крc1!! (2. Крc2? Крg7 3. gh Лf7 4. Ле7 Крh8 5. Лf7 —пат!) 2... Крg7 (2... Ла1+? 3. Крc2 Л:e1 4. gh с выигрышем) 3. gh Лf7 4. Ле7 Лe7 5. f6+ Крf6 6. h8Ф+, и выигрывают (3 балла).
4. Н. Кралин, 1969. Выигрыш.
1. Сe4+ Крb3 2. С:d5+ Крc3 3. Лd1 Крc2 4. Лd4 Крc3 5. Лс4+ Крb3! (5... Крд3? Cf7!) 6. Лс6+! (6. Лс5+? Кра4!) 6... Крb4 (6... Кра4 7. Лd6) 7. Лс4+ Крb3! 8. Лd4+ Крc3 9. Лd1 Крc2 10. Сb3+! Крb3 11. Лb1+ и 12. Лb7 с выигрышем (3 балла).

4. a:g7! bc1 5. gh6x.
2. А. Черноплицук 1. ab4! c:a3 2. de3 f:d2 3. c:c5! a:c1 4. cb6 h:f4 5. bc7 d:b6 6. ed2 c:e3 7. f:a5 fe3 8. ae1 fe7 9. ea5 ed6 10. ae1 dc5 11. ea5x.
- III тур.** 1. В. Степанов 1. de3 f:d2 2. e:c3 g:e1 3. cd6 e7:e3 4. ba5 e:b4 5. a:c7 b:d6 6. a:e7 f:d6 7. h:f2x.
- 2. В. Степанов** 1. cd2 c:e1 2. gh4 e:g3 3. h:d8 d:f2 4. h:f4 b:d4 5. fe5 d:f6 6. d:e1x.
- IV тур.** 1. В. Степанов 1. 7gh4 e:e1 2. h:d8 c:c1 3. e—f4 c:g5 4. d:h4 E:b4 5. hg7 h:f6 6. h:a3x.
2. В. Степанов 1. gf2 b:b2 2. bc5 d:b4 3. f:f8 h:f4 4. f:g5 h:f4 5. fe3 f:d2 6. e:c3x.
- V тур.** И. Кобцев 1. c3—d4 e:g3 2. h:d6 a:c3 3. de5 cd2 4. eg3 h:f2 5. d:c1x.
2. А. Щелохов 1. cd2 c:a1 2. ef2 f:h6 3. ab4 c:a3 4. dc3 d:b2 5. fe3 f:d2 6. hg3 h:f2 7. g:c1x.
- VI тур.** 1. А. Сухоруков 1. de3 gh2 2. ab6 hg1 3. bc7 gh2 4. cb8 hg3 5. ef4 g:c3 6. cd6 h:c7 7. b:a1x.
- 2. А. Буткевич** 1. ef2 a:c1 2. cb4 a:e1 3. ef4 c:g5 4. gh4 e:g3 5. h4:f6! g:e5 6. h:b8x.
- VII тур.** 1. При ходе белых: 1. 27—22 18:27 2. 32:21 23:34 3. 40:16x. При ходе черных: 1... 24—29 2. 33:24 19:30 3. 28:17 11:35x.
II. 1. 27—22 18:27 2. 32:21 23:34 3. 45—40! 17:37 4. 40:16x.

19-я ШАШЕЧНАЯ ОЛИМПИАДА

Под редакцией мастера Виктора КРАМАРЕНКО

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ 1-й ШАШЕЧНОЙ ОЛИМПИАДЫ

- I тур.** 1. В. Степанов 1. cb2 a:c1 2. fg5 c:f4 3. g:e7 f:b4 4. h:a3 a:c5 5. a:h2 ba7 6. hc7 ab6 7. c:a5 hg3 8. ab6 gh2 9. bg1x.
- 2. А. Фомин** 1. bc5 e:g1 2. hg5 f:f2 3. d:d8 b:b2 4. d:b6! a:c5 5. a:c3x.
- Попытка выиграть другим способом — 1. g:f4 встречает интересное возражение: 1... e:g3! 2. h:d2 fg5 3. h:d8 ba5 4. d:b6 a:c1 (нельзя 4... a:g1 из-за 5. bc5 g:b6 6. ef2 b:g1 7. de3 и белые выигрывают) 5. bc5 ca3 6. cb4 a:c3 7. cb6 af8 8. bc7 fg7 с ничьей.
- II тур.** 1. А. Буткевич и С. Мальцев 1. ca5! cb2 2. ef2 h:e1 3. cd2 e:b4. После 3... e:c3 4. a:c1 черная дамка попадает в капкан и гибнет при любом ходе. Например, 4... ca1 5. cb2 a:c3 6. a:d2x.

В решениях приведены главные варианты.
В пятом и шестом турах были дополнительные вопросы.
V тур. III. Первый чемпионат СССР по русским шашкам состоялся в Москве с 26 августа по 9 сентября 1924 года. Победителем стал Василий Васильевич Медков (1890—1933 гг.).
VI тур. III. С древнего Рима и древней Греции и по наши дни в художественной литературе всегда находилось место для описания игры в шашки. «Одиссея» Гомера и трактат Овидия, Онежская былина о русском богатыре Михайле Потыке и басня П. Вяземского, поэма А. Мицкевича «Шашки» и поэма Н. Гоголя «Мертвые души», поэзия и проза А. Пушкина, роман «Война и мир» Л. Толстого и пьеса «Нахлебник» И. Тургенева, «Конармия» И. Бабеля и новелла Э. По «Убийство на улице Морг», поэма К. Симонова «Суворова» и повесть Гр. Грина «Наш человек в Гаване», поэзия Б. Пастернака — все эти и многие другие произведения описывают игру в шашки или используют ее специфические стороны для характеристики тех или иных явлений, ситуаций и т. п.

Музыка Эдуарда ХАНКА
Стихи Роберта РОЖДЕСТВЕНСКОГО

ЛЕБЕДИ

КРОССВОРД

Составил А. Львов, Москва

По горизонтали:

- 7. Старание, усердие. 10. Церемониал. 11. Самая маленькая на земле птица. 12. Опера Д. Пуччини. 13. Геологический период, в который возникли современные океаны. 14. Торфяной мох. 18. Торцовая часть стены без карниза, ограниченная двумя скатами крыши. 20. Крепежная деталь. 21. Громкоговоритель. 22. Чертежная бумага. 23. Домашнее животное. 26. Математическое выражение, определитель. 29. Работник общественного питания. 30. Руководитель факультета вуза. 31. Металлический контактный стержень в электро- и радиоустройствах. 35. Лососевая рыба. 36. Точка зрения на понятие, явление. 37. Сатирическое приложение к журналу «Современник», которое редактировал Н. А. Добролюбов. 38. Древнегреческий драматург. 39. Австрийский композитор, автор вальсов.

По вертикали:

- 1. Химический элемент. 2. Специалист в области техники. 3. Кулик, охотничья птица. 4. Немецкие писатели-братья, издатели народных сказок. 5. Персонаж оперы К. Вебера «Вольный стрелок». 6. Небольшое газетное сообщение. 8. Курорт в Крыму. 9. Бытовой сосуд. 15. Работник аптеки. 16. Вулкан на западе острова Ява. 17. Рост быстроты движения, развития. 19. Мера веса. 20. Остров, на котором А. С. Попов испытал свою радиостановку. 24. Новелла С. Цвейга. 25. Передовик, рационализатор. 26. Русский поэт, герой Отечественной войны 1812 года. 27. Краска, растертая на яичном желтке. 28. Пьеса А. Н. Островского. 31. Сорт винограда. 32. Персонаж оперы Б. Сметаны «Проданная невеста». 33. Английский поэт-романтик. 34. Красивая лесная птичка.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 22

По горизонтали:

- 1. Гольф. 4. Товар. 7. Цугцванг. 9. Борнхайм. 11. Скиф. 12. Дено. 14. Крашенинников. 16. Нуклон. 17. Полков. 18. Контрабас. 20. Полярник. 21. Лейкоцит. 22. Базис. 25. Рессора. 26. «Торпедо». 27. Гарде. 28. Словаки. 29. Котлета. 31. Олифа. 34. Меридиан. 36. Проспект. 38. Нонпарель. 39. Гривна. 41. Пальма. 42. Тригонометрия. 43. Маки. 45. Мирт. 46. Архитрав. 47. Нунецзян. 48. Наряд. 49. Янтра.

По вертикали:

- 1. Гауф. 2. «Люцерн». 3. Флагшток. 4. Терминал. 5. Выхлоп. 6. Рейд. 7. Циркуляр. 8. Генетта. 9. Бенгази. 10. Меркуцио. 11. Синоп. 13. Ответ. 14. Корреспондент. 15. Воскресенская. 18. Кироваван. 19. Секретарь. 22. Багио. 23. Зархи. 24. Стека. 28. Сарпинка. 30. Апельсин. 32. Ляпунов. 33. Ферсман. 34. Мегом. 35. Новгород. 36. «Плутония». 37. Тракт. 40. Арбитр. 41. Пинцет. 44. Ирон. 45. Мята.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.10.83. Подписано к печати 01.11.83. А 13401. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1150000 экз. Изд. № 2934. Заказ № 1621. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Лесная опушка, густо усыпанная порывавшей листвой; белые, неброские цветы, тесно обступившие бездонный черный омут; освещенная солнцем яркая, сочная трава и голубое небо; залитое зноем поле; мать, склонившая голову над спящим ребенком; женские лица — как символ красоты и жизни...

Ощущение теплоты и естественности несут картины молодых московских художников Александра Поленова, Валерия Стойлова, Виталия Плуталова. Различна манера художников, различны средства выражения мыслей и чувств, и все же каждая их картина — лирический рассказ о многообразной красоте Родины, России.

Валерий Стойлов сосредоточивает внимание на небольших уголках леса, словно замыкая пространство или ветками деревьев, или густой зеленой травой, — передает настроение их скромной, уютной красоты. Невыразимое очарование, наполненное светом и воздухом, заполняет все пространство его пейзажей. «За околицей», «Опушка», «Русское поле»... Остро чувствовать и

альности. Скорее мечта, идеал. «Незнакомка», «Уличная мадонна», «Мелодия» — в полотнах ощутима тяга к совершенству. Женщины неземны, призрачны. Их лица словно сотканы из сна и химер. Это его ранние портреты — его юношеское представление об идеале женщины. Но вот одна из последних работ — «Материнство». Мать и младенец — вечная тема. Художник уловил особенные черточки живого характера молодой женщины. Ее счастье и ее тревогу за будущее ребенка передают светлые и темные тона, которыми написана картина. Еще совсем недавно Александр был студентом художественно-промышленного училища имени Калинина. А теперь сам учит рисовать ребят в студии изобразительного искусства.

Виталий Плуталов в отличие от двух своих товарищей по кисти не отдает предпочтения какому-то одному жанру. Его портреты тонкие, психологические.

А. ПОЛЕНОВ. МАТЕРИНСТВО.

В. СТОЙЛОВ. ЧЕРНОЕ ОЗЕРО.

НЕНАГЛЯДНАЯ СТОРОНА

**А. ПОЛЕНОВ.
МЕЛОДИЯ.**

**В. ПЛУТАЛОВ.
ПОЛДЕНЬ.**

**В. СТОЙЛОВ.
ЗА ОКОЛИЦЕЙ.**

понимать природу — пожалуй, это из детства. Из Бабушкина, когда-то окраины Москвы. «Сколько себя помню, — говорит Валерий Стойлов, — меня всегда тянуло рисовать мои родные места. Еще в школе на уроках, затем в Московском художественном училище имени 1905 года, где я учился, да и сейчас...» Его краски чисты и прозрачны, кисть легка и уверена, а пейзажи узнаваемы — будто сама природа отдала им часть своего естества.

Женские портреты Александра Поленова написаны с легкостью и поразительным пылом. Но это не конкретные лица. Здесь нет характера и индивиду-

Он пишет разных людей, любит одного человека писать несколько раз. Природа на его полотнах разнообразна: «Утро», «Полдень», «Вечер», триптих «Времена года»...

Звездный городок, Тимирязевская академия, Московский Дом ученых — вот неполный перечень адресов совместных выставок молодых художников. И не случайно то, что они совместные. Ведь всех троих объединяет общая тема любви к родному краю. А их творчество при всей несхожести манер, дополняя друг друга, дает возможность более широко и многопланово вести разговор со зрителем о том, что дорого каждому человеку; показывать все многообразие и красоту нашей жизни, гармонию окружающего мира.

Светлана ТОНИНА